

АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ: ПРОТИВОРЕЧИЕ И ЕДИНСТВО

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ДОКЛАДОВ

по материалам второй
Всероссийской научно-
практической
конференции по
аналитической
психологии

22, 23, 24 сентября 2023 г.

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

СОДЕРЖАНИЕ

3	ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА
И МАРИЯ САВВО
«Витязь на распутье». Особенности проявления Персоны психолога в социальных сетях	71	НАТАЛЬЯ БОЛЫЧЕВА
О бедной Персоне замолвите слово
15	ЕВГЕНИЙ ГОРЯЧЕВ
Проблема человеческого единства: христианский взгляд	84	ЯНА ДИДИГОВА
Соло, дуэт, трио...ансамбль — танец на пути индивидуации
26	СВЕТЛАНА МАЛКИНА
Созависимость – социальная болезнь или вызов индивидуации	87	АННА СПИРИНА
Часть и целое
41	АННА МИДГАРД
Коллективные и индивидуальные проблемы сексуальности. Юнгианский взгляд	108	НАТАЛЬЯ ПАРОТИКОВА
«И бог всегда уходит. И мы должны идти...» Anima mundi как цель и путь в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»
54	ЕЛИЗАВЕТА
КОНСТАНТИНОВА
Синхронистичность в аналитическом процессе - дерево смысла		

**Пахомова
Людмила
Владимировна**
*Магистр психологии
Игропрактик
Таролог
г. Санкт-Петербург*

**Савво
Мария
Владимировна**
*Психолог-консультант
Организирующий психолог
IFS-практик
г. Санкт-Петербург*

«Витязь на распутье». Особенности проявления Персоны психолога в социальных сетях

Аннотация

Сетевое пространство стало обыденной частью нашей жизни. Помогающие практики, прежде всего, психологи и аналитики, встретились с необходимостью осваивать это пространство. Каждый специалист, озадаченный формированием своей digital Персоны, неизбежно задается вопросом: «Как корректно проявлять себя, и стоит ли вообще это делать в интернете?».

В докладе мы рассмотрим эту тему через призму сказки о Царевне-лягушке. Что мы делаем со своей лягушачьей шкуркой в процессе позиционирования Персоны в digital пространстве? Каким образом коллективное влияет на Персону психолога или аналитика? Что ожидает социум от такого образа? Какое место может занять психолог в виртуальном пространстве социальных сетей? Чем мы обольщаемся и обольщаем?

Ключевые слова

К. Г. Юнг, аналитическая психология, архетип, персона, тень, digital.

Введение

В 1980-х годах стремительно увеличилось количество персональных компьютеров, в частности, домашних компьютеров, что в свою очередь привело к росту спроса на компьютерные сети. По сути, именно в этот период, Интернет из научной и военной сфер переместился в дома обычных граждан. Сейчас же мы видим, как наличие бесперебойного подключения к глобальной

информационно-телекоммуникационной сети Интернет стало неотъемлемой частью нашей жизни, обыденностью.

В 1995 году появилась первая социальная сеть — портал Classmates.com. В последующие 10 лет возникли несколько десятков различных социальных сетей, призванных облегчить процесс поддержания социальных связей с людьми во всех уголках земного шара. Феномен появления социальных сетей сам по себе уже интересен. Мало того, что вдруг стало возможно расширять свой социальный круг практически до бесконечности, так еще и восстанавливать взаимодействие или хотя бы «подсматривать» за жизнью тех, с кем непосредственный контакт был уже оборван или прерван.

Также стоит отметить особенность выстраивания коммуникации в любой социальной сети. Пользователь создает аватар (профиль), исходя из своих целей, предпочтений и желаний, физически оставаясь защищенным экраном компьютера от взаимодействия с другими и оставляя за собой право выбора — что показывать публике, а что нет.

Такой способ представления себя разительно отличается от того, с которым общество жило на протяжении многих сотен лет. Вот человек проснулся, совершил утренние процедуры, надел на себя костюм, соответствующий его статусу и положению, и вышел за порог своего жилища. А за порогом окружающие видят и его одежду, и походку, и жесты, и мимику, и слышат его речь, спонтанную и неотрепетированную. Индивид, может быть, и хотел бы, но никак не может проконтролировать абсолютно все свои живые проявления в таком случае.

Совсем иное дело — социальные сети. У пользователя создается иллюзия контроля: можно мгновенно оказаться на связи со своей аудиторией и также мгновенно эту связь оборвать, в режиме реального времени транслировать происходящее и проявлять свои эмоциональные реакции спонтанно. Иллюзия контроля создает предпосылки к тому, что этот процесс будет глубоко бессознательным также, как и содержание, которое пользователь передает аудитории. Не проходя внутренней цензуры, внутреннее становится достоянием общественности.

И здесь самое время озадачиться вопросом — это мой, как автора контента, процесс или коллективный? Где грань между этими тенденциями и есть ли она вообще?

В современном мире человек столкнулся с тем, что помимо той Персоны, которую он являет на 100-150 человек, с которыми непосредственно вступает в контакт в течение недели, есть необходимость создавать digital Персону. Однако, является ли эта необходимость личной или продуктом коллективного? Не вынуждает ли нас множество социальных сетей выходить в digital пространство помимо нашего желания?

Цели присутствия в социальных сетях менялись с течением времени. Если изначально пользователь проходил регистрацию в социальной сети для того, чтобы поддерживать связь с условно ближним кругом, то по мере

развития индустрии оформилась коллективная идея о важности использования социальных сетей для продвижения и поиска клиентов, для расширения своей предпринимательской деятельности. Таким образом, специалистов самых разных областей как будто пригласили создать свою digital Персону для профессионального и карьерного развития без права на отказ от этого.

Психологи как будто сопротивлялись дольше всего, ссылаясь на этический кодекс профессии. Действительно, профессия психолога накладывает определенные ограничения на формирование digital Персоны в отличие от блогера или специалиста сферы услуг. В особо затруднительном положении оказались молодые специалисты, чей старт профессиональной идентичности начался уже в период повсеместного присутствия Интернета. Наставники не находили, что сказать. Кажется, что проявляться в digital пространстве — единственный в современном мире способ заявить о себе. Однако, единственный не значит простой.

Образ психолога в digital пространстве наделяется проекциями архетипов Великой матери, Отца или даже Бога. Тяжесть этих ожиданий часто заставляет психолога чувствовать себя в роли богатыря на троепутье. Один путь — бороться и противостоять ожиданиям, второй — слиться с ожиданиями и их оправдывать, третий — вообще не выходить в публичное пространство, чтобы не пришлось выдерживать конфликт. При этом все три дороги точно не про процесс индивидуации, если специалист застревает по пути и не проходит дальше. Дело осложняется тем, что в силу недавности самого явления, социальный, юридический, этический аспекты еще не прояснены до конца. Вовне пока еще нет свода правил, на который можно опереться. В этом контексте общество, эксперты, учреждения и группы все еще находятся в хрупкой бессознательной или предсознательной фазе в отношении возможностей и проблем, связанных с управлением цифровой Персоной.

Наша статья в первую очередь адресована тем, кто проявляться в социальных сетях хочет, но при этом сталкивается с рядом вопросов к себе, ощущает в себе наличие внутреннего конфликта, вследствие чего естественные действия прекращаются или существенно тормозятся.

Главной задачей настоящей работы будет прояснение вопроса: какую часть себя терапевту (психологу, аналитику, аналитическому психологу и т.д.) нужно транслировать в Интернет? Для этого необходимо понять цель проявления, свои возможности и ограничения, а также портрет своего потенциального клиента (анализанта, пациента и т.д.), язык, на котором он говорит. Важно найти свой собственный, конгруэнтный себе, аутентичный и естественный способ представления миру себя и продуктов своей профессиональной деятельности.

Давайте попробуем порассуждать на тему проявления Персоны психолога в цифровом мире на примере сказки о Царевне-лягушке.

Анализ сказки о Царевне-лягушке

Мы предлагаем рассмотреть сказку о Царевне-лягушке, как описание трансформации Персоны двух персонажей (Иван и Василиса). В зачине мы видим Ивана как дурачка, то есть сознательная функция еще слаба и не проявляется в полную силу. Иван соглашается с отцовским условием выбрать себе невесту случайным образом — выпустить стрелу. Символически мы наблюдаем процесс отказа от сознательной установки в силу ее незрелости и доверия импульсу жизненной силы.

Отметим, что именно такой процесс, как мы увидим далее в сказке, приводит к действительно глубинным изменениям, при этом не приветствуется в современном обществе, в котором общественная установка гласит примерно следующее: «Поставь цель и действуй!», «Напиши четкий план», «Сформулируй образ результата и иди к нему».

Сказка, как и модель, отображающая путь, который проходит личность, показывает, что первоначально предстоит сделать выбор. Выбор невесты с помощью стрелы возвращает нас и к описанию процесса выбора идентичности: на кого мне быть похожим?

Этим же вопросом мы задаемся, когда выходим в digital пространство. Какой аватар мне выбрать? Как себя позиционировать? Каким языком говорить? О чем писать? Что транслировать людям, подписанным на профиль? Интересно, что сейчас социальные сети не работают по принципу случайной выборки. Мы видим в рекомендованном исключительно те профили, которые наиболее популярны на данный момент. Соответственно, мы выбираем на кого быть похожим не из разнообразной, широкой выборки, а из ограниченного, однотипного поля вариантов.

Стрела Ивана, в отличие от стрел его старших братьев, падает на болоте в лапы Царевны-лягушки, что огорчает Ивана, однако идти наперекор Царю он не готов. Интересный пример послушания и смирения незрелого сознания. Не своевольничая, Иван дает возможность запуститься процессу изменений.

В сказочных сюжетах образ Царя как правило олицетворяет старый Анимус, т.е. устаревшую установку, уже нежизнеспособную. В нашем случае это могут быть те профессиональные установки, которые показывали себя хорошо до того, как появились социальные сети. И эти установки как будто отрицают сам факт того, что проявление в digital пространстве — неотъемлемая часть нашей жизни. Компьютеризация так плотно вошла в нашу жизнь, что даже если специалист не регистрируется в социальных сетях, скорее всего он все равно будет представлен в Интернете, например, через сайт организации или сообщества. Однако устаревающая установка сдает свои позиции сама (в сказке Царь понимает, что сыновья выросли и необходимо подыскивать им невест) и подталкивает нас к наблюдению, куда же идет жизненная сила. Царь видит, что его правление подходит к логическому завершению, его потенция снижается, и инициирует поиск невест для своих

сыновей. Так и мы иногда хорошо чувствуем, что по-старому уже не выходит, жизни там нет и начинаем поиск и процесс взращивания новых векторов.

Зачастую в начале непосредственного публичного проявления в цифровом пространстве (например, публикуя свои тесты или видео без особого плана, скорее по импульсу) психолог ожидает какого-то конкретного результата, и столкновение с результатом реальным часто вызывает трудно выдерживаемые чувства: ярость, зависть, уныние, бессилие и прочее. В свою очередь, это приводит к полному отказу от того, чтобы заявлять о себе.

Старшие братья Ивана возвращаются домой с «вполне себе приличными» невестами, как у людей. Рассмотрим эту часть сказки в контексте поиска идентичности. Стрела старшего брата попадает на боярский двор, что символизирует статус, традиции, славу, власть, уважение. Именно такая мотивация может сподвигнуть нас начать свой путь проявления. И такая мотивация будет предопределять наш способ проявления в социальных сетях: экспертные тексты, трансляция своих профессиональных достижений (дипломы, «корочки», премии и т.д.), некое знание о том, как правильно, приправленное терминами, позиция «сверху».

Стрела среднего брата попадает на купеческий двор, что символизирует выбор материальных благ, обогащение, обладание. И тогда в digital пространстве при выборе такого пути велика вероятность проявления именно таким образом: большое количество подписчиков, рост популярности, проведение масштабных проектов с упором на количество участников.

Стрела же младшего брата попадает в топкое болото, мертвую воду, где и ждет его невеста. Символически мы можем говорить о болоте, как об области бессознательного, которая содержит в себе много потенциала, однако вызывает неприятие, а местами и отвращение — при первом взгляде уж точно.

Именно поэтому Иван видит свою невесту как лягушку, а не как Василису Премудрую, коей она и является. И тогда попытка проявления в digital пространстве будет наполнена стыдом, неприятием себя, ощущением «не на своем месте», неуверенности в собственных возможностях и способностях, невозможности признать ту часть реальности, в которой лежат достижения и успехи.

На первый взгляд очевидно, что старшим братьям улыбнулась удача по сравнению с Иваном, и общественное транслирует это Ивану насмешками и жалостью. Да и сам Иван грустит и ему не нравится невеста, которая ему досталась. Лягушка в сравнении с женами братьев — что за выбор?! При этом важно отметить ту же смиренность Ивана с происходящим. Он не пытается перекинуть стрелу, обмануть Царя или сделать что-то еще, чтобы избежать своей участи. Он соглашается с указом Царя, как своей мудрой части, при этом не представляя даже вариантов изменения текущего положения дел. Как будто обрекает себя на неуспех.

В подобных переживаниях психолог может обнаружить себя, когда наблюдает за публичной деятельностью в интернете внешне более успешных

коллег. Здесь существует большой соблазн сделать вывод о том, что «мне не повезло — стрела упала на болото» и застрять в попытках перебросить стрелу, или же отказаться вовсе от того, чтобы стрелу забрать с болота. Сказка же предлагает нам еще один вариант — не оценивать результат, а продолжать находиться в происходящем. В переложении на реальность это значит продолжать публиковать материалы для аудитории.

Ситуация меняется, когда Царь выдает женам сыновей задания. Оказывается, что не просто справляется с заданиями, а лучше всех справляется с ними именно лягушка. Для Ивана это сюрприз, неожиданный исход. Ведь его ожидания — неуспех и провал его неказистой жены. Его бессознательное проявление плодотворно и высоко оценивается обществом, однако Эго не признает авторства. Так, выстраивая свою digital Персону в обход привычным методам и образам, мы начинаем бессознательно проявляться своим уникальным образом, отличным от других, но выглядящим для нас уродливым, чрезмерно отличающимся от окружающих примеров.

Интересен факт явления Василисы на пир — уже не только общество, но и Иван признают за ней человеческую природу. Иван наконец-то видит реальный облик своей любимой. Однако, внутренняя работа по естественному присвоению этой части не проделана, и Иван сжигает шкурку лягушки в огне, тем самым обрекая себя на потерю Царевны.

Фокусируясь в какой-то момент исключительно на своем успешном проявлении, позитивной обратной связи подписчиков, увеличении количества заказов, мы как будто забываем про свою лягушку, сжигаем шкурку, чтобы больше никогда с ней не соприкоснуться. Но таким образом мы теряем доступ к своей царской и мудрой части. В то же время через диссоциацию или отрицание своей нелюбимой части невозможно достичь целостности и истинного Я.

У христиан лягушка часто ассоциируется с ересью и олицетворяет нечистый дух, поэтому, если мы забываем о том, что можем нести чушь, если уверяем себя, что мы только прекрасны и умны, мы обрекаем себя на инфляцию Эго, что может привести к тому, что мы будем захвачены Архетипом Бога.

В этой точке мы предлагаем сменить угол восприятия и внимательно посмотреть на образ Василисы, ведь царевна в сказке тоже проходит свой путь изменений, как и Иван.

В зависимости от вариации сказки на момент зачина мы можем знать о том, что лягушка — заколдованная Василиса, а можем и не знать. Сам факт заколдованности как будто понятен, знаком и исчерпывающ для нашего сознания при прочтении сказки. Но, возможно, имеет смысл присмотреться к этому факту пристальнее?

Василиса обращена в лягушку своим отцом Кощеем и помещена на болото на три года в наказание за то, что оказалась умнее своего отца. Символически Эго помещается в мертвые воды для того, чтобы уж наверняка

получить опыт послушания, смирения. Однако, не дождавшись срока окончания наказания, то есть не выучив урока, Василиса в образе лягушки забирает себе стрелу Ивана, и таким образом получает возможность вырваться из болота.

В динамике публичного проявления в digital пространстве мы также хватаемся за обещания быстрого роста, резкого увеличения заработка, демонстративных, эмоциональных публичных проявлений. Зачастую такие обещания приходят к нам в образах кричащей рекламы SMM — специалистов и маркетологов, которые агитируют психологов громко заявлять о себе, транслировать свою экспертность, успешные кейсы и отзывы о проделанной работе. И далее разворачивается своего рода драма: специалист, бессознательно которому чужды такие способы проявления, действует по инструкции, «как все», и либо совсем не получает ожидаемого результата, либо получает результат (в виде увеличения подписчиков, например), но не чувство удовлетворения.

Во многих культурах лягушка ассоциируется с первобытным состоянием материи, плодородием, произрастанием, развитием, лунными фазами, водой и дождем. Ее превращение из икринки в головастика, а затем в существо с рудиментарными человеческими чертами, способное жить на суше, служит символом преображения, трансформации. Вместе с тем часто лягушки представляются забавными символами глупых желаний, а их кваканье — распространенная метафора докучливых советов. Василиса в образе лягушки иллюстрирует собой те самые наши части — потенциальные, плодородные, способные превратиться в по-настоящему мудрые части. Однако без должного усердия, терпения и смирения они способны только квакать и давать ненужные советы.

В сценах выполнения заданий, полученных от Царя, как будто очевидно, что именно Василиса — умница и красавица, и намного лучше жен старших братьев Ивана, невежественных неумех. Однако вновь обратим внимание читателя на то, что Василиса — царская дочь, она изначально обладает способностями, которые отличают ее от обычной земной женщины. Но этот факт Василиса скрывает, а выполняя царские задания, призывает на помощь силы, которые доступны ей «по праву рождения». В некоторых вариациях сказки, зная, что жены старших братьев подглядывают за ее работой, чтобы узнать секрет, Василиса намеренно показывает неработающие способы выполнения заданий. Таким образом, конкуренция, в которой Василиса занимает первое место, изначально не может существовать, так как силы неравны, а ее победа по сути является недействительной.

Интересно, что в аспекте формирования своей digital Персоны мы можем действовать похожим образом. Например, выбирать интернет-пространство, в котором мы проявляемся (публикуем статьи, отвечаем на вопросы, заявляем о себе и прочее), аудитория которого ощущается нами как безопасная, то есть неконкурентноспособная. Так, специалист, обладающий

стабильной практикой более 5 лет, может оставаться в группе менее опытных коллег, внешне позиционируя себя, как «я такой же, как вы», а бессознательно отыгрывая сценарии «я лучше вас». Или транслировать свой личный опыт переживания каких-либо жизненных событий, как работающий и действующий для всех («делай, как я»), упуская при этом индивидуальные исходные данные.

С мотивом использования чар сказка знакомит нас и в сцене на пиру, когда Василиса, опять же при помощи дополнительных сил, создает иллюзию для зрителей и очаровывает их своим танцем. В то время, как жены старших братьев Ивана оказываются захвачены образом Василисы и стараются копировать ее действия вместо того, чтобы проявить себя по-другому, может быть не идеально, не лучшим образом, но зато естественно и аутентично себе.

Примечательно, что именно в тот момент, когда Василиса очаровывает всех присутствующих своим волшебным танцем, Иван бросается в дом и сжигает шкурку лягушки. Таким образом, Иван так же, как и Василиса, не выдерживает опыта терпения и послушания, не продельывает внутренней работы и вынужден столкнуться с последствиями.

С какой бы позиции мы не рассматривали сказку, в жизненном процессе мы сталкиваемся с жесточайшим разочарованием, когда очаровываемся чьим-то прекрасным образом или пытаемся очаровать кого-то своими преимуществами, победами и быстрыми методами.

И далее, так же, как Иван, мы будем вынуждены пуститься в долгий путь в тридцатое царство, в течение которого износим железные сапоги, изглодаем железный хлеб, будем делать трудные выборы между мгновенным материальным удовольствием и выдерживанием дискомфорта, но в итоге добудем свою мудрость, вместе с которой можно по-настоящему править в своем царстве.

Особенности формирования цифровой Персоны

Персона — это психический аппарат для взаимодействия между индивидуумом и обществом, который дает человеку социальную идентичность. Персона не является личностью, а всего лишь ее частью. В зависимости от контекста мы подстраиваем Персону под предполагаемые ожидания социума.

А что есть цифровая Персона? Чем она отличается от понятия Персоны уже нам известной?

На наш взгляд, цифровую Персону действительно имеет смысл выносить в отдельное понятие как часть индивидуальной идентичности, расширенной в онлайн-сферу. Основное отличие будет лежать в области непосредственного проявления: если Персону можно продумать, выстроить, выверить, то никуда не спрятаться от особенностей, огрехов, неожиданностей при непосредственном проживании Персоны. Кроме того, полный контроль

над Персоной невозможен в силу большого объема разных составляющих (мимика, запах, движения и прочее).

В интернет-пространстве у нас появляется возможность выстроить своего цифрового персонажа, который может существенно отличаться от существующей Персоны.

На данный момент индустрия создает для этого все условия: срежиссированные интервью, продуманные до мелочей фотосессии, копирайтеры (а теперь еще и нейросеть!), готовые писать тексты. Получается, что цифровая Персона может соответствовать образу успешного, известного, консультирующего психолога, уверенного в своей квалификации и опыте, а в реальности мы будем иметь дело с человеком, который от этого образа сильно далек. Такой разрыв будет ощущаться и в другом случае: опытный и действительно успешный специалист, который совсем не присутствует в Интернет-пространстве или присутствует с устаревшей и неактуальной информацией.

Еще один вариант расхождения: попытка чрезмерно совместить свои разные роли. Например, одинаково ярко освещать и события профессиональной стороны жизни, и личной.

Степень разрыва между Персоной и цифровой Персоной будет неизбежно влиять на восприятие психолога окружающими и точно не сможет не сказаться на непосредственной работе с клиентами.

Что социум ожидает от психолога? Кажется привлекательным следующий образ психолога: мужчина, богатый, в возрасте за середину жизни. Другой образ — фаллическая женщина, успешная во всем (материнство, деньги, бизнес, отношения), справляющаяся со всеми трудностями, знающая ответы на все вопросы.

Таким образом подкрепляется идея (проекция), что психолог — сверхсущество, которое вооружено психологическим знанием и уже обладает ответами на все вопросы бытия. Более того, именно это психологическое знание обеспечивает ему счастливую, безбедную жизнь, а также статус, имя, известность. Потенциальный клиент имеет возможность погреться в лучах славы своего идола и может даже часть этого света унести в себе. Однако это полностью противоречит самой идее консультирования или психотерапии, когда консультант или терапевт создает пространство, в котором у клиента появляется возможность найти свой собственный путь, т.е. начать процесс индивидуации.

Справедливости ради нужно отметить, что такой образ психолога и у нас, авторов настоящей статьи, вызывает некоторую симпатию, и на своем опыте мы увидели, как важно вовремя распознать ложность этого намерения.

Интернет-пространство соблазняет нас возможностью проявить идеальную версию себя, тем более что сейчас, в силу относительной юности феномена пока еще отсутствует в полной мере нормативно-правовая база. Будучи очарованным восхищением своей аудиторией, благодарностями и

восхвалениями психолог оказывается в рискованной близости от растворения в своем цифровом персонаже, что может проявляться как в каком-то смысле отрыв от реальности (отказ от супервизий, создание и исследование только своего авторского подхода, ярая критика работ коллег и прочее).

Еще один вопрос, который возникает при рассуждениях о digital Персоне — что, если вместо Персоны в digital пространстве начинает на самом деле проявляться Тень? Как писал Мюррей Стайн: «Тень — это образ нас самих, который скользит позади нас, когда мы движемся к свету» [3]. И если вне интернета мы можем быстро получить обратную связь от окружающих, чтобы попробовать собрать более цельный образ своего проявления, то в цифровом пространстве так не выходит по ряду причин.

Во-первых, как уже оговаривалось, цифровая Персона — не вся личность, а всего лишь часть, присутствующая в Интернете, а она точно меньше, чем Персона. Во-вторых, очевидна разница обратной связи от человека, который наблюдает за персонажем в социальной сети и от него же, но наблюдающим за реальным, объемным человеком.

В каком-то смысле цифровая Персона находится в одиночестве в безграничном пространстве Интернета, окруженная другими цифровыми Персонами, такими же одинокими. И похоже, что знакомство с коллективным этого пространства у нас в самом разгаре.

Что нам предлагает это коллективное бессознательное? Установки, связанные с успехом: «Ты должен транслировать свой успех». Установки, связанные с богатством: «Хороший психолог - богатый психолог». Установки, связанные с непрекращающимся счастьем: «Компетентный психолог - тот, у которого все в жизни хорошо, а беды обходят его стороной». Установки, связанные с властью: «Психолог — это тот, кто все понимает про клиента и может ему сказать, как правильно жить». Установки, связанные с достижением количественных показателей: «У хорошего психолога N+ часов подготовки, N+ часов супервизии, N+ количества проведенных консультаций, N+ прочитанных книг и прочее». Установки, связанные с непрекращающимся ростом: «У хорошего психолога постоянно растет практика, постоянно растет доход, постоянно растут компетенции, постоянно растет сложность случаев, постоянно растет качество и количество контента».

Коллективное как будто предлагает нам превратиться в машин, которые бесконечно создают текстовый, видео- и аудиоконтент для своей аудитории. Хорошим тоном считается, когда цифровая Персона занимает как можно больше Интернет-пространства (профили в разных социальных сетях, личный сайт и прочее). И здесь впору задаться вопросами: «А для чего такое большое количество контента?», «Почему так важно постоянно мелькать перед глазами своей аудитории?», «Что на самом деле я хочу сообщить своей аудитории?».

Впрочем, и от этих вопросов можно отмахнуться — на помощь уже приходит нейросеть, которая услужливо готова создавать за нас этот контент, формируя нашу же цифровую Персону.

Однако же, если от вопросов и можно отмахнуться, то закрывать глаза на уже существующий конфликт трудно. Коллективное Интернет-пространство предлагает нам одни установки, а коллективное христианской культуры совершенно другие. Культурный код территории нашей страны подразумевает добродетели, которые как будто не слишком в почете: послушание, смирение, скромность, милосердие, трудолюбие, щедрость, самообладание. И в центре этого конфликта оказывается человек, который в том числе ощущает и личную потребность проявлять вовне свой материал. Таким образом, образуется поистине благодатная почва для неврозов.

Заключение

Что же мы можем предложить коллегам помимо осознания всего масштаба разыгрываемой пьесы? Наверное, начать свой путь по обретению мудрости, следуя примеру Ивана-Царевича и Василисы Премудрой.

Признает ли психолог за собой свою человеческую природу? Если да, то тогда цифровая Персона имеет шанс проявляться более полно, более живо, без попыток заретушировать неидеальность и без демонстративного восхищения собственными ошибками.

Какой своей частью психолог хочет проявляться в Интернет-пространстве? Экспертный путь выстраивания цифровой персоны точно не единственный. Проявление себя через мастерство слова, через истории и зарисовки из жизни, настоящие или вымышленные, дает возможность выделить место своей писательской части. Анализ фильмов, сюжетов, музыкальных произведений или живописи — аналитической части, да еще и побудить аудиторию размышлять над потребляемой информацией.

Начать путь проявления в социальных сетях (или формирования своей цифровой Персоны) — и есть способ самопознания, который приводит к тому, что у человека появляется понимание того, какую грань своей Персоны он хочет проявить. Параллельно запускается процесс узнавания себя — встреча со страхами, ограничениями, проявляют себя и теневые аспекты личности. Наверное, невозможно познать, какой частью Персоны нужно проявляться, не начав это делать.

Вспомним, Иван сначала делал это неосознанно: ему казалось, что жена его — неказистая лягушка (лягушка как символ его Анимы, его творческая, проявляющаяся часть), а сама лягушка умудрялась выполнить царские указы наилучшим образом. Жены братьев пытались копировать на пиру поведение Василисы, однако у них не выходило так же изящно как у нее, они выглядели глупо и неуместно. Иногда и мы, проявляясь в социальных сетях, пытаемся копировать чью-то подачу, но выйдим при этом нелепо, и нас это скорее дискредитирует, чем украшает и создает эффект, прямо противоположный желаемому.

Поиск своего стиля и аутентичности — путь, который проделывает Иван, чтобы вернуть свою жену-Аниму, и в итоге получает право сесть на

престол. Мы можем не сразу найти истинно свой стиль, можем случайно попасть в яблочко, но если сознание и бессознательное никак не находят контакта, то нужно будет зайти на второй круг и повторить успех уже не случайно, а осознанно.

Как психолог может показать качество своего терапевтического пространства? Если отталкиваться от желания проявить себя как специалиста в публичном пространстве для того, чтобы привлечь потенциальных клиентов, то очевидно целесообразно транслировать те способы, с помощью которых создается то уникальное пространство специалиста, в котором он работает. Например, способ мышления, парадигма, в которой работает, ценности, которые соблюдает в работе.

Как психолог обходится с теми ожиданиями, которые предъявляет коллективное, и с тем конфликтом, который уже звучит? Сомневаемся, что это то, что непременно стоит транслировать и через цифровую Персону, и через Персону (например, в виде обсуждения стиля проявления коллег), но точно тот вопрос, над которым стоит поразмышлять.

В заключение отметим, что на процесс обретения своей цифровой Персоны можно смотреть не только как на тяжеловесный, трудный, необходимый путь, но еще и как на процесс увлекательный, самобытный и способный дать новое знание о себе. Нам всем, конечно, стоит помнить о том, что цифровое пространство не может и не должно подменять собой присутствие в реальной жизни. Однако, похоже, выстраивание и взаимодействие со своей цифровой Персоной может быть процессом, гармонично вплетенным в общую канву жизни.

Список литературы

1. Жикаренцев В.В. Древняя мудрость Руси. Сказки. Летописи. Былины. - СПб.: Диля, 2007.
2. Лобазова О. Ф. Особенности ретрансляции сущностных черт русского национального психотипа [Электронный ресурс] - режим электронного доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-retranslyatsii-suschnostnyh-chert-russkogo-natsionalnogo-psihotipa/viewer>
3. Стайн М. Юнговская карта Души, введение в аналитическую психологию. - М.: Когито, 2010.
4. Франц М.-Л. Толкование волшебных сказок. - М.: Академический проект, 2022.
5. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. - М.: АСТ, 2023.
6. Kerckhove D., Almeida K. M. What is a digital persona. [электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/263726825_What_is_a_digital_persona

Горячев Евгений Геннадьевич

Протоиерей
Преподаватель СПбДА
г. Санкт-Петербург

Проблема человеческого единства: христианский взгляд

Аннотация

Человеческое единство — мечта или реальность, проклятие или благо? Доклад посвящен возможным способам ненасильственного объединения людей в устойчивые религиозные сообщества. Главным условием подобного объединения является свобода. В здоровом религиозном коллективе личность не утрачивает свои характерные черты и достоинства. Наоборот, каждый обогащает собой всех остальных, создавая гармонию похожую на деятельность симфонического оркестра.

Ключевые слова

Единство, индивид, коллектив, свобода, насилие, христианство.

*«Скованные одной цепью,
связанные одной целью...»
Nautilus Pompilius*

*«Пусть все они будут едины,
и пусть они будут в нас,
как Ты, Отец, во Мне, а Я – в Тебе;
и пусть мир поверит, что послал Меня Ты»
Евангелие от Иоанна 17:2*

Единство. Что мы знаем о нем? В объеме от двух до пяти человек (иногда больше) древнейшей общественной конструкцией, демонстрирующей принципы успешного единения, является семья.

Историческое (письменное) время не знает примеров организации общественной жизни, в которой люди обходились бы без семейных связей.

Но что такое семья? При всех оговорках, этим словом чаще всего принято называть *союз* двух разнополых людей, в котором и мужчина, и женщина прочно связаны отношениями родства с представителями старшего поколения (своими предками) и в еще большей степени со своими потомками (то есть детьми).

В Новое время причины возникновения (происхождения) семьи искали то здесь, то там: в экономике, социологии, биологии... В какой-то степени это было оправдано. Основания для появления супружеской пары могут действительно носить тяжеловесный материально-инстинктивный характер. Однако не везде и не всегда...

Согласимся, современный человек менее зависим от экономического фактора, чем в прежние времена. Ему не нужно вступать в брак лишь для того, чтобы обеспечить себя и своего ребенка всем необходимым. То же касается полового влечения. Сегодня эту потребность можно удовлетворить, не думая об ответственности перед партнером и уж тем более о создании семьи (мораль посттрадиционного общества смотрит на сексуальные отношения вне брака довольно снисходительно). Но если больше нет экономической, биологической и социальной выгоды, тогда зачем человеку семья?

Данные независимых соцопросов фиксируют любопытные ответы: «Семья — это пространство, где я могу быть собой, где меня поймут, где всегда будут за меня. Семья — это место, где я отдыхаю душой».

В фильме «Давайте потанцуем» между двумя героями происходит следующий диалог:

— Почему люди женятся? — спрашивает женщина.

— Страсть! — отвечает ей собеседник.

Женщина отрицательно качает головой.

— Нет. Всем нам нужен свидетель нашей жизни. Миллиарды особей живут на планете. Кому нужна одна жизнь в этом мире? Вступая в брак, человек обещает стать неравнодушным лично к нам: к хорошему, плохому, обыденному. Ко всему, ежедневно и ежечасно. Партнер словно говорит нам: «Твоя жизнь не окажется незаметной. Я буду замечать ее. Жизнь не будет безвестной, теперь я буду следить за ней».

Ну, а что же христианство? Оказывается, тема человеческого единства уходит своими корнями в библейскую онтологию и антропологию.

«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» [Быт. 2: 18].

В Библии человек представлен как парное разнополое существо, призванное и стремящееся к объединению:

«И сотворил Бог мужчину и женщину, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их» [Быт. 5: 2];

«Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут двое одной плотью» [Быт. 2: 24].

Судя по приведенным цитатам, оба человеческих начала, по сути, предрасположены к психофизическому и мистическому единству. Об этом же говорят нам слова замечательного еврейского афоризма:

«Каждый мужчина нуждается в женщине. Каждая женщина нуждается в мужчине. И оба они в присутствии Божиим».

Позднее библейские авторы перестают ограничивать тему положительного единства кругом естественных семейных связей. Разговор о продуктивности различных объединений приобретает у них социальный характер, выходит, если можно так выразиться, из дома на улицу:

«Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется» [Екл. 4: 9-12].

Теперь оставим библейские реалии и вновь обратимся к обычной человеческой жизни. Что в этом случае мы можем сказать по интересующему нас вопросу?

Феномен человеческого единства, воспринимаемый с детства как благо, чаще всего реализуется в кругу наших ближайших родственников и друзей. Такие объединения чрезвычайно прочны, но, увы, малочисленны. При этом людям свойственна тяга к совсем другим масштабам сплоченности. В этой связи сразу же вспоминаются известные строки В. Маяковского:

*Единица — вздор, единица — ноль,
голос единицы тоньше писка.
Кто ее услышит? — Разве жена!
Да и то, если не на базаре, а близко...
Плохо человеку, когда он один.
Горе одному, один не воин —
каждый дюжий ему господин,
и даже слабые, если двое...
Но если в партию сгрудились малые —
сдайся враг, замри и ляг!
Партия — рука миллионнопалая,
сжатая в один громающий кулак...¹*

¹ Маяковский В.В. Поэма Владимир Ильич Ленин. М. — ГИЗ, 1927.

Бесспорно, стремление людей к единству может заслуживать искреннего уважения. Однако не всегда.

К сожалению, приходится признать, что значительные человеческие объединения в истории чаще всего создавались и создаются насильственно. Это насилие может быть как физическим, так и интеллектуальным, и, конечно, оно приносит всем заинтересованным лицам определенные дивиденды.

Образцами продуктивного корпоративного единства, созданного с применением физического и психологического насилия, являются действующие по приказу армейские подразделения, тоталитарные режимы, объединяющие людей с помощью идеологии и репрессий, сообщества организованных преступников.

Сюда же можно причислить маргинальные группы индивидов с ослабленным интеллектом и неверием в собственную уникальность. Булат Окуджава сказал об этой последней категории людей довольно обидные, но, в общем-то, справедливые слова:

«Дураки обожают собираться в стаи, впереди их главный во всей красе...»².

Хосе Ортега-и-Гассет выразился более изящно, но не менее категорично:

«Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Обычно, говоря об «избранном меньшинстве», передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно. И конечно, радикальней всего делить человечество только на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует от себя ничего. Для этого второго, обширного общественного класса жить — это значит плыть по течению, оставаясь таким, каков есть, и, не силясь, перерасти себя»³.

Об этом же говорит Сомерсет Моэм в своем главном романе «Бремя страстей человеческих»:

«Всякий человек ощущает свое тело как особый и самостоятельный организм, но отнюдь не каждый осознает свое «я» как самостоятельную и независимую личность... И вот людям, так же мало осознающим свое «я», как

² Окуджава Б.Ш. Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты. М. «Музыка», 1989. С. 202.

³ Хосе Ортега –и–Гассет. Восстание масс. М. «АСТ», 2002. С. 19.

пчелы в улье, суждена в жизни удача: им куда чаще выпадает счастье, ведь их бытие делит с ними все общество, их радости только потому и становятся радостями, что ими тешатся сообща; такие люди задорно пляшут на улицах, орут на футбольном матче, машут из окон клубов королевскому кортежу. Это благодаря им человека прозвали общественным животным»⁴.

У всех видов принудительного объединения людей в какие-то крупномасштабные организации есть один древнейший прототип — «Вавилонская башня» [Быт. 11: 1-9].

По мнению библейского автора первое глобальное человеческое «содружество» было явно имперского типа. Участники этого архаичного общественного проекта (судя по оригинальному тексту и талмудическим комментариям) обладали множеством бесспорных достоинств. Строители Вавилонской башни трудолюбивы, энергичны, целеустремленны, полны энтузиазма; наконец, они едины в практическом осуществлении своего замысла. Но при этом они богоборцы, и этот факт перечеркивает все их природные преимущества, а в итоге и планы. Их дело успешно продвигается лишь до какого-то момента, но, в конце концов, солидарность древних строителей оборачивается конфронтацией и разобщенностью.

Как мы понимаем, это повествование говорит не только о легендарном ближневосточном сооружении. Библейский рассказ архетипичен.

Судьба Вавилонской башни — это судьба всех захватнических империй, всех тоталитарных режимов, всех насильственных богоборческих объединений.

Вавилонская башня демонстрирует нам образ земного лжеединства, путь катастрофической общественной солидарности. А есть ли иной положительный образ, а еще лучше путь, позволяющий большим группам людей достигать фактического единодушия, коллективной сплоченности, гармоничной целостности?

Теоретически да — этот образ и этот путь существуют. Церковь противопоставляет катастрофической солидарности — солидарность истинную! Христиане называют это соборностью. Люди секулярные — демократией.

Актуализация соборной идеи в истории традиционно связывается с событиями Пятидесятницы. Как известно из книги апостольских Деяний через пятьдесят дней после Воскресения Христова на Его учеников сошел Святой Дух, в результате чего их проповедь стала понятна представителям разных стран и культур [Деян. 2: 1-11].

Но это не все. Обращенные в христианскую веру люди стремились становиться (и становились!) друзьями, духовными братьями и сестрами,

⁴ Уильям Сомерсет Моэм С. Бремя страстей человеческих. М., АСТ, 2016. С.26.

преодолевающими в новой благодатной реальности многочисленные виды земного партикуляризма [Деян. 4: 32; Гал. 3: 27-28].

Главный литургический текст этого церковного праздника — «*Егда снизшед языки слия...*», — переведенный на русский язык, говорит нам приблизительно следующее:

*Когда Всевышний смешал человеческие наречия,
народы Земли разобщились.
Когда же Он огненные языки ниспослал, —
то призвал всех людей к единению,
чтобы согласно славить Всесвятого Духа⁵.*

Смысл данного библейского сюжета для человеческой истории воистину глобален. Но пока что позвольте остановить ваше внимание лишь на некоторых значимых для нашей темы деталях. Напомню, что формирование любой человеческой личности чаще всего происходит в три этапа. Прежде чем стать теми, кем стать придется, люди пошагово вбирают в себя:

- опыт своей семьи,
- опыт своего народа,
- и, наконец, хотя бы в каком-то минимальном объеме, опыт всего человечества.

Для представителей любого исторического народа эти процессы не только привычны, но и неизменны. Люди с незапамятных времен поступают так буквально повсюду.

Парадокс заключается в том, что даже братья-близнецы интегрируются в эту образовательную триаду по-разному! Так что трафаретная форма описанного процесса не исключает дифференцированного итогового результата.

Но почему? Потому что любая человеческая личность, в силу своей уникальности и свободы, может нестандартно реагировать на типовые жизненные задачи и базовые потребности [ср. Быт. 9: 22-23].

И это понятно.-

Биотип — роднит меня с нашим видом *Homo sapiens*.

Генотип — с родом в широком смысле.

Фенотип — ни с кем ...

Для всех жителей Земли их личностное начало является одновременно высочайшим благом и специфическим проклятием!

Вторая часть этого утверждения нуждается в пояснении. Дело в том, что каждый человек по своей природе склонен настаивать на том, что ему кажется верным, и энергично не соглашаться с иной точкой зрения. Бесконечно ценя свои собственные убеждения, люди наотрез отказываются воспринимать непохожие чужие.

⁵ Перевод Горячева Е.Г.

В итоге, нам — таким, какие мы есть — очень сложно договориться и добровольно объединиться в каком-либо элементарном хорошем деле. Этот межличностный экзистенциальный конфликт — главный враг положительного человеческого единства.

Насилие, как уже говорилось ранее, позволяет решить эту проблему исключительно внешним принудительным способом, но любое рабочее объединение «из-под палки» не может быть ни желанным, ни долговечным.

И вот в мире загорелся огонь Пятидесятницы! Сошествие Святого Духа — главная религиозная и мировоззренческая антитеза инфернальной вавилонской сплоченности! Именно с этой благодатной поры церковное единство людей мыслится в истории как добровольное и при этом необычайно прочное начинание.

Христианские (и вообще) религиозные институты устойчивее остальных, потому что, говоря специальным языком, возле одной евхаристической чаши свободно встречаются и свободно к ней приобщаются не только дворники и контролеры, не только курьеры и официанты, но также и верующие предприниматели, выдающиеся ученые, творцы произведений искусства, руководители государств... Все эти люди свободно покоряются не чужой агрессивной силе, не подавляющему их земному человеческому авторитету, но Творцу сущего!

Христиане убеждены, что в евангельском откровении о Мессии выражены их оптимальные представления о Боге. Различные конфессии веками пристально всматриваются в живой образ Иисуса из Назарета с тем, чтобы обрести утешительные ответы на свои многочисленные вопрошания. Вера этих людей не пустой звук, и в этом смысле Иисус Христос является главным источником создаваемого христианского единства.

Цитирую Новый Завет: *«У многих верующих было одно сердце и одна душа»* [Деян. 4: 32].

Неужели такое действительно бывает? Конечно! Но такой вид единства не дается людям автоматически раз и навсегда. Следует помнить, что Бог снисходит к христианам с подобными объединяющими их дарами лишь в том случае, если христиане со своей стороны активно создают почву для подобного даровосприятия.

К сожалению, в многовековой церковной истории периоды духовного подъема чередовались с периодами упадка, когда верующие сознательно возвращались в состояние «вавилонской» греховной разобщенности [ср. Деян. 5: 1-11; 6: 1].

Теперь посмотрим, как сказанное касается нашей отечественной действительности.

Россия формально считается христианской страной. 4 ноября по новому стилю Русская Православная Церковь молитвенно почитает Казанскую икону

Божией Матери. В далеком XVII веке наши предки связали с чудотворным заступничеством этого образа свой государственный суверенитет и сохраненную конфессиональную идентичность.

Прошли века. Относительно недавно данное историческое событие легло в основу нового государственного праздника. «День народного согласия и единства» призывает россиян демонстрировать названные качества, опираясь на традиции отечественной христианской истории.

И что, есть успехи? Праздник отмечается с 2005 года, то есть без малого двадцать лет, однако за это время российское общество не только не консолидировалось, но наоборот, трагично и глобально разобщилось. Писатель Борис Акунин (объявленный недавно иноагентом) высказался по поводу нынешней российской общественной конфронтации следующим образом:

«В России живут бок о бок два отдельных, нисколько не похожих народа, и народы эти с давних пор люто враждуют между собой. Есть Мы и есть Они. У Нас свои герои: Чехов, Мандельштам, Пастернак, Сахаров. У Них – свои: Иван Грозный, Сталин, Дзержинский, теперь вот Путин. Друг друга представители двух наций распознают с первого взгляда и в ту же секунду испытывают приступ острой неприязни. Нам не нравится в Них все: как Они выглядят, разговаривают, держатся, радуются и горюют, одеваются и раздеваются. Нас тошнит от их любимых певцов, фильмов и телепередач. Они платят нам той же монетой, и еще с переплатой. Помимо Нас и Них есть просто люди, которые составляют большинство населения, — и Мы с Ними постоянно пытаемся перетянуть это «нирыбанимясо» на свою сторону, приобщить к своим ценностям»⁶.

Процитированный писатель — как бы мы к нему не относились — на мой взгляд, попал в точку. Сказанное вовсе не преувеличение. Мировоззренческие вопросы, разделяющие наших соотечественников, довольно многочисленны и весьма принципиальны. Ну, например: «Чей Крым?», «Как относиться к политическим репрессиям, происходящим в соседней Белоруссии?», «Правильным ли было менять российскую конституцию?», «Есть ли у государства право заставлять людей вакцинироваться?». И это, как вы понимаете, далеко не весь список...

Можно, конечно, возразить, указав на то, что данные примеры касаются только светского секулярного неединомыслия. Но разве церковное единство такое уж непоколебимое? Разве священники и миряне Русской Православной Церкви так уж дружны? Хорошо, если настоятели двух соседних храмов воспринимают духовную жизнь приблизительно одинаково, тогда и опекаемые этими священниками люди, более-менее единодушны. Но ведь по нынешним временам это большая редкость. Выразим эту мысль короче. Что

⁶ Переписка Бориса Акунина и Михаила Шишкина.

<https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/akounin-vs-shishkin/>. Дата обращения: 05.01.2024.

общего у отца Алексея Уминского с отцом Андреем Ткачевым? Пожалуй, только ряса и борода...

Нечто подобное можно сказать и о тех, кто в православном клире не состоит, с той лишь разницей, что единства среди современных российских мирян еще меньше, поскольку униформа им не положена.

У того состояния умов, которое есть в сегодняшней России, длинная сложная история. Однако причины происходящего кроются, на наш взгляд, в недопонимании природы вещей, в духовной праздности и малодушии.

Очевидно, что единство sacramентального свойства (в применении к разобщенному гражданскому обществу) не достигается росчерком государственного пропагандистского пера. Творца Вселенной невозможно обязать к совершению каких-либо общественно полезных действий силою принятого в стране закона.

Что касается российской религиозной праздности и малодушия, то здесь тоже все ясно. Принцип харизматической солидарности, дарованный христианам в Пятидесятницу, не оставлен им на все времена каким-то гарантированным механическим образом. К сожалению, этот дар нельзя сохранить невредимым даже в догматически безупречной Церкви.

Если верующие люди перестанут трудиться над обновлением церковной соборности в духе и методах Нового Завета, в какой-то момент у них может ничего не остаться [ср. Мр. 4: 25].

Какие же выводы?

Назовем их программами «минимума» и «максимума».

Минимум для нашего времени заключается в признании существования внутри правового цивилизованного государства, равно как и внутри канонической поместной Церкви различных (мировоззренчески не совпадающих) человеческих объединений. По сути, это не сопрягающиеся друг с другом субкультуры, чье фактическое сближение происходит только в рамках государственного или церковного законодательства. Как бы это кого-то не огорчало, речь идет о данности, которую можно только признать. О.А. Седакова мудро подметила, что:

«Никакой повод добровольно не соберет весь мир воедино, не поведет в одном строю к одной цели»⁷ [ср. Деян. 2: 13].

Нынешний секулярный мир — свободный от явного принуждения и от явной благодати — будет всегда многомерным, всегда открытым к самым необычным человеческим предпочтениям.

Индивидуальная и одновременно коллективная задача в рамках этой первой программы заключается, по моему мнению, в сдерживании негативных

⁷ Седакова О.А. Путешествие с закрытыми глазами. Письма о Рембрандте. Издательство «Арт Волхонка», 2020. – 156 с.

оценок, в неспешности наших окончательных атрибуций чужого инакомыслия [ср. Мф. 7: 1-2]. В конце концов, именно этому учит Иисус Христос на страницах Евангелия:

«Учитель, мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами. Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас» [Мк. 9: 38-40].

Программа максимум требует от заинтересованных людей гораздо большего. Как уже говорилось, естественным образом (от природы) мы способны любить жертвенной безусловной любовью лишь очень незначительное число людей. Кто-то сказал об этом кратко и емко: *«Я просыпаюсь, иду на работу и возвращаюсь домой только ради пяти человек».*

В этом избранном, отмеченном взаимной любовью круге родных и близких, мы чувствуем присутствие настоящего объединяющего нас начала. А за его границами простираются все виды наших иных, не трепетных, не жертвенных отношений: от вражды и равнодушия до некоторой деловой заинтересованности и приятельской симпатии. То есть там, где нет реальной любви, можно говорить лишь о большей или меньшей степени человеческой разобщенности.

Как же это исправить тем, кто этого хочет? Считается, что преподобный Сергей Радонежский уже давным-давно указал нашим предкам на один из возможных способов преодоления *«ненавистной розни века сего»*. Этот русский святой считал, что человеческая «рознь» может быть побеждена *«воззрением на Пресвятую Троицу»*⁸. Доподлинно неизвестно, что имелось в виду, но одного воззрения явно недостаточно. Нужно вхождение, приобщение...

Хорошая семья или настоящая дружба не дают нам избыточных внутренних сил, которые мы могли бы с успехом перенести на неограниченное число людей с целью нашего с ними объединения.

А вот вхождение в Пресвятую Троицу, то есть реальное фактическое приобщение к Богу, безгранично умножает наши христианские индивидуальные возможности по преодолению людской ненависти и разобщенности.

Авва Дорофей пояснял эту мысль примером из геометрии. Нарисовав окружность, он утверждал, что религиозные люди подобны точкам на ее поверхности: чем ближе они к центру, тем ближе друг к другу⁹. Отсюда вывод: любой человек, действительно приближающийся к Богу, с какого-то момента

⁸ Флоренский П., свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия, IV. – Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1996. Цит. по: Сергей Радонежский. Сб. // Составитель В.А. Десятников. – М. «Патриот», 1991. С. 375.

⁹ Авва Дорофей Душеполезные поучения. Цит. по: Притчи православных старцев // Составитель Е.В. Тростникова. – Издательство Борисова, 2012. – 232.

начинает по-родственному воспринимать тех, с кем раньше у него не было ничего общего...

Закончить статью хочется известными строчками Тютчева:

*Единство — возвестил оракул наших дней —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там увидим, что прочней¹⁰.*

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, в русском синодальном переводе с приложениями. Издательство «Жизнь с Богом». Брюссель, 1983. – 2535 с.
2. Авва Дорофей Душеполезные поучения. Источник: Притчи православных старцев // Составитель Е.В. Тростникова. – Издательство Борисова, 2012. – 232.
3. Маяковский В.В. Поэма Владимир Ильич Ленин. М. – ГИЗ, 1927.
4. Моэм С. Бремя страстей человеческих. М., АСТ, 2016. – 860 с.
5. Окуджава Б.Ш. Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты. М. «Музыка», 1989. – 225 с.
6. Седакова О.А. Путешествие с закрытыми глазами. Письма о Рембрандте. Издательство «Арт Волхонка», 2020. – 156 с.
7. Тютчев Ф.И. Два единства. Полное собрание стихотворений. «Советский писатель». Л. 1987. – 450 с.
8. Флоренский П., свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия, IV. – Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1996.
9. Хосе Ортега –и– Гассет. Восстание масс. М. «АСТ», 2002. – 506 с.

¹⁰ Тютчев Ф.И. Два единства. Полное собрание стихотворений. «Советский писатель». Л. 1987. С. 256.

Малкина Светлана Александровна

*Аналитический психолог
Ассоциированный член ААП
г. Ярославль*

Созависимость – социальная болезнь или вызов индивидуации

Аннотация

Доклад посвящен актуальной проблеме современного российского общества — созависимым отношениям. Созависимость рождается в отношениях между людьми, но действует в пределах индивидуальной психики. Созависимые модели впитываются ребенком с детства в виде стереотипов поведения, чувствования и эмоциональных реакций не только в семье, но и в рамках социокультурной российской традиции. Коммунистическая и социалистическая идеология, декларирование ценностей терпения, страдания, ориентация на общественные, а не на субъективные ценности приучают человека руководствоваться моральными оценками «хорошо - плохо», «правильно - неправильно» и долженствованиями в моменты жизненных выборов. Все это существенно затрудняет, а иногда и делает невозможным движение по пути индивидуации. Внешняя референция и внешний локус контроля часто приводят созависимых к сильнейшей эмоциональной боли, к кризису.

В докладе рассматривается роль кризиса созависимых отношений в процессе индивидуации. На материале клиентов, пришедших в терапию в момент кризиса в отношениях с зависимым партнером, рассматривается архетипическая природа процессов, происходящих в психике человека в этот период. Проводится параллель между описанием состояния кризиса созависимыми (их снами и образным материалом) и структурой и мифологемами героических мифов. Делается вывод, что состояние созависимости потенциально несет в себе вызов, необходимый для начала второй фазы процесса индивидуации (перевод фокуса внимания внутрь себя, контакт со своим внутренним миром, выбор жизненного пути, ориентацией на свои ценности).

Ключевые слова

Созависимые отношения, созависимые модели, путь индивидуации, кризис созависимых.

Введение

Созависимость — очень актуальная тема на сегодняшний день. Эта тема звучит в запросах многих клиентов, а также поднимается в процессе терапии, даже если в запросе она не звучала.

Некоторые авторы называют созависимость глобальной проблемой нашего времени и нашего российского общества [2]. Это не случайно, потому что сейчас мы можем наблюдать огромное количество зависимых, причем спектр зависимостей расширяется — появляются новые виды, например, зависимость от соцсетей, зависимость от телефона, селфи-зависимость и т.д. И рядом с каждым зависимым находится созависимый.

Созависимость — опасное состояние, так как оно, во-первых, заставляет человека постоянно испытывать негативные эмоции. А во-вторых, способствуют развитию разного рода зависимостей у близких.

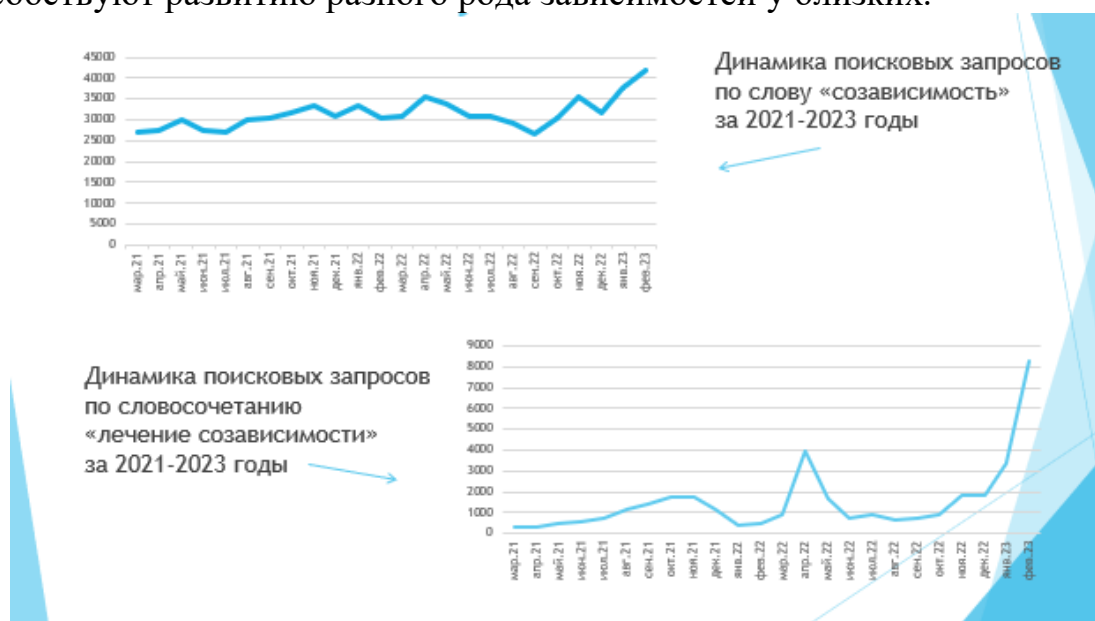

Рисунок 1. Динамика поисковых запросов за 2021-2023 годы по слову «созависимость» и словосочетанию «лечение созависимости»

На Рисунке 1 мы можем видеть динамику поисковых запросов по слову «созависимость» и словосочетанию «лечение созависимости». Эта статистика собрана Яндекс-Метрикой за 2021-2023 годы. По слову «созависимость» количество запросов увеличилось в 1,5 раза, а по словосочетанию «лечение созависимости» — почти в 900 раз.

Культурогенез созависимости

Созависимость активно изучается с 70-х годов прошлого века. Но, несмотря на это, мы до сих пор не имеем единой концепции созависимости, а также четкого определения. Каждый автор рассматривает созависимость с

точки зрения своей научной парадигмы, на которую он опирается. Поэтому мы имеем различные определения созависимости и различные способы коррекции, предлагаемые разными направлениями терапии.

Одно из определений созависимости, которое мне кажется наиболее четким — «поведение, мотивированное зависимостями или особенностями значимых людей». Созависимый человек — тот, кто зависит от настроения, поведения своего объекта зависимости. Фокус внимания созависимого всегда направлен на значимого другого. А настроение и поведение обусловлено тем, что происходит в жизни близкого человека или его состоянием, поведением.

Валентина Москаленко в одной из своих книг пишет, что 98% в нашем обществе — созависимы. Другие авторы (например, Ирина Шаповал, Татьяна Чернобровкина) говорят о культурогенезе созависимости, аргументируя тем, что она является социально одобряемым в обществе явлением, и, как модель поведения, встраивается ребенку не только в семье, садике и школе, но и через литературу, искусство, кинематограф.

Созависимость рождается в отношениях между людьми, но действует в пределах индивидуальной психики. Созависимость — это неспособность определить границу между коллективным и индивидуальным. Эта граница в

России и в Советском союзе тщательно стиралась. Нас долго приучали к общественному и коллективному. В фильме «Покровские ворота» показан быт советской коммуналки, в которой нет вообще никаких границ. Также есть много других фильмов, в которых мы можем наблюдать созависимые модели построения отношений. Созависимое поведение очень прочно встроено в рамки социально приемлемого поведения.

Созависимые модели впитываются ребенком с детства в виде стереотипов поведения, чувствования и эмоциональных реакций не только в семье, но и в рамках социокультурной российской традиции. Многие паттерны созависимого поведения являются социально одобряемыми, утверждаются и пропагандируются искусством и литературой. Коммунистическая и социалистическая идеология, где все должно быть общим, а человек — таким как все, декларирование ценностей терпения, страдания, ориентация на общественные, а не на субъективные ценности приучают человека руководствоваться моральными оценками «хорошо - плохо», «правильно - неправильно» и долженствованиями в моменты жизненных выборов. Созависимость несет в себе внешнюю референцию и внешний локус контроля. Созависимые привыкли в своей речи и в своем мышлении опираться на коллективные ценности. Часто от них можно слышать такие фразы: «Хороший муж должен...», «Ребенок, уважающий своих родителей, вел бы себя...» и т.д. Для созависимых свойственно причислять себя и своих близких к социальной группе, на которую им хотелось бы ориентироваться. Все это существенно затрудняет, а иногда делает невозможным использование своего эмоционального состояния и своих ценностей для принятия решений (как мелких, так и глобальных). И, как следствие, оказывается затруднительным движение по пути индивидуации, достижение психологической зрелости.

Спектр проявлений созависимого поведения достаточно широк. Паттерны созависимого поведения могут находиться в психике в латентном состоянии и использоваться человеком лишь изредка, например, как способ адаптации к коллективу или группе, а в личной жизни и отношениях вообще не проявляться. На другом конце спектра — ситуация, когда созависимость выражена очень ярко, в любых отношениях (не только в семье, но и в социуме), когда созависимое поведение является единственно возможным и доступным человеку способом быть в отношениях. Говоря здесь о созависимых, я буду иметь в виду тех, кто находится ближе ко второму краю спектра, кто имеет ярко выраженную созависимость.

Кризис в созависимых отношениях

Часто созависимых клиентов в терапию приводит кризис, случившийся в значимых отношениях. Тяжелые чувства, с которыми сложно справиться, а также непонимание, как жить дальше, заставляет их искать помощи. Е. Емельянова хорошо описывает это состояние в книге «Кризис в созависимых отношениях» [1]:

- состояние сильного внутреннего конфликта, разлада;
- ощущение истощенности ресурсов;
- крушение самооценки, представлений о своем месте в жизни;
- невозможность жить, как раньше;
- страх перед неизвестностью, неопределенностью, переменами;
- эмоциональная и умственная дезорганизация (депрессия, мысли о суициде или ярость, в зависимости от типа реагирования: депрессивного или агрессивного).

Емельянова Е.В. отмечает, что к кризису созависимых приводит мучительный уровень негативных эмоций (агрессия, страх, стресс, чувство вины), позиция жертвы, постоянная неудовлетворенность, жалость к себе [1].

«Именно «накопленная» неудовлетворенность является причиной возникшего кризиса, и любое, даже незначительное событие может стать «последней каплей» и развернуть пружину кризисного состояния» [1]. Накопленная — потому, что у созависимых нет способности, умения выражать свои чувства, доносить их до партнера и совместно искать варианты выхода.

Кризис в созависимости случается из-за нарастающих с одинаковой силой противоположных желаний — быть рядом с объектом зависимости и уйти от него. Созависимый человек полон противоречий и разнонаправленных внутренних движений: стремление к близости и жажда одиночества, демонстрация независимости и сильная потребность в заботе и внимании, внешнее равнодушие и болезненная чувствительность. А самые сильные противоположные чувства и стремления проживаются через партнерские отношения. Партнер созависимого — объект привязанности и, одновременно, — источник сильнейшей эмоциональной боли. Это объект любви и ненависти одновременно. Это и тот, с кем невозможно быть вместе, и тот, без кого никак нельзя.

Боль созависимого бывает настолько сильной, что он задается вопросами: «За что мне все это? Почему это происходит именно со мной? Что я такого сделал? За что меня наказывают?» Отсутствие ответов на эти вопросы вызывает много злости на мир, на судьбу, на Бога и на других людей, у которых жизнь складывается легче. Созависимые часто приводят в пример знакомых, у которых семейная жизнь протекает более-менее спокойно. Да, они тоже ссорятся, но они не переживают предательство, отвержение и другие невыносимые мучительные чувства. Подругам не достается в мужья алкоголик, абьюзер или нарцисс.

подавляющее большинство авторов, изучающих тему созависимости, подходят к ней с точки зрения каузального подхода. Изучаются причины возникновения созависимости. Отсюда (в рамках психологического подхода) есть несколько моделей созависимости, например, модель стыда, модель семейных ролей, модель стресса и другие. Эти модели объясняют, почему человек становится созависим.

На тему причин созависимости написано много популярных книг и научных статей. Все они рассматривают созависимость с точки зрения каузального подхода. Но в минуты тяжелых чувств это не особо помогает нашим клиентам. В подобных объяснениях они продолжают видеть несправедливость.

Когда мы вместе с клиентом меняем свой взгляд на созависимость с каузального на финалистический подход, тогда мы можем расценивать ее не как болезнь, приносящую страдания, а как внутреннюю мудрость, которая подталкивает человека перевести фокус внимания с внешнего на внутреннее, и заняться собой.

В этой статье хочу показать, как, работая с созависимыми, я пришла к ответу на вопрос «Зачем?». Для чего каждая из них прошла через такую сильную душевную боль? Буду опираться на сны и метафоры трех моих клиенток.

Каждая из них была в созависимых отношениях: одна — с игроманом, другая — с алкоголиком, третья — с сестрой, имеющей тяжелую нарциссическую патологию. Все они обратились за помощью, когда уже не могли сами справляться с чувствами, возникающими в значимых отношениях. Они уже не могли жить, как раньше, но еще не умели жить по-другому.

Каждая из этих женщин испытывала сильнейшую душевную боль, к которой ее привели созависимые отношения.

Так они описывали свое состояние в тот момент кризиса:

- «Мне очень плохо. Апатия, дезориентация, безнадежность. Будто я погружаюсь в яму. Появились мысли о смерти. Легче умереть, чем жить в этой яме».
- «Я чувствую безнадежность, очень тяжело, хочется не быть. Я понимаю, что мне сейчас нужно эмоционально выжить. Но я не хочу жить, мне больно и плохо. Я вся — сплошная рана».
- «У меня внутри ощущение мертвой энергии. Усталость, безнадежность, отчаяние. Невыносимо с этим жить».

Я обратила внимание, что метафора «дна» или «ямы», а также тема смерти часто звучит у клиентов, описывающих свое состояние в тяжелый момент созависимых отношений.

Также интересны были сны, которые приснились этим клиенткам накануне кризиса.

Сон 1

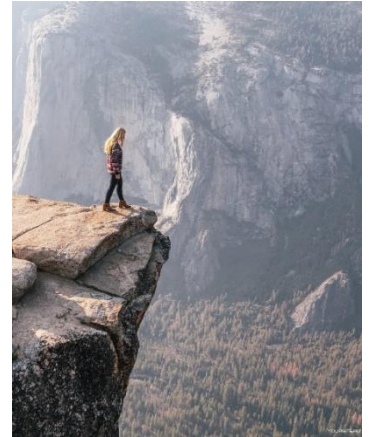
«Я иду по дороге, иду куда-то по важным делам. Впереди был обрыв, и я с него упала. Все произошло очень быстро, я даже не успела понять — как. Я упала и как-то зацепилась за сук, который торчал в обрыве. Я повисла на нем, кричу: «Помогите!». Внизу пропасть. Если я упаду, то разобьюсь, без шансов. Я

чувствую ужас. Вдруг я разглядела внизу в обрыве дом. Оттуда вышел священник — он там живет. Расстояние очень большое, но будто я слышу, как он говорит мне: «Не бойся упасть. Я буду рядом с тобой».

Сон 2

«Я где-то, вроде как на полосе препятствий, которую я должна обязательно пройти. Бегу босиком по разным поверхностям — то по грязи, то по земле. Вдруг на пути появляется обрыв. Я с разбегу чуть туда не упала. Смотрю вниз, там очень глубоко. Я знаю, что полоса препятствий проходит через этот обрыв, и мне обязательно нужно туда прыгнуть. Но если я прыгну, то однозначно погибну. Я всматриваюсь в глубину и вижу, что там на дне что-то лежит. Это приз. Если я прыгну, он будет мой. Я буду победителем».

Сон 3

«Расщелина в земле, Марианская впадина, я туда медленно падаю. Пока еще вижу сверху свет, а внизу чернота. Сначала мне было страшно, но чем ниже я падаю, тем спокойнее. Дурман, пустота, чувства совсем выключены. Затягивающее спокойствие, дурманящее «ничто». Я так скоро усну, мне хорошо. Я понимаю, что там смерть, но чем ниже опускаюсь, тем спокойнее мне становится. Я вижу, что сверху остался мой муж. Он смотрит как я падаю вниз. Ему страшно, но он ничем не может мне помочь».

В этих снах присутствуют одинаковые элементы:

- метафора пути;
- метафора дна или спуска;
- тема смерти.

Мы можем увидеть архетипическую природу кризиса созависимости и его важное значение для процесса индивидуации.

Вспоминается мифологема катабасиса, где есть спуск в нижний мир и встреча со смертью. Катабасис — буквально переводится как «сошествие в ад», которое часто присутствует в мифах о герое. Путь в иной мир сложен, а пейзажи очень мрачные, но этот путь герой обязательно должен пройти.

Катабасис, или тема умирания и возрождения, хорошо описана К. Г. Юнгом и юнгианцами. Я хочу привести несколько цитат:

«Смерть — промежуточная стадия, за которой следует новая жизнь. Алхимики говорят, что никакая новая жизнь не может возникнуть без смерти старого» [4].

«Наиболее сущностный аспект посвящения — роль дурных эмоций, опыт ужаса, страха и глубокого беспокойства. Алхимики использовали этот «смертельный опыт» как главную метафору в своем поиске качественного изменения» [3].

«Омерзительный осадок боли и горя человеческих взаимодействий... становится венцом, на котором может взрасти новая сердечная взаимосвязь» [3].

Н. Шварц-Салант в книге «Тайна человеческих отношений» отмечает, что отношения можно рассматривать как контейнер для работы с архетипическими и иррациональными силами безумия внутри нашей культуры. К такой иррациональной силе мы можем отнести и созависимость [3].

Индивидуация

Процесс индивидуации также сопровождается кризисами. Его можно разделить на 2 фазы, различные по задачам. Задача первой фазы — обретение независимой эго-личности. Задачу второй фазы И. Якоби метафорически описывает, как спуск в темное царство бессознательного и обнаружение там сокровища (знаки Самости), которое нужно вернуть назад к свету. И. Якоби пишет, что наиболее важным является переход от одной фазы индивидуации к другой. В это время происходит пересмотр и переоценка жизненных ценностей. Этот переход, пишет она, всегда сопровождается кризисом.

И, как я пытаюсь показать, именно кризис, возникший в отношениях со значимым человеком, вынуждает многих созависимых перевести фокус внимания на себя и свои чувства и желания.

К. Г. Юнг отмечает, что далеко не каждый человек ступает на путь индивидуации. Подавляющее большинство людей выбирают не свой собственный путь, а развивают то, что ценно для коллектива. И. Якоби также считает, что индивидуация — это выбор не для всех, а некий жребий, требующий особых вызовов [5].

Кризис созависимости можно в полной мере считать таким вызовом. Созависимость подталкивает человека к кризису, к «дну», чтобы там он нашел себя. Созависимого привлекает такой партнер, который вызовет у него тяжелые чувства, который позволит ему пережить опыт сильнейшего напряжения одновременного переживания противоположных чувств — желания быть с объектом зависимости и желания с ним расстаться.

И. Якоби пишет, что индивидуация происходит в два этапа, и перелом случается в середине жизни, когда наступает понимание смерти и переоценка жизненных ценностей. У созависимых это тоже часто происходит в середине жизни, но это происходит через отношения. Именно напряжение, которое появляется в отношениях, дает им толчок к тому, чтобы посмотреть в себя и переоценить свою жизнь [5].

Это особенность индивидуации созависимого — он приходит к индивидуации через отношения и переоценивает свою жизнь именно через контекст отношений. И понимает, что фокус внимания всегда был на объекте зависимости, и для достижения гармонии нужно переключать его на себя.

Сценарии жизни

Но, к сожалению, не все созависимые приходят за помощью. Многие живут всю жизнь в таких отношениях и никакого «дна» у них не бывает. Или бывает, но они как-то справляются с ним и живут дальше. Либо они уходят в изоляцию после кризиса и отказываются вообще вступать в партнерские отношения.

Хочу обратиться к трудам К. Штайнера, транзактного аналитика, который занимался изучением жизненных сценариев. Он выделял два вида сценариев — банальные и трагические.

Банальный сценарий — это внешне нормальная приемлемая картинка, отвечающая фразе «все так живут». В жизни есть то, что не нравится, не устраивает, но оно не приносит сильной боли. Особого счастья нет, но и с сильными вызовами человек не сталкивается. В целом в жизни все нормально, нет сильных взлетов и падений. Иногда банальный сценарий оказывается предметом зависти. Многие созависимые говорят: «Живет же человек, все у него хорошо, а я почему-то в эту боль постоянно проваливаюсь» [6].

«Банальные сценарии похожи на мелодрамы: без начала и без конца, они идут от плохого к еще худшему, в них нет впечатляющих провалов и захватывающих моментов. На первый взгляд, они могут выглядеть хорошо; на деле они ужасающе скучны» [6].

«Люди с банальными сценариями отличаются от людей с трагическими тем, что они не склонны привлекать к себе внимание и считаются «нормальными» [6].

Второй вид сценарий – трагический. В трагическом сценарии все не так хорошо. Он похож на сказочные сценарии, только конец там не всегда счастливый. В сказках герой обычно побеждает, а в жизни он может погибнуть. Трагический сценарий обязательно подразумевает встречу со смертью. Иногда это умирание чего-то старого, отжившего, не нужного, но, по каким-то причинам очень ценного. Трагический сценарий хорош тем, что

встреча со смертью несет в себе сильный потенциал духовного пробуждения. Человек, встретившись со смертью, становится другим.

«Трагические сценарии взрывоопасны и часто завершаются взрывом; люди с трагическими сценариями решают прожить яркую, драматическую жизнь...» [6].

Мы можем сказать, что всем созависимым уготован драматический сценарий (встреча с тяжелыми чувствами и испытаниями), который одновременно является и героическим.

Миф об Амуре и Психее

Когда я размышляла на тему геройского пути созависимых, я искала мифы, которые бы отражали этот путь. И нашла. Созависимые модели поведения в полной мере отражены в мифе об Амуре и Психее, а история Психеи показывает путь индивидуации, который проходят созависимые.

В самом начале мифа Афродита (как метафора Злой матери) хочет, чтобы Амур поразил стрелами Психею так, чтобы она влюбилась в самого бедного, жалкого и презренного из людей. *«Пусть восплает дева жгучей страстью к самому презренному из людей, к смертному, которому не дала судьба не только почестей и богатства, но даже безопасности от нищеты и нужды, к такому низкому и жалкому человеку, который бы не находил себе подобного на земле».*

Многие созависимые, исполняя «пожелание» негативного материнского аспекта, влюбляются в недостойных себя партнеров, терпят неуважение, обман и предательство. И все равно прощают и остаются в этих отношениях. И даже те, кто встречают достойного, любящего и уважающего их мужчину, умудряются найти в нем какой-то дефект и страдать по этому поводу.

Такова природа созависимости — созависимого всегда что-то не устраивает в отношениях. Для созависимых характерно изменение отношения к своему партнеру в процессе отношений. В самом начале отношений они счастливы и считают, что их партнер самый лучший, а потом обнаруживают в нем какой-то недостаток, с которым начинают бороться. И, также как Психея, считают, что их супруг — чудовище.

Дальше по мифу мы видим, как нарастает неудовлетворенность Психеи текущим положением вещей. Ей не нравится, что целый день она одна в этом замке, ей скучно, одиноко, и она не может контактировать ни с кем из людей. И вместо того, чтобы поговорить с мужем об этом, она ищет утешения во встречах с сестрами. Это и есть путь к кризису созависимости — когда напряжение постепенно растет, но нет внутренней возможности и умения поговорить с партнером о своих чувствах, выразить свои желания и совместно искать варианты выхода. Таким образом получается треугольник,

свойственный для созависимых. Не в состоянии обсуждать все свои мысли, чувства, претензии и неудовлетворенность с партнером, они включают в партнерские отношения третьего, кто поможет или хотя бы выслушает. Так получается треугольник Карпмана. В случае Психеи, по ее мнению, она Жертва, ее муж – Агрессор, который собирается ее убить, а сестры – Спасательницы.

Таким образом, Психея попадает под определение созависимой. Напомню, что созависимость — это поведение, мотивированное зависимостью или особенностью значимого человека. Поведение Психеи было мотивировано особенностью Амура — он не показывал своего лица и приходил к ней только ночью. Ей было трудно с этим примириться, ее разум рисовал ей разные страшные картины. И именно поэтому она быстро поверила сестрам, сказавшим, что ее муж — страшный дракон и хочет ее убить. И вместо того, чтобы обсуждать все это с мужем, она вступает в коалицию с сестрами.

В этом мифе мать Амура (Афродита) тоже ведет себя как созависимая женщина — она ревнует сына к его жене и угрожает лишить его всего, что она ему дала, если он и дальше будет любить Психею.

И вот Психея, разлученная с Амуром, странствует по миру, пытаясь его отыскать и помириться с ним. Также, как созависимая, ищет успокоения в контакте с предметом своей зависимости и считает, что только он может избавить ее от страданий. В мифе мы видим важный момент для возможности индивидуации — созависимый должен остаться один, чтобы пройти свой путь героя. У Психеи случилось именно так. Не найдя Амура, она пошла к его матери. Она чувствовала бессилие, отчаяние, усталость — все те чувства, с которыми сталкиваются созависимые в момент кризиса. Метафорически Психея пошла на встречу к своему материнскому комплексу. Именно в этом моменте многие созависимые отказываются от своего пути индивидуации. Они остаются с партнером или возвращаются к нему, пытаясь и дальше изменить в нем то, что их не устраивает, требуют, чтобы он стал другим. Они не хотят оставаться в одиночестве, веря в то, что их счастье зависит от партнера. М.-Л. фон Франц пишет: *«Только уход в себя позволяет Психее справиться со стоящей перед ней задачей».*

Не найдя Амура, Психея отправляется в храм Афродиты. Это символизирует встречу с комплексом матери, которая сулит много испытаний и тяжелых чувств, но она необходима. Это ей нужно для того, чтобы быть рядом с любимым человеком. Не многие созависимые, даже оставшись в одиночестве, готовы встретиться с материнским комплексом. Многие тут же находят себе нового партнера, некоторые — уходят в работу, в ребенка или используют другие способы ухода от погружения в себя и свои чувства. Кстати, М.-Л. фон Франц отмечает, что в сказках героический путь женщин всегда наполнен страданиями, в отличие от мужского пути, который связан со сражениями.

Афродита дает Психее разные задания, с которыми практически нереально справиться. Я не буду интерпретировать каждое из них, это уже блестяще сделали до меня. Я только хочу отметить, что наступает момент, когда Психея приходит на высокую скалу и в отчаянии хочет броситься с нее вниз. Но появляется голос, который учит ее, как справиться с заданием Афродиты. И Психея идет дальше. Этот момент перекликается с ситуациями из жизни моих клиентов, когда они чувствовали такое отчаяние и бессилие, что легче было умереть.

На этом пути Психея спускается в подземный мир, чтобы вынести оттуда сокровище. Это ее последнее испытание. Здесь мы тоже видим мифологему катасиса, которая должна обязательно присутствовать в мифе о путешествии героя. После спуска в подземный мир, герой выходит оттуда уже другим. Так же, как и Психея. И тогда Амур возвращается к ней. Только после прохождения этого пути она становится бессмертной и вступает уже по-настоящему в брак с любимым ею мужчиной. Э. Нойман говорит о том, что Психея пробуждается и ведет себя по отношению к Амуру, как любящий партнер. Личная любовь занимает место коллективного принципа удовольствия.

Мы можем посмотреть на это и с другой, тоже символической, точки зрения. Если мы посмотрим на перевод имен, то увидим, что Психея — это душа, а Амур — это любовь. И тогда мы можем сказать, что, когда душа проходит испытания, встречается с темными, смертельными переживаниями, она изменяется настолько, что становится способной к тому, чтобы не только встретить, но и сохранить Любовь.

Как мы видим, в мифе прослеживаются те же аспекты, которые я выделила во снах моих клиенток — метафора пути, тема смерти и спуск в подземный мир. Все элементы, которые присутствуют в героическом сценарии.

Задания Афродиты, как метафора вызова для созависимого

Отдельно я хотела бы рассмотреть задания, которые Афродита дает Психее. Мне они кажутся важными, как метафора того, с чем приходится сталкиваться созависимому на пути индивидуации.

В первом задании Психея должна рассортировать кучу различных семян. М.-Л. фон Франц рассматривает хаос, созданный Афродитой из зерен, как хаос коллективного бессознательного. Она говорит, что одно хаотичное множество подвергается упорядочиванию с помощью другой хаотичной множественности — с помощью муравьев. М.-Л. фон Франц сравнивает муравьев с метафорой внутреннего закона. Муравьи могут интуитивно, «коммуницируя» только через бессознательное, построить ровное и правильное строение. Автор называет это верой или лояльностью внутреннему закону. *«И когда эта лояльность или чувство констеллируется,*

оно вызывает тайный порядок, который находится в хаосе бессознательного». М.-Л. фон Франц говорит, что христианские теологи назвали бы это состояние верой.

Если мы посмотрим с точки зрения проблемы созависимости, то можем сопоставить первое испытание Психеи с Первым шагом 12-шаговой программы для созависимых — принять свое бессилие и покориться потоку событий. Успокоить свой хаос, принять то, что все происходит так, как должно происходить. И по-другому быть не могло. Это и есть лояльность внутреннему закону, который может интуитивно выбрать правильную дорогу, заменить внешний хаос жизни, который был вызван внутренним хаосом созависимого, прийти к внутреннему порядку, который впоследствии станет и внешним порядком.

Второе испытание Психеи — принести золотую шерсть опасных диких солнечных овец или баранов, к которым очень трудно подойти. Здесь ей помогает тростник, который говорит, что к баранам нельзя подойти в полдень, и что она должна подождать до вечера, когда их темпераментная дикость остывает.

Во многих сказках тростник предает тайное знание. Свистящий тростник, как и муравьи, соответствует этим крошечным намекам на истину, которые мы получаем от бессознательного. К. Г. Юнг всегда отмечал, что внутренняя истина не говорит громко. Баран (в интерпретации Э. Ноймана) означает агрессивную импульсивность и темпераментность. И смысл этого задания — научиться ждать подходящего момента, не поддаваться неконтролируемым эмоциям. Чувствовать подсказки от внутренней мудрости, говорящей, как избежать агрессии и импульсивности.

Это важное умение для созависимых. Созависимость, как и зависимость характеризуется двумя признаками — невозможность отказаться и невозможность остановиться. Созависимые не могут удержаться от контроля и нравочений, и не могут остановиться, перестать поучать или, как говорят многие мужчины, «выносить мозг», или выразить свои эмоции прямо здесь и сейчас.

Следующая задача Психеи — доставить Афродите воду из ледяного водопада Стикса. М.-Л. фон Франц говорит, что он напоминает бурную реку психической энергии, которую нельзя упорядочить и использовать. Коллективное бессознательное, как мощный поток образов, на которые человек повлиять не в силах. М.-Л. фон Франц связывает этот поток с творческой энергией бессознательного, которую мы можем удержать только в ограниченном сосуде.

И тогда в контексте созависимости мы можем говорить о контакте со своей творческой частью. Созависимые часто так захвачены объектом своей зависимости, что совсем не уделяют время себе. И огромный творческий потенциал остается нераскрытым и неосозанным. И вместо того, чтобы думать об объекте зависимости, созависимым предлагается перевести фокус

внимания на себя и позволить течь своей творческой энергии. Есть много примеров из жизни созависимых, которые, выйдя из тяжелых для них отношений, смогли найти занятие по душе, начали творить, заниматься любимым делом, стали успешны в профессии.

Последнее задание Психеи — отправиться в мир мертвых и принести Афродите коробку с благовонными мазями. Во время путешествия в мир мертвых Психея должна пройти несколько испытаний:

- Сначала тонущий старик молит ее сжалиться над ним и помочь ему. Первое условие — Психея не должна прислушиваться к жалостным крикам о помощи. Переноса это на язык поведения созависимого — она не должна становиться Спасателем. Она должна научиться говорить «нет», оставляя другому человеку возможность самостоятельно разбираться с последствиями его действий. Не поддаваться жалости.
- Затем Психея проходит мимо другого старика по имени Окнос, который постоянно разматывает и сматывает шнур. Окнос означает сомнение. Психея не должна обращать на него внимания, не должна прислушиваться к его словам, иначе она застрянет там надолго. Это особо актуально для созависимых. Они постоянно оказываются охвачены сомнениями, им постоянно нужен совет или мнение другого человека. Они постоянно колеблются в своих выборах. И чем сильнее созависимость, тем сложнее сделать выбор.
- Далее Психея должна пройти мимо 3 ткущих старух. М.-Л. фон Франц проводит параллель с мойрами, ткущими полотно Судьбы. Психея должна пройти мимо них. То есть преодолеть великое искушение — замыслить судьбу и помочь задуманному осуществиться. Это очень характерно для созависимых. Они склонны контролировать, планировать не только свою жизнь, но и жизнь других людей. И им невероятно сложно отдалиться потоку событий и допустить вероятность различного исхода событий. Созависимых очень пугает неопределенность и поэтому они делают все возможное, чтобы защититься от нее.
- Последняя задача Психеи — получить от Персефоны коробку, содержащую божественную красоту и принести ее Афродите. Психея открывает коробку, надеясь стать еще краше и вернуть любовь Амура, и засыпает смертельным сном. Это тоже важный вызов для созависимых. Все созависимые женщины в глубине души считают себя недостойными любви мужчины. И стараются улучшить себя разными способами — внешне (через внешность и внешние достижения) или внутренне (через эрудицию и образованность). И это, наверное, самый сложный этап — понимание того, что, если ты прибегаешь к разным способам, чтобы себя приукрасить — ты умираешь. Умирает твоя уникальность и естественность. А по-настоящему полюбить может только тот мужчина, который сможет разглядеть эту уникальность и естественность.

Резюме

Я вернусь к тому, с чего начинала — к каузальному и финалистическому подходу к созависимости.

С финалистической точки зрения мы можем посмотреть на созависимость, как на состояние, которое потенциально несет в себе возможность индивидуации. Созависимый бессознательно выбирает такого партнера, с помощью которого он встретится с тяжелейшими эмоциональными переживаниями. И, если будет соблюдено условие (остаться один на один со своими чувствами), то у созависимого есть шанс встать на путь героя и обрести себя.

Созависимость с финалистической точки зрения становится не коллективным паттерном построения отношений, а внутренним потенциалом, несущим в себе возможность индивидуации.

Этапы геройского пути созависимого:

- кризис созависимых отношений;
- одиночество;
- встреча с негативным материнским комплексом (прохождение испытаний, погружение в «подземный мир»);
- внутреннее взросление.

Список литературы

1. Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. СПб: Речь, 2014. 320 с.
2. Шаповал И. А. К проблеме культурогенеза созависимости // Педагогический журнал Башкортостана // 2008. - № 1 (14). - с. 76–87.
3. Шварц-Салант Н. Тайна человеческих отношений. Алхимия и трансформация Самости. Москва: Касталия, 2018. - 444 с.
4. Юнг К. Г. Структура и динамика психического. Москва: Когито-Центр, 2008. 480 с.
5. Якоби И. Путь индивидуации. Москва: Касталия, 2021. 174 с.
6. Штайнер К. Сценарии жизни людей

Мидгард Анна Михайловна

*Аналитический психолог
Ассоциированный член ААП
г. Екатеринбург*

Коллективные и индивидуальные проблемы сексуальности. Юнгианский взгляд

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы сексуальности на разных уровнях: индивидуальном, коллективном и архетипическом. Работы К. Г. Юнга указывают на то, что за сексуальными проблемами он видел работу души, а сексуальные симптомы оценивал, как проявление нуминозного. В данной статье автор размышляет о сексуальности с точки зрения К. Г. Юнга и его последователей, в том числе на примере двух клинических случаев.

Ключевые слова

К. Г. Юнг, аналитическая психология, проблемы сексуальности, нуминозное, психотерапия.

Сексуальность — одна из тех сфер, которая наиболее подвержена влиянию коллективных факторов. Нужные стандарты и выгодные в данный момент времени паттерны сексуального поведения задаются политиками, средствами массовой информации и, конечно, религиями.

Как правило, сдержанность и традиционные ценности сменяются свободными взглядами, что повышает сексуальное удовлетворение общества в целом, но может способствовать и распространению заболеваний, передающихся половым путем, нежелательным беременностям. Следовательно, следующее поколение становится более сдержанным, больше думает о безопасности, сокращает количество половых партнеров и т. д. Так, сексуальность в поколениях, с одной стороны, задается принятым социально-политическим строем в конкретной стране. С другой — общество подвержено влиянию не только внешних, но и внутренних подводных архетипических течений. В этой статье мы рассмотрим вопросы сексуальности с разных сторон, особое внимание уделим взглядам К. Г. Юнга

и немного коснемся постъюнгианцев. Поговорим о том, как встречаются коллективные и индивидуальные аспекты на примере двух клинических случаев.

С одной стороны, сейчас все очень сексуализировано: соблазняющая реклама, фильмы, наполненные эротическими сценами, музыкальные клипы и т. д. Сексуальным быть модно. С другой стороны, сексологи обсуждают введение нового типа ориентации — асексуальность. То есть корректнее будет сказать, что сексуальность сейчас проживает не расцвет и распущенность, а скорее раскол на гиперсексуальность и гипосексуальность, а порой и асексуальность. О подавленной сексуальности так громко не кричат, но мы сплошь и рядом можем встречать ее в своих кабинетах. Гиперсексуальность часто является незрелой и может служить лишь нарциссической защитой — сексуальной грандиозностью — показывать нам ложное Селф и захваченность родительскими комплексами.

Подавление сексуальности может происходить по разным причинам, в том числе играют роль коллективные факторы. В современном мире — это скорее тень сексуальной медийности и высокий уровень стресса в крупных городах, большие нагрузки и высокие требования к стандартам жизни.

3. Фрейд был первым, кто поставил сексуальное развитие в центр своей теории. Он рассматривал сексуальность, как фундаментальную движущую силу человеческой психики, и о сексе З. Фрейд говорил, как об основном источнике психической энергии, а сексуальность называл ключом к проблеме неврозов. Тот, кто пренебрегает ключом, никогда не сможет отпереть дверь. Он хорошо понимал способность сексуального влечения проявляться в виде тяжелых симптомов [3].

Первоначально К. Г. Юнг был последователем З. Фрейда в изучении сексуальной патологии, далее он расширил его взгляды на сексуальность за пределы биологического и инстинктивного до духовного уровня. К. Г. Юнг яростно выступал против того исключительного внимания, которое З. Фрейд уделял биологической природе сексуального инстинкта. Его глубокое несогласие и сопротивление З. Фрейду в первую очередь коренились в том, что он считал чрезмерный акцент психоанализа на сексуальных инстинктах редуccionистским. Инстинкт сексуальности, как глубокое выражения души, не следовало преуменьшать или недооценивать. Всякие, кто пренебрегают инстинктами, попадают в их ловушку, и всякий, кто не смирится, будет подавлен, потеряв свою свободу, свое самое ценное достояние. Он уважал инстинкты и осознавал их способность овладевать личностью и подавлять попытки избавиться от возникающих психических явлений, особенно эротического характера.

К. Г. Юнг говорил о том, что за сексуальными симптомами скрывается работа души и нуминозный опыт, он исследовал богатство проявления человеческого желания, и в сексуальности он видел мощное переживание священного или божественного.

В начале 1900-х годов в психиатрической клинике Бургхольцли К. Г. Юнг проводил эксперименты со словесными ассоциациями и изучал посредством этого сексуальные процессы. Эксперименты выявили сильные эротические комплексы у многих пациентов, это положило начало расширению идей от вопросов подавления к важности сексуальности для индивидуации и развития. К. Г. Юнг выдвигал теории о том, как сексуальность выражается в нуминозных переживаниях, и как она прямо подтверждает существование бессознательного. Его работа на протяжении всей жизни была связана с тайнами духовных, символических и алхимических аспектов человеческой сексуальности [6].

Эдвард Сантана в своей книге «К. Г. Юнг и секс. Переосмысление сексуальной терапии» говорит, о том, что подавление сексуальности — это предательство души. Он описывает свой психотерапевтический опыт, где замечал, что многие пациенты с сексуальными проблемами измучены внутренним конфликтом между желаниями и моральными установками, порожденными личной историей и культурой. Они испытывают психологическую боль, как от собственного, так и от коллективного неодобрения. У некоторых эти страдания выливаются в роман на стороне или ночной просмотр порнографии втайне от партнера или супруга. Другие томятся, надевая маски ложных личностей, терпя муки нечестности и отказывая своим близким и себе в искренности. Третьи борются с такими симптомами, как неспособность достичь возбуждения или попадают в ловушку пьянящих фантазий. Эдвард Сантана подчеркивает, что считает необходимым уважать глубокие аспекты души этих людей и помочь им принять великие тайны, выраженные в их симптомах, фантазиях и снах [2].

Сексуальность — это не просто инстинктивность; это несомненно творческая сила, которая выступает не только основной причиной нашей индивидуальной жизни, но и серьезным фактором в жизни психической. Сегодня мы слишком хорошо понимаем, к каким тяжелым последствиям могут привести сексуальные расстройства. Далее я бы хотела рассказать о клиническом случае из своей практики. Случай, представленные в данной статье, публикуются с разрешения пациентов, все личные данные и имена изменены.

Молодая женщина 25-ти лет, назовем ее Аленой, обратилась в терапию из-за своей влюбленности в женатого мужчину, который был ее начальником и собственником фирмы, в которой работала Алена (назовем его Виктором). Алена очень стыдилась и винила себя за эту связь. В первый раз он склонил ее к сексу против ее воли — она согласилась после его настойчивости и неприятия ее отказа. Алена не считала это изнасилованием и после такой первой ночи она поняла, что влюблена в него. Виктор часто относился к ней неуважительно, шутил над ней. Алена была словно в оковах влюбленности и стыда. У Виктора с Аленой были эмоционально близкие отношения еще до первого секса. В их отношениях часто был флирт, сексуальный подтекст с нотками соблазнения и пренебрежения со стороны Виктора.

Любовь в ее истории изначально оказалась связанной со стыдом. Мама стыдилась отца за алкогольные выходки и тем не менее продолжала с ним жить. На фоне проблем с алкоголем и отцовских оскорблений, он хорошо зарабатывал и имел высокий социальный статус. Конечно, Алена считывала этот стыд и предпочитала говорить про отца только в позитивном ключе, о другой его стороне смогла рассказать в терапии далеко не сразу. Пьяный отец был более раскован, любвеобилен, щедр на внимание, комплименты, объятия к жене и двум дочерям. Алена была старшей. Алене нравился такой папа, но его любовь и внимание всегда сопровождались осуждающим взглядом матери, она ругала его за то, что он пьян и не принимала его знаки внимания, что в итоге приводило к ссорам, взаимным оскорблениям и иногда скандалам. Возможно, уже тогда появилась эта связка любви, внимания мужчины, неуважения и стыда. Ее первый сексуальный опыт так же был связан со стыдом. Парень манипуляциями склонил ее к сексу и после этого рассказал обо всем друзьям, высмеивая это.

Алена находится под влиянием негативного отцовского комплекса в эдипальной конфигурации — она выбирает статусных мужчин, желательнее старше, а в случае с Виктором еще и несвободного. А также тех, кто относится к ней неуважительно, роман с кем будет связан со стыдом. Алена понимает, что не победит мать, но все равно конкурирует с ней и не готова уйти в сторону, каждый раз обижаясь на то, что Виктор все-таки ее не выбирает. Через какое-то время Алена смогла признать, что возможно Виктор ее использует и находится с ней только в таких отношениях, которые ему удобны.

Секс для Алены всегда был чем-то, что с одной стороны привлекало и манило. Она внешне интересная молодая девушка, любящая внимание мужчин и бессознательно желающая заполучить любовь и внимание отца, готовая сделать для этого все. И, с другой стороны, любовь и секс — это всегда то, что вызывает стыд и вину, которые становятся расплатой за удовольствие.

Пока Алене сложно выбраться из этой околдованности и захваченности комплексом. Но она уже замечает эти паттерны, учится не ждать, когда выберут ее, а пробовать самой выбирать себя, свою жизнь и свои приоритеты.

К сожалению, на коллективном уровне в тени секса часто оказывается стыд и тревога. Стыдно быть слишком навязчивым и откровенным, стыдно не оправдать ожидания свои, партнера, общества, стыдно женщинам проявлять сексуальную инициативу и т.д.

Марио Якоби в своей книге «Стыд и истоки самоуважения» говорит о том, что в основе стыда и связанной с ним тревогой и бессилием часто лежит потребность быть замеченным, любимым и желанным. Для здорового развития в сексуальном плане необходимо вывести психический материал на сознательный уровень и направить его в сторону индивидуации [9].

В своих более поздних работах К. Г. Юнг говорил, что существует тесная связь между сексуальным инстинктом и стремлением к целостности. За исключением религиозности, ничто так сознательно и лично не бросает современному человеку вызов, как секс [2].

Великие жизненные проблемы, включая вопросы, касающиеся секса, занимают центральное место в древней внутренней сущности коллективного бессознательного. Опасность потерять свободу и оказаться во власти бессознательных сил, по-видимому, базируется как на влечении к сексу, так и на страхе перед ним. Потеря контроля над чем-то большим, чем-то вне или, наоборот, глубоко внутри себя, кажется существенным номинальным и бессознательным аспектом природы и человеческой сексуальности.

Когда блокируется какой-либо канал психической деятельности, поток разворачивается в обратном направлении, желание внутренней сферы человека не совпадают с желаниями внешней сферы, и мы начинаем войну против самих себя. Только в этой бедственной ситуации мы обнаруживаем, что психе противоречит нашей воле, что она чужда, даже враждебна и не совместима с нашей сознательной позицией. Это может звучать знакомо для тех, кто сталкивается с сильными зависимостями от желаний, или был вовлечен в битву между внутренней волей и внешним поведением.

Далее мы рассмотрим еще один кейс из практики.

Мужчина 40 лет, назовем его Андреем, пришел в терапию с проблемой сильной ревности, позже выявилась сексуальная зависимость.

Андрей находится в третьем браке с молодой женой. Одной из проблем было то, что он не может прожить ни одного дня без секса и очень болезненно воспринимает отказы жены. Андрей сильно ревнует супругу, вспоминая ее прошлое и фантазируя о возможном настоящем. Если несколько дней не было близости, то он все больше внутренне убеждался в том, что она ему изменяет. Секс и, в частности, половой акт, для него являлись подтверждением того, что она его любит.

За этим стоял сильный материнский комплекс. Его детство пришлось на сложные годы для родителей: было трудное материальное положение, множество жизненных непростых обстоятельств, которые не давали матери полноценно погрузиться в материнство, а когда ситуация стала чуть полегче, у него родился брат. И он снова лишился надежды на материнскую любовь. В то время он ходил в детский сад и вместо фигуры матери, появилась подружка в садике, которая и стала его символической матерью — они везде ходили вместе за ручку и никогда не расставались. Когда отношения с этой девочкой закончились, тут же нашлась другая и так было почти всегда — на смену одной, приходила следующая. Реальная же мать все больше отдалялась от него, оставаясь на уровне функциональной.

Символически половой акт и женская вагина символизировали для Андрея регрессивно-восстановительный возврат в утробу, несущий ему возможность прощения матери. Бессознательно Андрей очень обижался на

функциональную мать и, возможно, даже ненавидел ее. Ведь когда-то они жили душа в душу с ней (это было во время беременности), все его потребности тут же удовлетворялись, было всегда комфортно и, самое главное, он не расставался с матерью ни на минуту, будучи в полном слиянии с ней. После рождения Андрею приходилось постоянно искать подтверждения того, что мать любит, ее было постоянно недостаточно. А когда мама забеременела второй раз, это стало колоссальной изменой, его дом был занят другим ребенком.

Андрей был вечным Пуэром, с интересной яркой жизнью, влюбленностями, легкостью в путешествиях и т. д. Счастье, покой на душе, гармония и любовь были доступны ему только через символическую мать. Здесь индивидуальная история Андрея встречается с коллективным архетипическим пластом.

Как описывает Джеймс Хиллман: «Пуэр всегда преувеличен материнским комплексом (...), он убегает от судьбы в волшебном экстатическом полете. Он — факел, стрела и крыло, сын Афродиты — Эрос. Кажется, он способен воплотить в своей сексуальной жизни и карьере каждое желание своих детских фантазий о всемогуществе. Все они сбываются. Его существо — волшебный фаллос, сияющий и сильный» [5, стр.114]. Стоит отметить, что в современном мире культивируется архетип Пуэра с его молодостью, сексуальностью, легкостью и т. д.

Андрею потребовалось почти три года терапии, чтобы ослабить влияние материнского комплекса и частично снять проекцию матери с жены. Он пережил удивительный опыт того, что оказывается он может не хотеть секса не из обиды или наличия секса с другой женщиной. Секс перестал быть для него материнской утробой, он научился попадать в безопасное комфортное пространство через терапию — у него появился новый теменос. Не только в матке его ребенку может быть хорошо, но и в терапевтическом контейнере, а позже и в своем собственном внутреннем контейнере. Счастье и внутренняя гармония стали возможны для него не только рядом с женщиной и через нее, но и когда он один.

На этом пути Андрей столкнулся еще с одной коллективной матрицей — мужским страхом отсутствия сексуального желания. Символическим языком — страхом потери своей маскулинности.

Сексуальность не исключает духовности, как и духовность — сексуальности. К. Г. Юнг также подчеркивал значение архетипических паттернов, лежащих в основе сексуальности, их более глубокое значение, снова предостерегая от сосредоточения исключительно на поверхностных аспектах сексуальной сферы, что неизменно ведет к попаданию в ловушку эротической проекции:

«Чем больше человек концентрируется на сексуальном аспекте и чем меньше внимания уделяет архетипическим паттернам, тем сильнее этот

вопрос вызывает фанатизм, потому что так более очевидна ошибочность такой позиции... Сексуальность всегда пытается отдать нас во власть партнера, который кажется, объединяет в себе те качества, которые мы не смогли реализовать в себе. Следовательно, если мы не предпочитаем оставаться в тисках иллюзий, мы должны прийти к пониманию того, как снова и снова мы встречаем самих себя в 1000 обличий» [2, стр.70].

Основное внимание в работе К. Г. Юнга уделялось не лечению неврозов, а, наоборот, сближению с ними, когда мы идем навстречу симптому. Он говорил о терапии, как о пути к нуминозному и через этот особенный опыт — к освобождению от невротических симптомов и патологий.

Внимательное наблюдение за симптомами позволяет увидеть духовный или нуминозные аспекты, действующие под маской симптомов. В личности и культуре действуют факторы, лежащие далеко за пределами индивидуальной или родовой истории. Мы говорим здесь об архетипической составляющей, огромной, особенно в вопросе сексуальных явлений.

К. Г. Юнг в «Красной книге» писал:

«Мир богов выражается в духовности и сексуальности; небесные боги — духовные, земные — сексуальные. Если вы не отделяете себя от сексуальности и духовности и не считаете их сущностью выше и вне вас, вы переживаете их как качество Плеромы. Духовность и сексуальность — это не ваши качества, не то, чем вы обладаете, не то, что вы можете охватить. Напротив, это они обладают вами и охватывают вас, так как являются могущественными даймонами, проявлениями богов и, следовательно, выходят за пределы вас, существуя сами по себе. Ни один человек не содержит в себе ни духовности, ни сексуальности» [7, стр. 75].

Греческий бог Эрос обладает огромной мощью и лежит в основе феномена любви и сексуальности. К. Г. Юнг описывал Эрос как сверхчеловеческую силу, которая, как и сама природа, позволяет завоевать, эксплуатировать себя, будто она бессильна, но любой временный триумф имеет серьезные последствия и за него придется дорого заплатить.

К. Г. Юнг возвел эротику от уровня непобедимого мифического бога до того, что подчинено могущественному Богу, невозможно полностью понять, сдержать или присвоить. Эрос принадлежит человеческой природе, как первозданная животная природа, часть инстинктивного наследия человечества, но он также принадлежит и к «высшей форме духа».

В процессе подготовки этой статьи я ощущала много коллективного, чувствовала мощь этой темы и архетипические энергии, которые порой трудно было поместить в тело и сознание. Работать над этой темой можно было только небольшими отрезками времени, не больше нескольких часов

подряд, в какой-то момент ощущался сильный перегруз и переполненный внутренний контейнер. Еще одна сложность в работе с сексуальностью, особенно, когда мы затрагиваем не только личный, но и коллективный слой психики, это отделенность от тела. В этой теме невозможно продвинуться дальше, не проживая сексуальность телом, не чувствуя напряжения сексуального возбуждения, не обращая внимание на ощущения. В аналитической терапии мы не касаемся пациентов, но, на наш взгляд, очень важно обращать внимание сознания на тело, ощущения, телесные образы, симптомы.

Посмотрим далее на внутренний баланс духовного и инстинктивного, который очень важно поддерживать. К. Г. Юнг говорит о том, что, если не хватает духовного или инстинктивного аспекта, результатом может стать травма или, по крайней мере, дисбаланс, который легко способен перейти в патологический. Слишком большое количество животного вредит цивилизованности человека, слишком большое количество цивилизованности приводит к болезням. В теме сексуальности важно не забывать о всех аспектах природы Эроса, не стоит ограничивать это физическими действиями, секс очень важен, но это лишь одна сторона многогранных глубинных переживаний.

Часто люди чувствуют, что растворяются в любовниках или что поглощены пламенем сексуального желания. К. Г. Юнг рекомендовал всегда сохранять некоторое количество либидо для символической или духовной цели, ведь в противном случае оно будет немедленно растрчено на секс. Символ живет за счет сдерживания определенных форм либидо, и, в свою очередь, служит сдерживанию этих форм. В качестве примера данной идеи К. Г. Юнг привел древних людей, которые могли свободно использовать фаллический символ, но его значение никогда не сводилась для них исключительно к половому органу. Это был важный ритуальный символ, а не сексуализированный объект. Трансформация либидо посредством символа — это процесс, который происходит с самого зарождения человечества и продолжается до сих пор. Символы никогда не изобретались сознательно, а всегда производились из бессознательного посредством откровения или интуиции [8].

Взгляды К. Г. Юнга на секс и сексуальность структурированы вокруг четырех центральных тем [2]:

1. Противоречия в пациенте между естественными инстинктами и социальными нормами или моралью;
2. Неприятие, упрощение или редукция сексуальных симптомов;
3. Наставления терапевтам в пяти областях, включающих: сопротивление пациентов в работе с комплексами, трудности лечения, преобладание эротического материала психе, сексуальность как средство маскировки более глубоких проблем и эротический перенос;

4. Испытания индивидуации и сила бессознательного, которые раскрываются через сексуальные феномены.

3. Фрейд, К. Г. Юнг и мы с вами сегодня до сих пор можем наблюдать у наших пациентов, как часто и жестоко инстинкты могут вступать в конфликт с обществом и моральными устоями.

К. Г. Юнг писал:

«Мы постоянно обнаруживаем конфликт пациента, связанный с большими проблемами общества. Следовательно, когда анализ доходит до определенной точки, кажущейся индивидуальным конфликт раскрывается как универсальный конфликт его окружающей эпохи. Таким образом, невроз есть ничто иное, как индивидуальная попытка, пусть и безуспешно, решить универсальную проблему; да иначе быть не может, ибо общая проблема существует не сама по себе, а только в сердцах отдельных людей. Вопрос, который беспокоит больного, нравится вам это или нет, есть вопрос сексуальный, или, точнее, проблемы современной сексуальной морали» [2, стр.85].

В этой цитате мы можем видеть сексуальность и мораль как основные конфликтующие элементы человеческой психики, порождающие неврозы. С одной стороны, в XXI веке мы можем видеть намного большую сексуальную раскрепощенность в обществе, и все же было бы ошибкой утверждать, что спустя столетие мы решили эту проблему. Конечно, это остается актуальным до сих пор, хоть возможно стоит уже не на столько остро, как в XIX и первой половине XX века, но все же современное общество страдает от этого конфликта по сей день. Вряд ли можно себе представить, что когда-либо это станет совершенно не актуальным.

Сексуальный невроз К. Г. Юнг сравнивал с душой ребенка, который вынужден переносить ограничения, смысла которых он не понимает. Он пытается сделать эту мораль своей, но вместо этого разделяется с самим собой: одна его сторона хочет смирения, другая жаждет быть свободной — эта борьба называется неврозом.

Вытеснение инстинктов опасно возникновением невроза. Отрицание естественных инстинктов создает тревожную фальшивую Персону, соответствующую окружающему миру, но противоречащую внутренней личности. В то же время, любой, кто чрезмерно ценит инстинктивное поведение, скорее всего, столкнется с сильным, даже жестоким конфликтом с коллективными социальными ценностями и институтами. Выбор одного направления выразится коллективным осуждением, выбор другого приведет к внутреннему смятению и психологическим расстройством. Здесь положительную роль может сыграть подавление, пока оно уравнивает некоторые формы подлинного выражения естественных инстинктов. К. Г. Юнг настаивал, что необходимо соблюдать баланс напряжения противоположных сил в психе и их внешних проявлений [2].

С одной стороны, важно тему сексуальности всегда учитывать и не забывать в анализе, с другой стороны, пациенты могут презентовать трудности касательно секса и делать акцент именно на этом, хотя их настоящие проблемы имеют совсем другую природу. Здесь эротические содержания используются, как средство избегания для пациентов, которые хотят спрятаться за отвлекающим эротическим материалом. Это еще раз подчеркивает, что сексуальность — всего лишь один из способов выражения души, чьи послания столь же разнообразны, как и психические ситуации каждого отдельного пациента.

Известные юнгианские аналитики также подчеркивали значимость этой темы. Джеймс Хиллман писал о выражении души через сексуальность. Он подчеркивал важность Эроса как интимных отношений, способных расширить самореализацию [4].

Томас Мур обнаружил, что сексуальные беспокойства его пациентов неизбежно вмещали центральные тайны их жизни.

«В некотором роде секс — это фасад души, и когда мы обращаемся к нему и с ним вдумчиво, весь внутренний космос выходит на передний план» [1, стр.15].

Далее обратим внимание на некоторые проблемы и недостатки относительно уделенного внимания теме секса, которая есть в юнгианстве и, возможно, в психотерапии в целом. Сексология стала отдельным направлением, которое часто несет медицинский, биологический подход, порой патологизированный. Современная сексология в основном лежит в когнитивно-поведенческой плоскости, упуская глубинные и нуминозные аспекты. А в аналитической терапии мы часто упускаем телесность и физический компонент в этой теме. Мы можем видеть внутри темы эротики и секса раскол как на коллективном, так и на архетипическом плане: на Эроса и Пана, где секс в одной своей ипостаси духовен, красив, пропитан любовью, а в другой может восприниматься, как что-то исключительно биологическое, низменное, инстинктивное. В связи с этим приходит на ум индустрия проституции, сексуальных использований, насилия, стыда.

Лин Коуэн выразила критику в адрес современных юнгианцев в связи с отсутствием признания сексуальности, как одного из ключевых компонентов работ К. Г. Юнга. Другое его замечание касается их неспособности рассматривать сексуальность более широко, а не сосредотачиваться на сексе как на, в первую очередь, символическом или духовном выражении. Л. Коуэн говорит о том, до сих пор трудно найти юнгианцев третьего и четвертого поколения, которые говорят и пишут о сексе в его собственных терминах, а не только в терминах духа или архетипического значения. Эта критика указывает на бессознательное движение юнгианской психологии в сторону автоматической интерпретации сексуального, как символического вместо

того, чтобы также оценить и исследовать инстинктивно-чувственные и приносящие удовлетворение физические аспекты сексуальности. Из этой тенденции вытекает потеря связи с инстинктами из-за слишком большого значения символической области. Такой подход можно было бы истолковать, как обесценивание тела и превознесение духа, во многом похожий на христианские предпочтения духа плоти по моральным причинам. Кроме того, игнорирование инстинктивно-животной стороны эротики может быть попыткой, хотя и бессознательной, обойти озадачивающее и тревожащее содержание. Позиция К. Г. Юнга, как видно из его работ, направлена против дисбаланса инстинкта и духа, хотя он уделял значительное внимание душе. Тенденции юнгианского и постъюнгианского анализа отдавать предпочтение духу требует большего признания физических аспектов эротического комплекса, что могло бы помочь пациентам исследовать свои сексуальные наклонности, свои желания, свои секреты и свой стыд, поднимая на поверхность удовольствия и раны как физической, так и духовной природы.

Почему юнгианцы на коллективном уровне не стали столь же решительно защищать сексуальные феномены и особенно их духовную важность, учитывая, какую критическую ценность это имело для К. Г. Юнга? Отсутствие фокуса на данной теме отразилось в недостатке юнгианской и постъюнгианской литературы по вопросу сексуальности.

Эдвард Сантана, проводя исследования для книги «К. Г. Юнг и секс», связался с бывшим директором крупного юнгианского учебного института и задал простой вопрос о том, как юнгианцы работают с сексуальными проблемами? Он немедленно ответил сарказмом, что не очень хорошо. Конечно, затем он ответил развернуто, но внезапная шутка раскрыла одну из бессознательных трудностей, и кое-что из все еще скрываемых в аналитических кругах мифов о К. Г. Юнге и сексе. Другого аналитика спросили о подходе к лечению сексуальных проблем в практике, и она ответила, что ей не приходилось работать с такими случаями. Однако, поразмыслив, она вспомнила целый ряд случаев сексуальных расстройств, лечение которых увенчалась успехом. Опять же, казалось, что за первоначальными реакциями скрывалась что-то до странности неосознанное. На сегодняшний день существует ограниченность литературы постъюнгианских интерпретаций и подходов к сексуальным явлениям. И очевидно упущение из виду сексуальности и глубинных подходов к решению сексуальных проблем со стороны академических и учебных заведений [2].

К. Г. Юнг распознал образные и мифические аспекты секса и что секс — это деятельность воображения, самовыражения души. Следует отдать ему должное за то, что он увидел сущность секса, а именно то, что сексуальность — это речь души. Томас Мур заметил, что, если секс рассматривается как аспект души, на первый план выходит целый ряд возможностей.

В нашей культуре усиливается необходимость решения растущего спектра сексуальных проблем и дисфункции. Фармацевтических и

медицинских вмешательств во многих сложных случаях недостаточно, а сексуальные проблемы распространяются все шире. Сексуальные трудности и патологии часто отодвигаются в культурную Тень, преследуются социальными или моральными суждениями и интерпретациями. Глубинным психологам стоило бы вступить в защиту Эроса. Хотя у этой области психологии есть соответствующие идеи и знание сексуальности, столкнувшись с сексуальными проблемами, люди зачастую не обращаются за лечением к юнгианскому аналитику или глубинному психотерапевту. Работники области сексуальных исследований и терапии также не обращаются к юнгианским или глубинным направлениям за поддержкой или для совместной работы. Такое отчуждение проблематично, подходы глубинной психологии могут оказать посильную помощь более широким сферам медицины.

Хотя изучение сексуальности может оказаться трудным, оно необходимо для индивидуации. Сегментированное, беспечное или обесценивающее отношение к сексуальным аспектам не способствует личностному развитию. Кроме того, если аналитические терапевтические отношения не отличаются открытостью или сосредоточенностью на этой критической области индивидуации пациента, лечение не сможет быть полностью успешным. Для развития новых уровней сознания важное значение имеет интеграция эротики. Если в данной области, без того слабо адаптированной коллективно и культурно, не уделяется должное внимание, человек может оказаться уязвимым перед силой бессознательных воздействий и требований сексуальности.

С другой стороны, слово «Эрос» было испорчено отсылкой к плану физических сексуальных актов и даже к самым низшим видам секса. Это слово действительно отвратительно для некоторых людей, что удивительно, так как в классической литературе оно подразумевало высокий духовный и возвышенный вид любви. В греческой литературе Эрос — это не что иное как магнетизм, который удерживает всю вселенную вместе, и человеческая любовь во множестве форм является участником в этом величайшем Эросе.

В некоторых культурах считается, что для занятия сексом с человеком нужно знать его на глубоком уровне, и занятие сексом впервые — это познание жизни совершенно новым и преобразующим способом. Секс является своего рода Гнозисом или Святым Знанием, где мы узнаем человека более чем определенным образом. Секс раскрывает многое, что пребывает в бессознательном, и с таким раскрытием на физическом уровне отражается сбрасывание защитной оболочки с самой души.

Секс дает нам связь с глубинной природой и корнями. Таким образом, он раскрывает источник, из которого происходят наши жизни.

В заключении хотелось бы привести цитату Томаса Мура из книги «Душа секса»:

«Занятие любовью — это ритуал, подобный всем другим религиозным ритуалам мира, пытающийся достичь присутствия духа, который делает человеческую активность магически эффективной. Как и все ритуалы, секс требует искусства, внимания к деталям и постоянного воображения. Он призывает к своего рода смирению, присущему религиозному ритуалу, где практик не вынуждает, но просит присутствия Бога или Духа» [1, стр.18].

Список литературы

1. Мур Т. Душа секса. Культивирование жизни как акт любви / пер. с англ. – Гнозис, 2019.
2. Сантана Э. Юнг и секс. Переосмысление сексуальной терапии / пер. Феева Н. – Касталия, 2022.
3. Фрейд З., Юнг К. Опасные желания. Что движет человеком. / пер. с нем. - М.: Родина, 2020.
4. Хиллман Дж. Анима / пер. с англ. – Касталия, 2019.
5. Хиллман Дж. Сенекс и Пауэр / пер. Кирюшина Н. – Касталия, 2023.
6. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / пер. В.К. Поликарпова – Мн.: ООО «Харвест», 2003.
7. Юнг К.Г. Красная книга. / пер. с нем. – Касталия, 2016.
8. Юнг К.Г. Символы Трансформации / пер. с англ. В. Зеленского. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2019.
9. Якоби М. Стыд и истоки самоуважения / пер. с англ. Хегай Л.А. – М.: ИОИ, 2016.

Константинова Елизавета Алексеевна

*Аналитический психолог
Ассоциированный член ААП, участник ГПР ААПР
Член Балинтовской Ассоциации России
ментор в Менторской программе
Ассоциации выпускников СПбГУ
г. Санкт-Петербург*

Синхронистичность в аналитическом процессе — дерево смысла

Аннотация

Иногда в процессе анализа возникает ощущение волшебства, которое творится прямо здесь и сейчас. Именно оно свидетельствует о синхронии, которая может придать значительный прогресс терапевтическому процессу. Когда удачно подобранная супервизором метафора аналитической работы вдруг сама собой разворачивается в реальном событии жизни клиента и в нарративе на сессии, дух захватывает от осознания, как слаженно работает механизм анализа. После первого чувственного проживания синхронии хочется заглянуть в суть, рассмотреть сам механизм и, возможно, найти подсказки.

В этом эпизоде практики удалось прочувствовать движение от индивидуального уровня в глубину коллективного и обратно. Когда супервизия становится пламенем, подогревающим реторту терапевтических отношений, а взаимодействие в области бессознательного обретает силу, прорываясь наружу инсайтом, единство индивидуального и коллективного становится видимым.

Представляется весьма интересным проанализировать случаи синхронистичности в аналитическом процессе. Подумать, как именно мы их идентифицируем и отличаем от смысловых совпадений, что помогает интерпретировать эти события.

Ключевые слова

К. Г. Юнг, синхронистичность, аналитический процесс, синхронистическое событие, смысловое совпадение, смысл, акаузальность, когнитивное искажение, супервизия, бессознательное, символ.

Обучаясь на Базовом курсе по аналитической психологии, постепенно убеждалась в том, что самые легко интуитивно понятные феномены взаимодействия индивидуального и коллективного становятся самыми сложными для научного описания. Тем интереснее становится продвижение в познание, в эмпирическом опыте — проживания действия, например, синхронистического события, и попытки осмыслить это действие, применяя теоретические знания.

В данной статье будет рассмотрен конкретный пример синхронистического события и его воздействия на аналитический процесс. Попытаемся проследить динамику, выделить возможные необходимые условия для возникновения акаузального принципа связывания событий и состояний, а также отдельно рассмотрим значение смысла в процессе синхронии. В конце доклада будет предпринята попытка системного описания феномена синхронистичности на основе предложенного В. А. Ганзеном пентабазиса.

Смысловые совпадения случаются с нами в обыденной жизни довольно часто. Например, крутится в голове какая-то песня, может даже раздражает, и человек в сердцах говорит: «Вот привязалась!». Иногда это помогает, песня забывается. Но вечером того же дня эта музыка слышится где-то на улице или в торговом центре, или из проезжающей мимо машины. Есть ли в этом смысл? И стоит ли его искать? С бытовой точки зрения, собственно, зачем это нужно — песня и песня. А если посмотреть на происшествие, как на психологический процесс. Был у человека внутренний диалог, он пел песню, настойчиво повторяя. Как правило, даже не весь текст целиком, а отрывок. Как-то эти слова в память врезались и теперь проигрываются. Отмахнувшись в своем внутреннем пространстве, он неожиданно обнаруживает их во внешней реальности. И первое, что случается — это эмоция, отклик на совпадение. В зависимости от силы эмоции мы либо обратим внимание на него, либо нет, то есть либо внутренняя работа с этим материалом продолжится, либо останется вне поля внимания. Думаю, многие из нас фиксировали подобные совпадения и не считают их чем-то удивительным. Почему же тогда концепция синхронистичности, которую описал К. Г. Юнг, вызывает так много споров и непониманий? Мне кажется, дело в том, что сами по себе синхронистичные события вполне естественны для человека, но их акаузальность не вписывается в строго научную причинно-следственную связь.

Мы уже обратили внимание на естественность синхронистичных событий — мы их просто замечаем, чувствуем, ощущаем. А вот мыслительной функции дается тяжело их объяснение. Однако, именно когнитивная психология описала феномен Баадера-Майнхофа, то есть объяснила, почему в поле нашего внимания один и тот же объект появляется часто. Синхронистичное событие затрагивает все функции психики и воспринимается нами в любом случае, но дальнейшие действия могут быть различными. Давайте попробуем поразмышлять о действии

синхронистических событий в аналитическом процессе. Перефразируя Владимира Маяковского: «Если они случаются, значит это кому-нибудь нужно».

«Юнг ввел понятие синхроничности в 1930 году, в речи, посвященной памяти своего друга Ричарда Вильгельма, сиолога и переводчика многих древних китайских текстов. Однако первый набросок концепции синхроничности появился в 1949 в предисловии к «Книге перемен» (И-Цзин), переведенной Вильгельмом. В течении почти тридцати следующих лет К. Г. Юнг лишь смутно упоминал в своих работах о синхроничности. Эта концепция долго созревала» — пишет Жан Шинода Болен в своей книге «Психология и Дао».

К. Г. Юнг так определили понятие:

«...я использую общую концепцию синхронистичности в особом смысле совпадения во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одно и то же или сходное значение» [16].

Далее в своей статье он выделил три типа смысловых совпадений:

- Внутреннее состояние субъекта и внутреннее состояние другого человека (например, я думаю о каком-то человеке и через некоторое время он звонит);
- Внутреннее состояние субъекта и внешнее событие (например, вещие сны, необоснованные предчувствия, знание того, что знать заранее невозможно);
- Внешнее событие и другое внешнее событие (например, в статье Юнга описано совпадение появления стаи птиц на крыше дома женщины и смерти супруга этой женщины).

Еще один важный теоретический аспект, о котором нам стоит вспомнить перед описанием аналитического случая, это диалектика взаимодействия аналитика и пациента по К. Г. Юнгу (см. рисунок 1).

Глубинная психология отличается от других направлений именно тем, что не игнорирует в терапевтическом процессе отношения, возникающие по оси «бессознательное клиента — бессознательное аналитика». Поэтому мы уделим особое внимание синхронистическому событию, которое связано не просто с отношением аналитика и пациента, но также и с отношениями аналитика и супервизора. И тогда наша схема может выглядеть сложнее, как система зеркал. А само синхронистическое событие — как прорастающее в этой системе, причем корни его находятся в коллективном бессознательном.

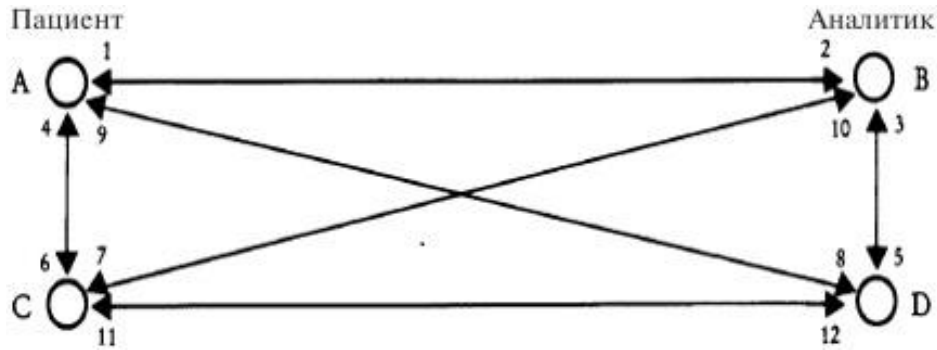

Рисунок 1. Диалектика взаимодействия аналитика и пациента

На данном рисунке:

Ось 1–2 – внешние (формальные) отношения пациента и аналитика (рамки, соглашения, вербальное сознательное общение);

Ось 4–6 – ось психотерапии (диалог между сознанием и бессознательным пациента);

Ось 3–5 – связь аналитика со своим бессознательным (эмоциональный отклик аналитика на материал пациента);

Ось 7–10 – совокупностью реакций пациента, связанных с переносом;

Ось 8–9 – совокупностью реакций аналитика, связанных с контрпереносом;

Ось 11–12 – подлинная ось исцеления и психической трансформации (обмен энергией между бессознательными частями психики пациента и аналитика).

В начале 2022 года ко мне обратилась пациентка, назовем ее Яна, 39 лет. Она дала разрешение на публикацию случая. Изначальный запрос был связан с завершением длительных отношений с женатым мужчиной, от которого у Яны есть ребенок. Позже запрос трансформировался и привел к истинным поискам себя в отношениях с собой и миром. Сеттинг — раз в неделю, онлайн. Синхронистичное событие произошло на 62 сессии, спустя полтора года анализа.

Перед этим случай выносился на супервизию, где была получена обратная связь о достаточно хорошей динамике с точным указанием супервизора на практически отсутствующий в нарративе клиентки период жизни. Была предложена гипотеза, что именно он и содержит важную информацию и вытесненные чувства, переработка которых позволит продвинуться ей на пути индивидуации. Супервизор использовал метафору, сравнив этот процесс с извлечением очень глубокой занозы, что болезненно, неприятно и мучительно, но необходимо для выздоровления. Каково же было мое удивление, когда на последующей сессии Яна описала чувство

самосострадания, за которым стоит боль от очень глубокой занозы. Таким образом, символ проявился в поле терапии на чувственном уровне.

Еще через неделю Яна описала свои мучения в борьбе с реальной занозой, которая уже две недели была в пальце правой руки, то есть присутствовала и на прошлой сессии материально в теле пациентки — синхрония на уровне соматического симптома. «Заноза была глубоко, иголкой не достать, больно. Я решила поискать народные способы. В итоге, подруга предложила распарить ладонь. И заноза вышла». Яна радовалась физическому освобождению от доставлявшего боль инородного предмета в ее теле. Она сделала вывод о том, что процесс прошел, как ей комфортно. И это было четким и простым посланием к тому, что происходило в аналитическом процессе. Путь каждого клиента уникален и даже если аналитику кажется, что он знает, как лучше, он не знает.

Интересен сам символ занозы. В моей практике он встретился впервые. Особое значение имеет связь символа и психологический тип пациентки — чувствующе-ощущающий. Особенно в свете последовательности проявления символа сначала на метафорическом чувственном уровне, а затем в реальном телесном переживании. Таким образом синхрония буквально объединила психику и тело.

Заноза в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля определяется так: *«мелкий осколком дерева или иного твердого вещества, воткнувшийся в живое тело»* [5]. Определение невольно отсылает к алхимическому процессу, в котором обязателен распад вещества, а мы помним, что глубокие занозы вызывают воспаление тканей вокруг, вплоть до образования гнойников. Не менее интересно второе определение из того же словаря: *«притыка, которою запирают воловьёю шею в ярмо»* [5]. То есть некая скрепа, скоба, которая сковывает движение животного, как и реальная заноза уменьшает подвижность руки, вызывая острую боль. Последние два варианта определения относятся к определению человека, как сутяги, задиры, человека, от которого нелегко отвязаться. Или же диаметрально противоположное — зазноба, любовь, страсть. Оба значения напрямую выражают напряжение, связанное с основным запросом Яны — завершить отношения с женатым мужчиной. «Заноза в сердце» — как любовь и страсть, и как человек, от которого нелегко отвязаться. Причем в контрпереносе ощущалось это возведенное в степень напряжение обоих партнеров и боль вокруг воспалившейся чувственной занозы.

Надо отметить, что символ занозы редко встречается в сказках и мифах. В поисках материала мне попадались в основном современные произведения, где просто упоминался бытовой момент избавления от занозы (например, в одной из книг о Незнайке) или же Заноза становилось именем нарицательным во втором или третьем значении. Но одна легенда привлекла мое внимание.

Легенда об Андрокле и льве, рассказанная Авл Геллием и Элианом гласит:

«Андрокл бежал от тирании своего господина, римского проконсула в Африке, в Ливийскую пустыню, где встретил хромящего льва, у которого вынул из лапы занозу. В благодарность за это лев сделался верен ему, как собака, и в продолжение трех лет делился с ним своей добычей. Затем Андрокл был пойман и привезен в Рим; та же участь постигла льва; обоим предстояло сразиться на арене римского цирка, но, ко всеобщему изумлению, лев вместо того, чтобы броситься на Андрокла, ласкаясь, лег к его ногам. Пораженный этим странным зрелищем, император (Калигула или Клавдий) подарил невольнику свободу, а вместе с нею и льва» [цит. по 2].

Легенда повествует о том, как человек помог зверю, тем самым приручив его. В другом источнике имеется уточнение, что *«Андрокл водил его по городу и таким образом собирал подаяние»* [6]. Если посмотреть на этот сюжет с символической точки зрения, то какой могла бы быть интерпретация в связи с описанным кейсом и проявлением символа занозы?

В данном случае занозу можно рассматривать как инородный элемент, проникнувший в тело льва. Акт проникновения так или иначе наталкивает на ассоциации с сексуальным аспектом. А символ льва представляется весьма ценным и богатым на значения, который отражает динамику аналитического процесса.

Барбара Ханна в лекциях по символизму животных говорит о взаимодействии со львом так: *«Льва покоряют, больше не убивая, и он становится хранителем и защитником, и в этой истории оба становятся верными друзьями. Но мы не должны считать, что сюжет победы надо львом в сегодняшнее время исчерпал себя. Он актуален, как и был всегда. Но более развитые индивидуальности должны идти еще дальше, решая эту задачу, и не просто подчинить и покорить льва, иными словами, эмоции, но соединиться и взаимодействовать с ними»* [14]. В книге рассматривается одна из сказок Братьев Гримм, но смысл мирного взаимодействия со львом оказывается универсален.

Из приведенной цитаты мы видим первый аспект символа льва — эмоции, с которыми предстоит совладать в процессе индивидуации. В реальном терапевтическом процессе пациентка прошла долгий путь, как экстравертный чувствующий тип, подавляя свои негативные мысли, иногда просто захлебывалась в собственных чувствах, переполнявших ее. Или же, начав мыслить, не могла остановиться, что также порождало чувственный хаос, высвобождая одновременно агрессию и беспомощность, которые порой просто боролись в контрпереносе. Однако, примерно за год удалось усмирить льва и войти с ним в контакт. *«Важное здесь — хорошие взаимоотношения между львом и героем, которого теперь ведет инстинкт вместо простодушия или невроза»,* — пишет Барбара Ханна [14].

Мы уже подошли к наиболее важному значению льва в рассматриваемом случае. Лев — символ побуждения, желания и страсти. А заноза — как проникающий в него чужеродный объект. Именно синхронистическое событие послужило движению к обсуждению вопросов сексуальности. В анамнезе пациентки имелось и сексуальное насилие, и адюльтеры, и промискуитет, и как финал — многолетние любовные отношения с женатым мужчиной, которые, однако, не удовлетворяли ее ни в сексуальном, ни в чувственном плане. И так мы стали медленно доставать занозу из лапы льва.

Теперь давайте обратимся к фигуре самого Андрокла. Из множества интерпретаций в данном случае я выберу одну — Андрокл вынул из лапы занозу, тем самым став для льва целителем. Что отсылает нас к архетипу раненого целителя. Обсуждать его отдельно в рамках данной статьи не представляется возможным. Обращу внимание лишь на то, что клиентка, имея высшее психологическое образование и переподготовку по одному из направлений, вела частную практику. На одной из сессий она впрямую задала мне вопрос о наличии в моем внутреннем пространстве раненого целителя, так как сильно идеализировала образ терапевта. Обнаружив эту часть, как необходимую для профессиональной идентификации, она смогла преодолеть стыд и принять ее в себе. Именно после этого сначала произошло синхронистическое событие, а затем продвижение к теме сексуальности. То есть сначала в терапевтическом процессе был найден Андрокл, способный вылечить льва, затем обнаружилось ядро проблемы и его местонахождение. Мне кажется не случайным то совпадение, что и сам лев символизирует возрождение и исцеление. А с исцеленным львом можно двинуться дальше по пути индивидуации, находя энергию с его помощью.

Мы достаточно подробно остановились на символизме, проявившемся благодаря синхронии. Не даром был проявлен архетип раненого целителя, так как именно он обращает внимание на еще один весьма важный момент — свидетелем синхронии является аналитик, но символы продуцировали супервизор и анализант. Роль аналитика — именно в переживании синхронистичности и поиске смысла. И тогда супервизию можно рассмотреть не только, как отражение аналитических отношений, но и как погружение на уровень коллективного бессознательного, где появляется возможность интуитивного считывания информации в поле констелляции архетипа раненого целителя.

Возвращаясь к взаимодействию между пациентом и аналитиком, схематически описанному К. Г. Юнгом, мы можем себе представить действие супервизии, как систему зеркал, многократно отражающих процесс (см. рисунок 2). При этом отражение не нарушает и не разрушает имеющуюся картину, а лишь приумножает ее или углубляет.

Таким образом, сохраняя целостность терапевтической реторты, супервизия запускает алхимический процесс, выступая лишь катализатором, подогревая саму реторту. Следуя за Дэвидом Седжвиком, удивляюсь этому

бессловесному, но согласованному процессу, в котором «...рамки причины и следствия, даже такие понятия как проективная идентификация, не способны полностью описать взаимодействие на уровне переноса и контрпереноса» [10].

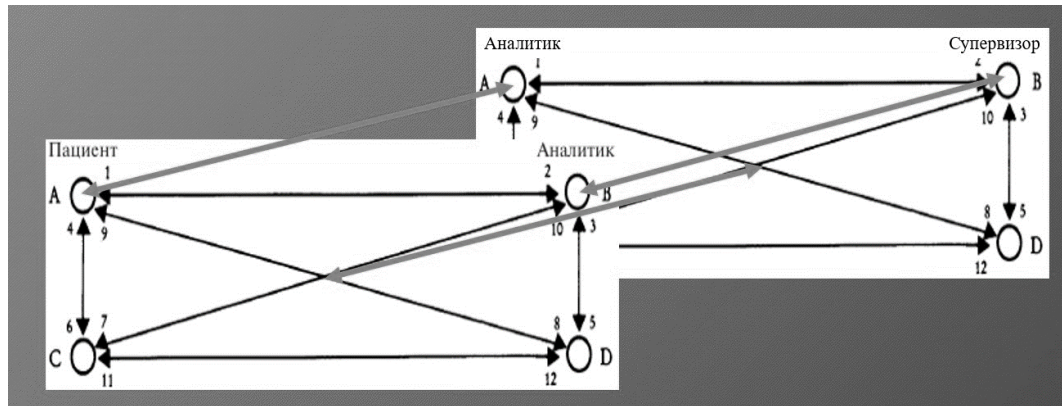

Рисунок 2. Диалектика взаимодействия аналитика и пациента, аналитика и супервизора

Однако, разбирая значение символов и их проявление в аналитическом процессе, мы могли заметить, что тем самым, почти магическим элементом является смысл, который пронизывает взаимодействия «супервизор — аналитик» и «аналитик — анализант». «Два китайских мудреца, царь Вен и князь Чу, в двенадцатом веке до нашей эры, взяв за основу гипотезу о единстве природы, попытались объяснить одновременность протекания психического состояния и физического процесса, как эквивалентность смысла», — пишет К. Г. Юнг в статье «Синхронистичность: акаузальный, связующий принцип». Там же он определяет смысл через понятие Дао, приводя цитату из Лао-цзы:

«Есть нечто бесформенное, но совершенное, Существовавшее прежде, чем возникли небо и земля.

Так неподвижно! Так бессодержательно! Ни от чего не зависит и неизменно. Всепроницающе и непоколебимо. Возникает мысль, что оно — это мать всех вещей, что существуют под небом. Я не знаю его названия, но называю его «Смыслом» [17].

«Смысл» занимал многие великие умы на протяжении истории человечества. Хотя все мы интуитивно улавливаем значение, существует не одно его определение. Тема сложная, философская, но тем важнее нам выделить некоторые общие места для понимания того, как ими можно оперировать в рамках психологической науки. В 2006 году при защите диплома в СПбГУ я обратилась к исследованию психологии смысла, как одной

из вспомогательных тем. Сегодня приведу краткую выжимку для того, чтобы наглядно показать действие смысла в аналитическом процессе.

Описывая главные составляющие смысла, как феномена, на основе проведенного контент-анализа нескольких источников, позволю себе опустить многочисленные цитаты, сформулировав лишь выводы исследования:

1. Смысл — это содержание психики;
2. Смысл — это всегда смысл «чего-то», он всегда определяет сущность;
3. Смысл схватывается симультанно, он не складывается по частям;
4. Смысл процессуален. Это положение имеет два аспекта: с одной стороны, воплощение смысла в значениях — это процесс. С другой, существование смысла в сознании тоже не статично, он изменяется во времени и пространстве;
5. Свойство смысла — всеобщность.

Если представить себе синхронистическое событие в виде дерева, пронизывающего различные слои психики, то его корни попадут в область коллективного бессознательного, а плоды окажутся в области индивидуального сознания, стволом этого дерева представляется смысл, а соками, его питающими — чувства. То есть смысл проявляется в сознании, благодаря чувственному отклику при возникновении синхронистического события. Е. Трубецкой, автор книги «Смысл жизни», так говорит о связи сознания и смысла:

«Сознать именно и значит — осмыслить, то есть отнести сознаваемое к какому-нибудь объективному, общезначимому смыслу» [11].

Таким образом, синхронистическое событие приводит к тому, что смысл, как содержание психики в целом, может проникать из бессознательного на сознательный уровень. Смысл проявляется с помощью символа, который несет в себе архетипическую информацию, становясь конкретным, предметным и определенным. При этом процессуальность смысла будет выражена не только в самом его воплощении в конкретных значениях символа для конкретного аналитического процесса, но и в той трансформации, которую он создает, когда аналитик и пациент уже из новой точки развития отношений возвращаются к ранее проявленному. Всеобщность смысла реализуется, когда в коммуникации становится достаточно простого упоминания о нем, без обсуждения конкретики значений.

Однако, остается важным, что распознавание синхронистического события происходит благодаря чувствам, которые его вызывают — удивление, восхищение, восторг и другие достаточно сильные эмоциональные реакции. К. Г. Юнг пишет, что *«суждение должно в гораздо большей степени опираться на иррациональные функции сознания, то есть на чувства (sens du*

reel) и интуицию (восприятие посредством содержимого подсознания)» [17] именно потому, что мыслительная функция одного человека просто не в состоянии охватить эту целостность. К. Г. Юнг описал поиски «интуитивной» техники, которая не была бы основана на принципе причинности, и провел свой астрологический эксперимент.

Возникает гипотеза, что для того, чтобы синхронистичное событие могло быть воспринято и осознано, необходимо достаточное развитие психических функций — чувств и интуиции. В описанной паре «аналитик–анализант», первый имеет ведущую интуитивную функцию, второй — чувственную, что позволило принять смысл, проявленный синхронией и совершить продвижение в аналитическом процессе. Вопрос о ведущей функции супервизора видится не столь важным, в связи с «зеркальностью» самого процесса супервизии, где аналитик, в прямом и переносном смысле, становится на место клиента и имеет возможность глубоко проработать свои контрпереносные реакции. Однако, стоит отметить, что наличие телесного симптома, напрямую связанного с символом занозы, имело решающее значение в дальнейшем обсуждении. Как и в описанном К. Г. Юнгом случае с появлением хруста за окном его кабинета в момент обсуждения сна пациентки о скарабее, потребовалось физическое проявление символического материала для придания развития аналитической ситуации.

Итак, одним из необходимых условий восприятия синхронистического события является развитие чувствующей и интуитивной психических функций субъекта. Вторым, на мой взгляд, не менее важным фактором служат отношения — отношения с кем-то или к чему-то. В аналитическом процессе это будут непосредственно терапевтические отношения. В приведенном К. Г. Юнгом примере о смерти пациента и осведомленности о ней его жены посредством стаи птиц, севшей на их дом, — это отношения мужа и жены. Жан Шинода Болен также приводит многочисленные примеры смысловых совпадений, связанных с отношениями между людьми. Но есть еще отношение к чему-то, к какому-то образу или идее, которая явно занимает человека и является значимой, как в примере К. Г. Юнга с рыбами, к которому мы еще обратимся. И третьим необходимым условием представляется действие трансцендентной функции, без чего невозможно проявление именно смыслового совпадения. *«Трансцендентная функция реализуется синхронистично всегда, когда возникает сдвиг от желания знать и контролировать к желанию устанавливать отношения и понимать»*, — пишет Джон Биби [цит. по 9].

В сущности, в докладе уже много раз фигурировало действие трансцендентной функции: без нее невозможно проявление символа, она же помогает трансформации внутри реторты отношений «аналитик – анализант», подогреваемой супервизией. И без действия трансцендентной функции не случается синхронистичное событие. Психосоматический симптом некоторые авторы так же интерпретируют, как пример синхронистичности, в

котором психические проблемы становятся физическими. На мой взгляд, феномены трансцендентной функции и синхронии являются настолько же естественными, насколько сложно описываемыми, что подтверждается тем фактом, что оба фигурировали в начальных трудах К. Г. Юнга, но оформились в концепции лишь на пути его собственной индивидуации.

Мы достаточно подробно разобрали описанный пример синхронистичности и ее воздействие на аналитический процесс. Однако, следуя традиции К. Г. Юнга, хочется сразу принять во внимание возможную критику. Давайте рассмотрим другую виньетку: пациентка женщина, сейчас ей 34 года, она дала согласие на публикацию случая. В анализе с апреля 2022 года. Первоначально обратилась по поводу общего состояния тотальной неудовлетворенности жизнью, недовольством всеми текущими отношениями, а также общим депрессивным состоянием. Достаточно быстро в аналитическом процессе появился символ собаки: во снах, в реальных историях про собаку клиентки, о которой она очень заботится. Даже в обсуждении отношений с мамой фигурировали ссоры и разногласия по поводу собак. Во сне это не всегда был реальный пес девушки — ей снились разные породы, разные возраста, в разных обстоятельствах. Как и в ее реальной жизни, в терапии перманентно присутствовал символ собаки. На одной из сессий она спросила, какой породы мои собаки (о их наличии она знала еще до анализа, придя по рекомендации). Я назвала породу. И пациентка задумчиво протянула: «А, тоже пятая породная группа». «Это что-то значит для Вас?», — уточнила я. Оказалось, что это значит достаточно своенравный характер собак и их аборигенное происхождение, а не просто наличие у нас обеих собак. Можно ли считать это синхронистичным событием или простым совпадением? Эмоциональная реакция не была ярко выраженной, только легкое удивление и загадочная улыбка. Значительного продвижения в аналитическом процессе не последовало. Однако, некоторое время спустя, я стала изучать символ собаки. И уже исследовав достаточное количество материала, стала связывать его с течением терапии. Значимым для меня совпадением стало изменение контрпереноса и углубление доверия в отношениях с пациенткой, спустя месяц или чуть более после диалога о породной группе. Можно ли думать, что тогда это было синхронистичное событие, эффектом от которого стало изменение переноса?

Сравнивая две эти виньетки, невольно вспоминается теория когнитивных искажений. Феномен Баадера-Майнхоф или иллюзия частотности — это когнитивное искажение, при котором недавно узнавшая информация, появляющаяся вновь спустя непродолжительный период времени, воспринимается как необычайно часто повторяющаяся. В данном случае в сознании аналитика количество повторений образа собаки может быть больше, чем это было в реальности, что может указывать на избирательность внимания и склонность к подтверждению своей точки зрения

— еще два когнитивных искажения, которые помогают появиться первому. А уже иллюзия частотности подвигла к изучению символа.

Думаю, что тем же способом скептики легко объяснили бы случай из дневника К. Г. Юнга, записанный 1 апреля 1949 года:

«Сегодня пятница. На завтрак у нас рыба. Кто-то в разговоре со мной упомянул об обычае делать из кого-то «апрельскую рыбу». В то же самое утро я занес в свой блокнот надпись, которая гласила: «Est homo totus medius piscis ab imo» (Человек целостный есть рыба, извлеченная из глубины). Днем одна из моих бывших пациенток, которую я не видел уже несколько месяцев, продемонстрировала мне несколько впечатляющих картин с изображениями рыб, которые она нарисовала за то время, что мы не виделись. Вечером мне показали кусок гобелена с изображенными на нем рыбоподобными чудовищами. Утром 2-го апреля другая пациентка, с которой я не виделся уже несколько лет, рассказала мне сон, в котором она стояла на берегу озера и увидела большую рыбу, которая поплыла прямо к ней и выбросилась из воды к ее ногам. В это время я занимался изучением истории символа рыбы. Только одно из упомянутых мною здесь лиц знало об этом» [17].

Тем более, что К. Г. Юнг прямо пишет об изучении символа рыб, то есть они были в поле его внимания постоянно актуализированы, если бы в этой дневниковой записи была бы такая же прямая причинно-следственная связь, как в приведенной виньетке. Здесь очевидна работа акаузального принципа, когда внешние события связаны с внутренним состоянием воспринимающего. В случае же с повторением символа собаки мы можем проследить причинно-следственные связи: появление символа в поле терапии, обращение внимания на него, поиск совпадений, изучение символа. Наверное, лишь эпизод с описанием породной группы собак мог бы претендовать на смысловое совпадение для пациентки, но пока это не было ею выражено.

При подготовке статьи я сама столкнулась с повышенной селективностью внимания в отношении феномена синхронистичности, что может свидетельствовать в пользу сосуществования каузальности и акаузальности. Например, при сборе, обработке информации и непосредственном написании доклада, я была настолько поглощена, что стала замечать малейшие смысловые совпадения. Как-то по дороге домой, слушая музыку в машине, я подумала, что неплохо было бы сейчас послушать конкретную группу, и через пару песен заиграла именно она, при том, что плеер работал в рандомном режиме. В другой раз солнечным утром, обсуждая с ребенком его нежелание взять с собой куртку, не обращаясь к прогнозу погоды, привела аргумент о том, что вечером может быть дождь, когда он будет возвращаться домой. Дождя не случилось, но тучи были весьма грозными. В обыденной жизни ни первое, ни второе событие не остались бы в

моей памяти, если бы фокус внимания не был сосредоточен на феномене синхронистичности.

В конце своего доклада позволю себе предпринять попытку системного описания феномена синхронии. Основанием для него станет системное описание в психологии, предложенное Владимиром Александровичем Ганзеном. Он разработал метод базисов, который в моем сознании напрямую связался с идеями К. Г. Юнга. Он писал:

«Среди базисов можно выделить следующие группы: числовые базисы — натуральный ряд чисел, ряд Фибоначчи; функциональные — набор булевых функций одного и двух аргументов (конъюнкция, дизъюнкция, отрицание); набор функций синуса и косинуса натурального аргумента при разложении периодических функций в ряд Фурье; геометрические — правильные многоугольники и многогранники, — их полные наборы, дерево дихотомической иерархии; физические — множество состояний вещества, множество цветов спектра; системные — набор принципов гармоничного целого; диалектические — диалектические диады и триады» [4].

Базис позволяет убедиться в полноте системного описания, упорядочить его компоненты, получить устойчивую «опору» описания, использовать ее для соотнесения различных описаний одного и того же объекта, обнаружить общность объектов различной природы.

Для универсального описания профессор В. А. Ганзен ввел Пентабазис СПВЭИ, состоящий из четырех рядоположенных понятий (пространство, время, информация, энергия) и одного объединяющего (субстрат). Применяя кодирование положением на плоскости, пентабазис можно представить в виде вербально-графического высказывания (см. рисунок 3).

Универсальное описание В. А. Ганзена в рамках настоящего исследования синхронистичности получило следующую интерпретацию (см. рисунок 4).

Здесь синхронистичность представляет собой субстрат, описываемый с помощью четырех других понятий: архетип, смысл, настоящее (сейчас), теменос. Этот вывод делается на основании работ К. Г. Юнга и личного эмпирического опыта.

«Так мы регулярно обнаруживаем, что содержимое бессознательного совершает неожиданный и, в принципе, нежелательный прорыв, выражая себя в эмоции. Такое содержимое зачастую обладает низшей или примитивной природой, которая выдает его архетипическое происхождение» [17].

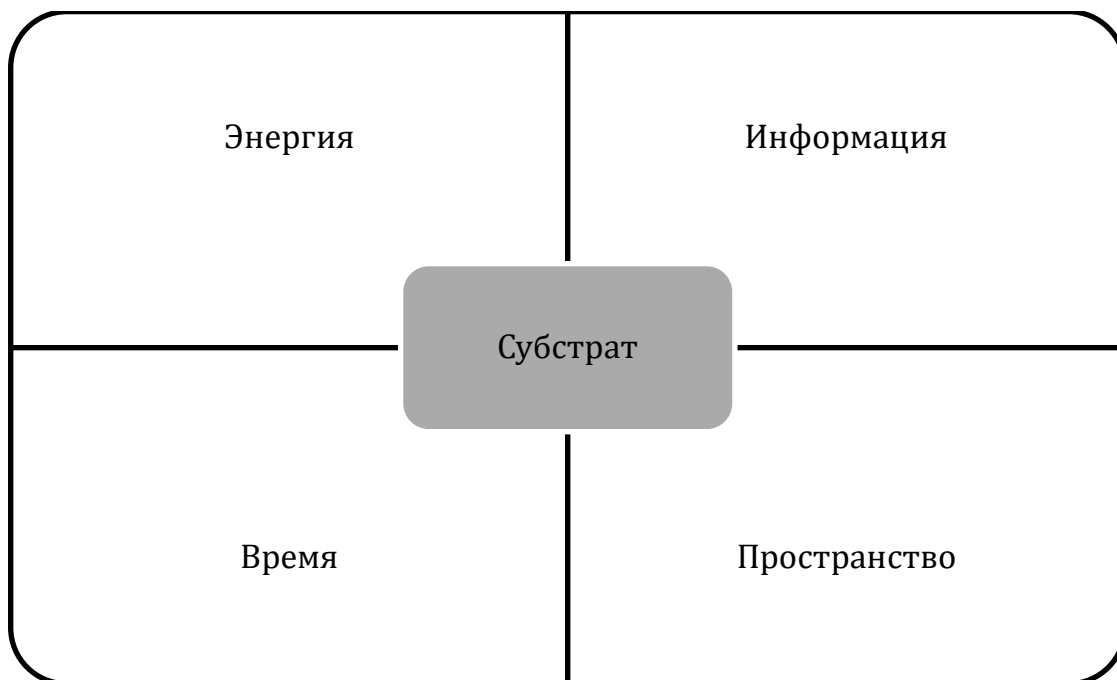

Рисунок 3. Пентабазис В.А. Ганзена

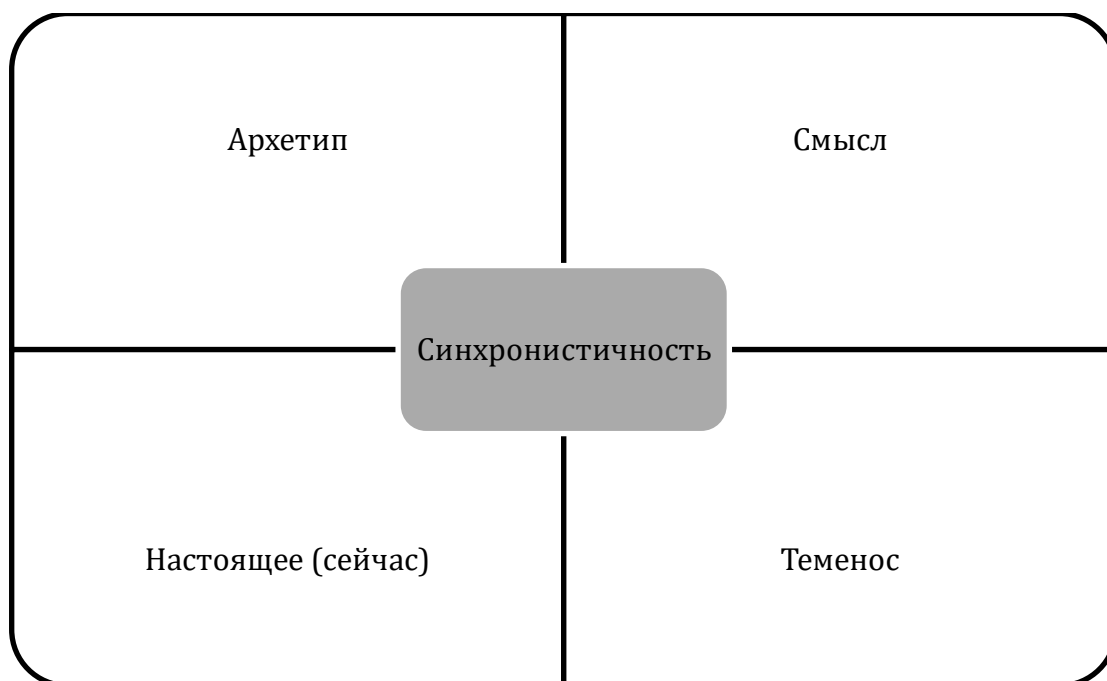

Рисунок 4. Системное описание феномена синхронистичности

Таким образом, энергетической составляющей синхронистического события является констеллированный в бессознательном архетип.

«Я обнаруживал «совпадения», настолько многозначительно связанные, а вероятность их «случайности» выражалась такой астрономической цифрой, что они явно были «смысловыми»» [17]. С

помощью трансцендентной функции смысл, чаще представленный в виде символа, из бессознательного проявляется в сознании субъекта.

«Но поскольку опыт, что при определенных условиях пространство и время могут быть сведены почти что к нулю, то причинность исчезает вместе с ними, поскольку причинность связана с существованием пространства и времени, а также с физическими изменениями, и заключается, в принципе, в последовательности причины и следствия» [17]. Однако, действие синхронистического события всегда воспринимается здесь и сейчас, что приводит к выводу о временном выражении синхронии в настоящем моменте. Говоря о пространстве, мне представляется важным отметить, что гораздо важнее реального физического пространства в случаях синхронистических событий является некое пространство отношений, которое может быть выражено в реальных отношениях с другим человеком или в отношении к чему-то. Первой ассоциацией на подобное пространство, соединяющее внутренний (психический) и внешний (материальный) аспекты был теменос, *«в котором возможна встреча с бессознательным и где составляющие бессознательного могут быть безопасно введены в сознание» [15].*

На этом можно было бы закончить, если бы не развитие случая с Яной, которая через несколько месяцев после описанного синхронистического события приняла решение о прерывании анализа на неопределенный срок в связи с финансовыми трудностями. Неделю спустя после завершающей сессии, как-то утром, проведя онлайн прием по расписанию, я собиралась заняться подготовкой этой статьи. Однако, неожиданно возникший страх и раздражение меня остановили. Не знаю лучшего средства справиться со сложными, а главное — непонятными эмоциями, чем трудотерапия. Решила помыть сантехнику. И вот оказавшись с ершиком в руках, совершая энергичные движения, я вспоминаю сон Яны, который она принесла незадолго до супервизии, описанной в статье.

Сон

Больница. Женщина врач в белом халате. У нее в руках ершик, она стоит и чистит унитаз, он кристально белый. У нее было объяснение, почему она это делает: а кто еще?

Каждый сон клиента, принесенный в терапию, мы можем рассматривать на объективном и субъективном уровне, в том числе как проявление переноса. Обсуждая именно этот сон с клиенткой, мы активно обращались к архетипу раненого целителя. Следующим осознанием было то, что прямо сейчас идет обычное время сессии с Яной. Еще одно смысловое совпадение, которое позволило разобраться в контрпереносных чувствах, я раскрою с помощью цитаты из доклада Марии Клаудии Лоретти (юнгианский аналитик из Италии, психиатр, член АИРА) на XVI Конгрессе IAAP в Барселоне в 2004 году:

«...когда сильное чувство, как непреодолимое послание души, удерживается от выражения во внешнем мире или в воображении, это отражается в теле и возвращается в тело, которое является синхронным, неотъемлемым и значительным звеном между чувством и его выражением» [8]. Таким образом, в описанном случае ряд синхронистических событий позволил совершить важное движение, как в аналитическом процессе, так и в момент его прерывания.

Закончить статью хочу еще одной цитатой Марии Клаудии Лоретти:

«Вступая в поле синхронного события, терапия может модифицировать регрессивные, саморазрушительные механизмы, чтобы построить новый порядок, основанный на восстановлении «смысла» из «бессмысленности», устанавливая таким образом связи между материей и душой» [8].

Список литературы

1. Болен Ж.Ш. «Психология и Дао». Методическое пособие для слушателей курса «Юнгианский анализ». М., 2001 г.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрона И.А. «Энциклопедический словарь». - С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.
3. Волей Э. «Символ собаки в душе человека. Изучение связи человека и собаки» / Перев. с англ. – М.: Сказка и миф, 2023
4. Ганзен В.А. «Системные описания в психологии». - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
5. Даль В. «Толковый словарь живого русского языка». Режим доступа: [<https://slovardalja.net>]
6. Константинова Е.А. «Философия организации как результат деятельности лидера», дипломная работа, СПб, 2006
7. Корш М., «Краткий словарь мифологии и древностей». Санкт-Петербург, издание А. С. Суворина, 1894.
8. Лоретти М.К. «Синхронистичность и рак: модель для понимания и психотерапевтическое поле». Доклад на XVI конгрессе IAAP, Барселона, 2004. Режим доступа: [https://www.maap.pro/biblioteka/stati/loretti_sinhronistichnost_i_rak.html]
9. Миллер Д. «Трансцендентная функция. Юнгианская модель психологического роста путем диалога с бессознательным». М.: Клуб

Касталия, 2017

10. Сэдживик Д. «Раненый целитель. Контрперенос в практике юнгианского анализа». – М.: Добросвет, КДУ, 2021
11. Трубецкой Е. Смысл жизни. – М.: Изд-во «Фолио». 2000г.
12. Фон Франц М.Л., Хиллман Дж. «Лекции по юнговской типологии. Подчиненная функция. Чувствующая функция». М.: Институт Общегуманитарных исследований, - 2020
13. Франц фон М.Л. «Прорицание и синхрония». М.: Азбука, 2009
14. Ханна Б. «Символизм животных». М.: Клуб Касталия, 2016
15. Юнг К.Г. «Психология и алхимия». М.: АСТ, 2008
16. Юнг К.Г. «Синхронистичность»
17. Юнг К.Г. «Синхронистичность – акаузальный связующий принцип»
18. Юнг К.Г. «Трансцендентная функция»

Болычева Наталья Владимировна

Аналитический психолог
Психоаналитик
Культуролог
Действительный член ПСАП
г. Москва

О бедной Персоне замолвите слово

Аннотация

Доклад посвящен феномену Персоны как точке соединения коллективного и индивидуального и ее проявлениям в культуре и жизни, от Нового времени до наших дней. Рождение Персоны, идеализация и обесценивание: от превосходства общественного (персонного) мира над внутренней, личной жизнью до его профанации в современной этике.

Динамика принципов *negotium* (общественный долг) и *otium* (частная жизнь) по отношению к образу Самости и формированию образа человека.

Человек — божественный замысел, человек — социальный проект, человек — собственный вымысел. Образ Самости в культурном поле и индивидуальной психике: от образа Бога, скрепляющего отношения между индивидуумом и социумом, к десакрализации общественного договора. Новые проекции Самости: социум как единственный судия, человек и его нарциссическое всемогущество.

Ключевые слова

Аналитическая психология, К.Г. Юнг, Персона, Самость, коллективное, индивидуальное, частная жизнь, общественный долг, образ Бога, образ человека, индивидуация, проекции Самости в пространстве культуры, зов Самости, динамический принцип индивидуации, *negotium*, *otium*.

«Ибо всякий-то теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из всех его усилий вместо полноты жизни лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение. Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется и, что имеет, прячет и кончает тем, что сам от людей

отталкивается и сам людей от себя отталкивает. Копит уединенно богатство и думает: сколь силен я теперь и сколь обеспечен, а и не знает безумный, что чем более копит, тем более погружается в самоубийственное бессилие. Ибо привык надеяться на себя одного и от целого отделился единицей... Повсеместно ныне ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности. Но непременно будет так, что придет срок и сему страшному уединению, и поймут все разом, как неестественно отделились один от другого».

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

«Если бы люди знали, как вредно для здоровья слушать то, что говорят другие, они никогда бы этого не делали и чувствовали бы себя гораздо лучше».

Ингмар Бергман

Эти две совершенно случайных цитаты принесла мне лента «Вконтакте» в преддверии конференции, и, как мне кажется, они дают достаточное представление о дихотомических отношениях коллективного и индивидуального, с напряжением противоположностей между идеей Сартра, что «ад — это другие», вторгающиеся («другой похищает мое бытие»¹¹), и страхом, что, если не будет этих других, кто же тогда вытащит тебя из твоего ада?

И я бы хотела поговорить о Персоне как о точке нашего соединения с другими, о месте встречи индивидуального и коллективного.

В концепции К. Г. Юнга Персона представлена неким барьером между социумом и подлинной жизнью индивидуума, соглашением и компромиссом, безусловно важным для адаптации защитным механизмом, но не способным выразить в сколько-нибудь полной мере не только подлинную личность с самостной ориентацией, но и даже старое доброе Эго, скрывающее себя за ней, как за маской.

Если представить это несоответствие внешнего внутреннему как некий широкий сосуд с узким горлышком, то Персона и будет тем узким горлом, через которое выходит вовне, в разделяемую нами с другими реальность, некоторое содержание души, готовое проявить себя. Хотя, наверное, правильнее будет использовать образ песочных часов, в которых коллективное пересыпается во внутренний контейнер, наполняет его полностью, чтобы индивидуализированный опыт в свою очередь прошел через это узкое горлышко, обогащая коллективный. Это узкое место и есть то,

¹¹ Цитата из пьесы Сартра Ж-П «За запертой дверью» («Взаперти»)

как эта самая душа реализует себя в конкретный исторический момент, в конкретном социальном окружении, в определенном образе, воплощая определенные интенции. Тем самым Персона есть не только инструмент адаптации, предваряющий индивидуацию, но и сам способ индивидуации. Однако же для К. Г. Юнга Персона была прежде всего фрагментом коллективной психики, «маской, которая инсценирует индивидуальность» [1, с.159.]. Мы говорим о Персоне как об архетипе, и, несомненно, Персона архетипична в смысле универсального мотива приспособления человека к коллективным нормам. Но архетипично ли само закладываемое в феноменологию Персоны различие между нею как маской и истинной жизнью души? Иными словами, универсален ли конфликт между «быть» и «казаться»?

Возникновение частной жизни и рождение Персоны

К. Г. Юнг говорит: «Отсутствие единства с самим собой есть признак цивилизованного человека...» [2, с.24.], подразумевая прежде всего человека своего времени, человека европейской культуры, именно в нем и обнаруживая различие между Персоной и настоящим Я. Хочу, однако, заметить, что само слово «Персона», отсылающее нас к маскам античного театра, уже в те времена употребляется не только в значении ритуальной/театральной маски:

«...Чтобы избежать упрощенчества, нам должно указать и на другие, не менее важные античные значения термина «persona». Это и собственно персонаж, изображаемый актером, а также конкретный человеческий индивидуум с его юридическими правами и обязанностями, жизненной ролью и характером, и даже личность человека, понимаемая как его индивидуальность и рассматриваемая в противовес вещам и действиям. Наконец, термин «persona» мог служить и для персонификации абстрактных понятий и обозначать грамматическое понятие лица» [3, с.291].

И это содержание обусловило в дальнейшем использование термина persona в латинской догматике для подчеркивания личностного характера ипостасей Троицы, а также послужило причиной тому, что в длинном ряде европейских языков persona стала корнем для слова «личность» (индивидуум, человек).

Что же до юнгианского взгляда на отношения Персоны и настоящего Я, то сама почва для их разделения как значимой культурной тенденции появляется только в XVIII веке, вместе с разделением публичной и приватной сфер и изобретением частной жизни как культурного явления.

Конечно, говоря об отношениях индивидуального и коллективного, о частном и публичном пространстве, физическом или символическом, мы не можем сказать, что этого различия прежде вовсе не было. Та же античность знает разницу между частным и публичным. Однако нельзя не отметить, что в

греческом полисе частное лицо, индивид, живущий частной жизнью и не вовлеченный активно в жизнь общественную — это *idiōtēs*, не вполне полноценный человек. Что касается Рима, то аналогичным образом пространство истинного человеческого бытия — это прежде всего общественное пространство. И, все же, появляется сама возможность для частного общения и уединенных занятий; в домах патрициев размещают кабинеты и библиотеки. Здесь уже закладывается пара полярностей, которую впоследствии будет осмыслять и культура христианская: *negotium* — *otium*. *Negotium* — общественный долг, дело, осуществляемое в публичном поле; *otium* — досуг, частное занятие, все, что не общественный долг. Так, например, занятие науками, писательство, философия, рефлексия как таковая — это *otium*; для Цицерона — утешение в отсутствие настоящего дела. Условный Овидий предается сочинительству как *otium* в то время, как реальные его дела разряда *negotium* низки, он живет на краю Ойкумены, «в глухой провинции у моря»¹², рядом с грубыми людьми с их грубыми занятиями. Он ущемлен в общественном, потому и волен в частном. Впрочем, значение уединения как некоего особого труда и даже руководящего созерцательного принципа рассматривается уже и эпикурейцами, и стоиками, и неоплатониками, а в дальнейшем — в христианской патристике. Августин так и вовсе уравнивает активную деятельность в обществе и жизнь, посвященную созерцанию и поиску истины. Появляется понятие *otium sanctum* — монашество, священный досуг — важный и для личного спасения, и для общества, поскольку монах, ученый он или философ, все равно молится за всех. Частное здесь становится общим, уединение — общественным долгом.

Но, по существу, христианская культура Средневековья не знает частного и публичного. Будучи, по сути, культурой традиционной, она мыслит себя как иерархический собор, космос с Богом во главе, где каждый находится на своем месте, соответствует ему, такой, какой он есть, и каждый видим, как он есть, и Богом, и людьми. Пространство частного и общественного едино, это одно и то же. Средневековое жилище очень долго не имеет деления на зоны, это единое пространство, и даже там, где они есть, скажем, в замке или дворце, интимная, личная жизнь не скрыта (так же, как не скрывается жизнь «телесного низа»¹³: сексуальные отношения или естественные отправления).

Возрождение создает некое разделение между публичной семейной жизнью в городском доме, включенной в жизнь целого города, и уединенной жизнью на вилле, в окружении природы. На такой вилле Петрарка и пишет трактат «Об уединенной жизни»¹⁴, в котором превозносит *otium* как созерцательное и плодотворное одиночество в лесах и библиотеках в сравнении с активной деятельностью в обществе, которую считает изматывающей суетой.

¹² Бродский И.А. «Письма римскому другу».

¹³ Бахтин М. «Франсуа Рабле. Народная культура Средневековья и Ренессанса».

¹⁴ Петрарка «Об уединенной жизни» («De vita solitaria»).

И, все же, выделение категории частного происходит в полной мере только в XVIII веке в культуре Нового времени. Оно несет в себе некий парадокс: то, что со временем становится артикулируемым как достижение, имеет источником как раз лишение, вытеснение, ограничение. Ведь пространство частного образуется по мере очерчивания границы публичного, происходящего в абсолютистском государстве. Это легко проследить на примере Франции, где Людовик XIV, заявивший «Государство — это я», ограничивает сферу публичного пространства с собой в его центре, создавая Версаль, за пределами которого остаются все, кто не принадлежит ко двору. Создание частного пространства, то есть пространства изначально не значимого, оставленного тем, кто не важен для государя и государства, было попыткой придать ценность этой серой зоне, разместить в ней интересы разных людей и научить их по-новому взаимодействовать и общаться, черпая вдохновение в образах поздней античности. Таковы салоны и гостиные, кабинеты и библиотеки того времени; то, что Толстой в XIX веке уже рисует воплощением лицемерия в салоне Шерер, мыслилось изначально как пространство свободного самовыражения. Правда, эта свобода строго регламентировалась в многочисленных трактатах о том, как следует себя вести и каким образом вести беседы на разные темы с разными собеседниками. По большому счету это и было созданием пространства Маски, во многом театрализованное и искусственное, по сравнению с реальностью государственной или профессиональной и семейной жизни, но, тем не менее, важна сама тенденция, линия разделения на общественную и частную жизнь.

Отметим, что это разделение сразу же принесло с собой и гендерную дифференциацию. Так, это условно частное пространство за пределами двора во многом связано с активностью именно женских фигур, которым за редким исключением невозможно было проявиться в мире публичном, государственном, но можно вести и даже модерировать философские беседы в светских гостиных.

Появляется разделение пространства дома, а, значит, и дома символического, и пространства души, на внешнее и внутреннее, парадное и приватное. Если Возрождение уже начинает закрывать от взгляда посетителя хозяйственную часть дома, где живут слуги, как некую грязную изнанку, телесный низ, то теперь с изнанки оказывается пространство, куда входят только члены семьи. С семьей начинает связываться природная, естественная жизнь человека, в противовес его культурному образу снаружи, в мире, который обусловлен теперь не только общественным долгом, но и системой сложных и все более театральных, постановочных отношений с другими. Так частное начинает переживаться как пространство свободы, где ты волен сам, как в скрытой в глубине дома комнате. Но, с другой стороны, эта скрытая комната всегда гораздо беднее парадного пространства. Все же, неравенство этих сфер дарует безусловное превосходство внешнему, публичному миру, где должно человеку, прежде всего мужчине, проявить себя, делать свое дело,

negotium, а внутренняя, скрытая от общества, домашняя жизнь, хоть и становится областью свободы, но маркируется, как область слабости, инфантильности. Это мир детский, женский и материнский, но также и «низовой» — ведь теперь жизнь семьи скрывается за фасадом, как жизнь слуг. Само «внутреннее» воспринимается как детское, еще не вышедшее из утробы, пелен, колыбели, где оно скрывается от житейских бурь, или женское, то, что должно беречь в силу природной слабости.

И, в то же время, пафос просветителей, наследующих творцам Возрождения, посвящен так называемому «естественному человеку», который мыслится прекрасным по своей природе, и которого следует только очистить от пагубного воздействия общественной среды и религиозных догм и правильно воспитать. Коллективное предстает опасным и вредным, а индивидуальное — бесценным даром. Буржуа, частный человек без исторических корней, становится надеждой Нового времени.

Так отношения частного и общего оказываются чрезвычайно заряженными, исполненными архетипических противоположностей; они качаются на качелях неравенства. Но было ли по-другому вообще?

В традиционной культуре, как в своего рода архетипическом ядре культурного бессознательного любого общества, публичное и личное не дихотомичны, и между ними почти отсутствует разница. Поведение человека внутри и снаружи соответствует некоему канону, независимо от того, видим ли он или не видим другими. Конечно, его поведение избирательно и регламентировано в зависимости от ситуации, то есть оно разное, но оно таково в силу признания некоего канона. Благополучно дожившая до нашей с вами современности обывательская, даже крестьянская максима, «чтоб как у людей», подразумевает именно канон настоящего, правильного человеческого образа и поведения.

Для нашего слуха она звучит как сугубо «персонная». Мы уже не слышим в ней сути, о которой говорил Мирча Элиаде, описывая мир человека религиозного, человека традиции, человека архаического. Этот человек повторяет свои действия по образцу «настоящих людей», богов, творящих мир, и обретает смысл бытия, соединяя свое актуальное и обыденное существование со священным каноном, с образом Самости, и вместе с тем подчиняясь требованиям социума в том, каким ему следует быть.

Вырастая, ребенок, будь то девушка или юноша, выходит из внутреннего (подразумеваемого как внутреннее), детского и материнского, природного пространства — в культурное пространство Отца и его закона, того самого канона, в соответствии с которым становятся настоящими людьми.

Это происходит посредством ритуала, на выходе из которого человек и обретает идентичность, то, как он воспринимает себя сам, как его видят другие. Мы могли бы сказать, опять же, что это выглядит как обретение Персоны, коль скоро на каждом значимом отрезке жизни человек вновь

претерпевает подобную трансформацию, и как будто бы просто переходит от одной роли к другой. Но это отнюдь не подобно смене одежды и даже болезненному снятию приросшей маски. Проживание символической смерти в ритуалах перехода, во всем ее ужасе, ведет к новому рождению, переживаемому психологически как деинтеграция и реинтеграция психической целостности, а не к смене маски. Было бы, наверное, правильное говорить, что люди традиционной культуры в принципе не знали конфликта между Персоной и Эго, и о самом наличии зазора между ними. Мое внешнее, «персонное» — социальный статус во всех его смыслах, включая даже одежду, прическу, знаки на коже и многое другое — это не внешнее, это то, что стало моими атрибутами по праву, в результате трансформации и нового рождения. Поэтому они тоже часть моей сущности, это и есть Я.

Общая культурно-историческая динамика Нового времени, и далее, вплоть до нашей с вами современности, создает это кажущееся нам сейчас естественным расщепление между «быть» и «казаться», относительной правдой существования в социуме и подлинной жизнью души. Собственно, сама юнгианская психология и выросла из постулата о несоизмеримом превосходстве бессознательного над мнимым и очень ограниченным господством сознания, то есть природы над культурой и внутреннего над внешним. То, что веками представлялось достижением, преодолением природы и ценой звания человека, в принципе ставится под вопрос. Ведь теперь обретение социального статуса, продвижение по службе, армия, брак и т. д. могут представляться не достижениями личности, связанными с внутренним процессом, как в прежние времена, а объясняться неспособностью отделиться от коллективных ценностей, даже собственно бессознательностью, идентификацией с Персоной как имитацией индивидуальности. То же, что считалось инфантильным и нуждающимся в преодолении, становится значимым, обращающим на себя внимание, сущностным.

Так внешнее и внутреннее меняются местами, и они снова неравны.

***Самость: имманентная,
трансцендентная, индивидуальная и коллективная***

И здесь бы я хотела поговорить о Самости, согласовывающей эти противоположности.

Зов Самости. Продолжим семантический ряд: Призвание. Призыв. Повестка. Военная повинность. Повинность вообще. То есть нечто уже противоположное, как кажется, зову Самости, «голосу глубин», с точки зрения К. Г. Юнга: *«Место внутреннего голоса заступает голос социальной группы и ее конвенций, а место предназначения — коллективные потребности»* [1, с. 384].

Но герой сказки, мифического сюжета, как правило, не испытывает никаких озарений и порывов куда-то двигаться и что-то совершать. Ни Иван-

дурак, ни Одиссей, хотя и обладают несомненной охотой к интроспекции, рефлексии и медитации, откуда бы мог воззвать к ним голос Самости, подвижны не внутренним порывом, а самым что ни на есть внешним. Они именно вынуждаемы на подвиги или похождения. Конечно, мы предполагаем, что история разворачивается внутри символического пространства, внутри психического, однако само это предположение не продиктовано ли уже нашей склонностью располагать все значимое внутри, а не снаружи? Все же сказочная история прежде всего про то, что случается в мире людей и между ними, это своего рода путеводитель. И зов Самости в мифе и сказке — всегда внешний и почти всегда фрустрирующий. Одиссей не хочет идти на войну за чужую жену и коллективные ценности греков, Иван-дурак вообще ничего не хочет. Они вынуждены к действию вопреки своему желанию. Собственно, и инициация как таковая никогда не происходит по желанию субъекта инициации, а исключительно посредством воли других, старших, знающих закон, воплощающих принцип Самости.

Самость поджидает, понуждает и ведет их — снаружи. Как коллективный процесс, как отцовская воля, как закон. Она объединяет и запрос со стороны общества, и то, что спрятано внутри героя, то, что должно раскрыться и сделать его таковым (героем).

Применительно к истории культур и динамике коллективного и индивидуального я бы сказала, что образ Бога скрепляет общественный договор и отношения между индивидуумом, другими и социумом вообще. Это то, что делает дихотомию личного и коллективного если не невозможной, то преодолеваемой, контейнируемой в некоем объединяющем «третьем».

«Для Юнга Самость парадоксальным образом не является чьей-то самостью. Она больше, чем чья-то определенная субъективность, ее сущность лежит за пределами субъективной сферы. Самость создает основание для общности субъекта с миром, со структурами Бытия. В Самости субъект и объект, Эго и другой структурно и энергетически объединены в единое поле» [4, с. 163-164].

Если быть философски честными, мы будем вынуждены признать, что К. Г. Юнг переизобрел христианского Бога, вновь сделав его доступным и свежим концептом для своих образованных, антиклерикально настроенных современников.

Феномен с описанными характеристиками равно располагается как внутри нас, так и снаружи, то есть в коллективном поле, и как центр, и как целое, объединяющее в себе эти противоположности; будучи же не только имманентным, но и трансцендентным по отношению и к индивидуальной, и к коллективной психике, является чем-то большим и отдельным от них.

Можно сказать, что в такой символической системе всегда есть центр координат, не вызывающий сомнений. Это точка, равно удаленная, и равно

принадлежащая, и не принадлежащая и коллективному, и личностному. Безусловно, и отдельные личности, и общества в целом, оказывают воздействие на представление об этом божественном феномене, на его образ, но сама его позиция неизменна.

Человек как божественный замысел, социальный проект и свободный вымысел

И это-то и снимает конфликт между *negotium* и *otium*, поскольку и созерцательное уединение, и социально полезная деятельность равно могут связывать с Самостью, она уравнивает эти качели. Бог — тот третий, благодаря которому диадные отношения между мной и другими, будь они преследующие, как у Сартра, или представляющие счастливое слияние, становятся триадными, создавая возможность как для различения противоположностей, так и для их интеграции. Божественный замысел, лежащий в самом основании человека и человечества как *«совокупного Адама»*, не дает превосходства ни индивидуальному, ни коллективному; каждый важен, и все важны.

Смещение образа Самости с этой центрирующей позиции, создающей нелинейное напряжение между индивидуальным и коллективным, задающей континуум Бог-социум-человек, или Бог-человек-социум, оставляет человека перед коллективом, как перед единственным судьей. Конечно, исчезновение этого Божественного Третьего не происходит мгновенно, и в динамике культур, грубо говоря, от Возрождения к Просвещению и далее к Модерну, позицию Самости начинает занимать образ человека с большой буквы, гуманистический, просвещенный образ, и в целом просвещение, научное знание, которым он обладает. По меткому выражению М. Бахтина¹⁵, вертикаль истории становится горизонталью. Восхождение к божественному сменяется движением человека вперед, к прогрессу, даруемому наукой. Предполагается, что научное знание приходит извне, как свидетельство об истинной природе реальности, которую мы только раскрываем по мере развития науки, и, по существу, классическая научная парадигма — практически полностью аналогична мифологической картине мира, где человек ищет свое соответствие научному образцу, неоспоримому, как некогда образец священный (*«Это, брат, марксизм. От него никуда не денешься. Наука!»*¹⁶). К. Г. Юнг тоже не устает подчеркивать эмпирический характер своих озарений. Впрочем, XX век подвергает сомнению и этот оплот. Критерии верифицируемости научного опыта меняются, и в зону осознания выходит

¹⁵ Бахтин М. Из работы «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса».

¹⁶ Цитата из фильма Н. Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих».

влияние наблюдателя на наблюдаемое, а также и роль научного знания в обслуживании интересов заказчика и, соответственно, некая предзаданность научного познания, его предвзятость и человечность.

Теперь не Бог и даже не «бог из машины», а общество и есть тот единственный коллективный Другой, объект, на который проецируется образ Самости. Человек перестает быть божественным замыслом и становится социальным проектом, тем или иным.

Что поменялось, по большому счету? Ведь если убрать все эти умозрительные, хотя иногда и постигаемые эмпирически категории, ничего, кроме динамики коллективного и индивидуального и жизни людей друг с другом, никогда не было наблюдаемо напрямую. И все же символическое суть человеческое, и Бог, изъятый из общественного договора, это исключенный Третий, без которого исчезает то самое динамическое равновесие и остается жесткая логическая оппозиция — из двух противоположностей всегда верно лишь одно. Так коллективное, с одной стороны, идеализируется, и *negotium* безусловно превосходит *otium*. С другой стороны, идеальное общественное быстро оборачивается тоталитарным или массовым, а великий Другой — великим Чужим, Тенью, которую впоследствии отвергают вместе с образом Самости, уже связанной с социальным порядком. Но Самость не может просто исчезнуть из культурного поля, и человек не может не искать ее. И наконец обретает в себе самом. Тут-то, казалось бы, свершилось то, о чем так долго говорили юнгианцы — и индивидуация, и расставание с коллективными призраками, но... Есть некое «но». Если, по словам К. Г. Юнга, протестант в свое время остался в одиночестве перед Богом, то теперь человек остается в одиночестве перед каким-то невероятным, нарциссически всемогущим, но также соответственно беспомощным и ущербным самим собой.

И здесь я снова вернусь к оставленной мною Персоне.

Именно включенность Бога в общественный договор, образ Самости, ее динамический принцип трансформации регулирует развитие личности, проживание ею кризисных моментов в ритуале, в символическом поле культуры. В такой системе отношения Эго-Персона практически не существуют. Нет в ней, конечно, и той сложности, и разнообразия социальных ролей, которые должен играть современный человек, но нет прежде всего этой разницы «быть-казаться», настоящего-искусственного, коль скоро перемена внешнего статуса всегда связана с внутренним процессом, оформляемым символически. Эго строит связь с Самостью как внутренним центром, но также и с социумом, и миром вообще.

Утрата этой подлинности человеческого образа, ориентированного на священный образец, делает Персону действительно защитным буфером, Маской. Чем сильнее давление коллективного, тем важнее защитная функция Персоны, но тем меньше в ней связи между внутренней потребностью и внешней формой, между социальным запросом и внутренней готовностью к нему.

Когда же коллективное утрачивает свою значимость, обесценивается, атомизируется, теряется и потребность в Персоне как в защитном механизме, но вместе с этим теряется (безусловно, как некоторая исследуемая тенденция) потребность связи посредством Персоны с другими, связи с обществом и реальностью как таковой.

Внутренняя реальность становится более ценной, и символически связанные с ней категории женского, детского, лиминального, находящегося в процессе становления, не имеющего окончательной формы, становятся важнее мужского, социального, оформленного, имеющего границы и т. д. Как и во времена просветителей, звучит надежда, что наша индивидуальная и групповая проблематика, связанные с коллективным как историческим, патриархальным и т. д., исчезнет, как только мы доверимся природе. Природе психики, природе, связанной с образами Матери и Ребенка, природе как свободе от навязанных культурой ограничений. *Otium*, как сугубо личное дело, звучит в наше время гораздо важнее *negotium* — общественного долга и социальной роли.

Соответственно, то, что представлялось важными аспектами образа человека, то, что мы сегодня называем религиозной, культурной, родовой, гендерной идентичностью, то, что связывает с исторической памятью, с семьей, культурой, государством и т. д. может быть поставлено под вопрос, как социальные конструкты, противные природе, которые должны быть разрушены. Территория Персоны, как место встречи внутреннего и внешнего, утрачивает свою функцию поиска равновесия, обмена, соответствия одного другому. Напротив, Персона, которую мы традиционно связываем с мимикрией и идентификацией с внешним запросом, становится зоной освобождения от коллективного. Значимую нагрузку в этом процессе начинает нести образ тела, представляемого отвоеванным у церкви и государства с их социальными ограничениями, гендерными стереотипами, репродуктивными практиками и самими биологическими границами пола и возраста, ранее описываемыми как научная норма или реальность.

Если Самость уже не проецируется на общественный договор и отношения с коллективным, то только я сам определяю нечто в себе как зов Самости и мудрость психики, и никакие старейшины не могут в этот процесс вмешаться. Но возможно ли опереться на Самость только внутри? Зов Самости, звучащий для сказочного героя как внешнее требование, проверяемый, валидируемый, как некий социальный запрос, призыв или отклик на действие героя, вызывает теперь недоверие. Индивидууму в таком случае можно надеяться только на себя и на свои оценки. В мире субъективных ценностей на плечи субъекта ложится тяжесть, ранее распределяемая иначе, то, что разделялось с другими. Зов Самости, идентификация с Тенью или просто мир нарциссических фантазий, из которых можно не выходить, потому что некому назвать фантазию фантазией, — где тут провести границу?

И где тут место принципу реальности, хотя бы и конвенциональной, коль скоро каждый из нас творец своей?

И где здесь место психолога?

Ведь в определенном смысле психология и в теоретическом, и в терапевтическом аспекте давно претендует на место этого божественного Третьего, способного помочь осуществиться действию трансцендентной функции, стать тем, кто связывает противоположности (и в том числе коллективное и индивидуальное). Но, может и поддерживать раскол. Даже апелляция к принципу реальности в анализе часто звучит сегодня как нечуткое и ретравматизирующее поведение. А укрепление семейных связей, социальных контактов может связываться с нежелательной поддержкой идентификации с Персоной, которая рассматривается утилитарно, как адаптивная функция, но не сущностная категория. Да, мы присоединяемся к психической реальности клиента, идем за его процессом, пестуем его собственные смыслы, но все же остаемся и его связью с реальностью внешней. Кем становится психолог — тем, кто соединяет, или тем, кто помогает разделять?

Конечно, золотой век — всегда или далеко позади, или далеко впереди, как недостижимая и неохватная Самость. Мы не можем сказать, что вот было время счастья и полноты бытия, когда индивидуальное было в согласии с коллективным, нисколько при том не умаляясь. Наоборот, мы обычно полагаем, что возможности индивидуации в это время были крайне ограничены. Возможно, мы ошибаемся в этом, но вряд ли бы сами захотели претерпевать кризисы жизненного цикла в согласии со строгими рамками ритуала и ожиданиями общества. Однако и гуманистические надежды XX века, распростившегося было с великими коллективными процессами, и все поставившего на личность и ее права и свободы, кажутся сегодня наивными. Человек, бывший прежде божественным замыслом, потом — социальным проектом, освобождается из этих тенет и становится свободным и одиноким вымыслом о себе.

К. Г. Юнг сетовал, что христианство не дошло до идеи четверицы, этого символа устойчивого психического равновесия, юнгианского образа Самости, но Бог, что называется, любит Троицу, выводящую из плена дуалистического восприятия. На всем нам известной иконе Андрея Рублева Троица предстает как гармоническое единство фигур ангелов, и, все же, оно центрировано вокруг жертвенной Чаши, а, значит, это единство также и динамическое, трансформационное, задающее мотив испытания и преображения.

Человеческое Я, вынужденное изменяться, умиляться и расти над собой — это точка встречи внешнего и внутреннего, Самости, взывающей из глубин, и коллективного, культурного образа Самости, который мы можем разделить с другими и который объединяет нас с другими. Возвращение к себе, возвращение к корням или поиск себя, поиск корней — эти устойчивые языковые сочетания, которыми обозначают важный психический, душевный

и даже духовный процесс, говоря о равной важности обеих сторон этого процесса, о напряжении трансцендентной функции. И исцеление — это прежде всего обретение целостности, я бы сказала, пересотворение единства, от которого мы удаляемся и к которому возвращаемся всю свою жизнь.

Список литературы

1. Юнг К.Г. «Отношения между Я и бессознательным» / Психология бессознательного / К.Г. Юнг – М.: АСТ-ЛТД, Канон+, 1998;
2. Юнг К.Г. «О психологии бессознательного» / Психология бессознательного / К.Г. Юнг – М.: АСТ-ЛТД, Канон+, 1998;
3. Зинковский М. «Об истоках и современности богословского употребления термина «Персона» // Schole, СХОЛЭ. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-i-sovremennosti-bogoslovskogo-upotrebleniya-termina-persona> (дата обращения: 01.11.2023);
4. Стайн М. «Юнговская карта души: введение в аналитическую психологию» / М. Стайн – М.: Когито-Центр, 2010.

Дидигова Яна Азаматовна

*Аналитический психолог
Танцевально-двигательный психолог
Ведущая практики Аутентичное Движение
Действительный член ПСАП
Член этического комитета ПСАП
Кандидат ААПР/ААР
г. Москва*

Соло, дуэт, трио... ансамбль — танец на пути индивидуации

Аннотация

Заметка посвящена описанию итогов проведенной на конференции мастерской Аутентичного движения.

Ключевые слова

Аутентичное движение, Мэри Старкс Уайтхауз, движущийся, свидетель, коллективное аутентичное движение, двигательная мандала, самость.

*«Символы самости
появляются из глубин тела»
К. Г. Юнг*

Эта заметка написана по следам мастерской Аутентичного Движения, которую я провела осенью 2023 г. на конференции ААП «Индивидуальное и коллективное». Для меня это был ценный, захватывающий и непредсказуемый опыт.

Практика Аутентичного Движения (далее, принятая в России аббревиатура АД) родилась в недрах аналитической психологии и стала, подобно юнгианской песочнице, отдельным направлением, сохранив дух своей прародительницы. У истоков АД стояла Мэри Старкс Уайтхауз (1911–

1979), танцовщица и педагог, закончившая Институт К. Г. Юнга. Уайтхауз вела танцевальные занятия и по мере того, как рос ее интерес к глубинной психологии, выкристаллизовался особый способ движения, который она предлагала участникам — «движение-в-глубине». На пересечении глубокого интереса к юнгианскому анализу и искренней любви к движению возникла эта новая практика — практика АД.

Несколько слов о том, в чем, собственно, состоит метод — любой человек, знакомый с аналитической психологией, легко найдет в нем узнаваемые черты. В практике АД есть тот, кто движется (Движущийся) и тот, кто свидетельствует движущегося (Свидетель). Движение происходит в тишине, с закрытыми (или прикрытыми) глазами, таким образом, внимание разворачивается внутрь. Добровольная депривация визуальных и аудиальных стимулов позволяет увидеть и услышать содержание внутреннего мира. Движение свободно от каких-либо хореографических форм, формул и правил. Людям предлагается свободно следовать за теми импульсами, образами, чувствами, воспоминаниями и идеями, которые появляются в настоящем моменте. Нет задачи что-то показать, изобразить, движение — один из способов бессознательного обрести форму и передать символическое послание сознанию. В практике подчеркивается роль Свидетеля: он и контейнирует, и осуществляет холдинг. Свидетель внимательно наблюдает за движением Движущегося, замечает свой телесный, эмоциональный отклик. Также Свидетель обращает внимание на те образы, мысли и воспоминания, которые у него появляются в ответ на конкретное движение. После движения Движущийся и Свидетель встречаются для интеграции опыта: сначала Движущийся рассказывает о том, что происходило с ним во время движения. Затем Свидетель описывает движение, которое он наблюдал и рассказывает, что это в нем вызывало.

Мне предстояло продемонстрировать метод, учитывая контекст общей темы конференции «Индивидуальное и коллективное». И без того непростая задача осложнялась публичностью и физическими ограничениями пространства, непредсказуемым количеством участников, отсутствием привычного для АД камерного теменоса. Название мастерской «Соло, дуэт, трио... ансамбль — танец на пути индивидуации» родилось из идеи посмотреть на линию жизни, на те этапы, которые проходит человек через символическое движение.

Сначала я предложила участникам, а их было около 35 человек, двигаться сольно. Процесс начался. Свидетельствуя группу, я наблюдала, как для каждого Движущегося раскрывалась его личная метафора, его ассоциации и воспоминания. Участники двигались одновременно, но аккуратно, не задевая друг друга. Наглядная иллюстрация того, как глубокий контакт человека с самим собой помогает ему чувствовать общее пространство. Этот же момент отмечали впоследствии и сами участники: хотя каждый и двигался

сам по себе, общее движение было сонастроенным. Как иначе можно объяснить свободное и независимое движение такого количества людей в небольшом зале?

Затем я предложила участникам двигаться в парах и тройках, по очереди меняясь ролями Движущегося и Свидетеля. По моему опыту, такое движение пробуждает воспоминания о ранних отношениях в диаде и триаде. Формат конференции не предполагал глубокого погружения в личную историю, поэтому само движение длилось недолго, после него состоялось обсуждение опыта в парах и тройках. К сожалению, у меня нет возможности привести слова участников, так как мне хочется быть бережной к этому пространству, предполагающему интимность. Однако, многое из того, что я слышала звучало как глубокое и значительное переживание.

По моему предложению, от движения в тройках участники перешли к движению в малых группах — символически это напоминает этап сепарации от родительской семьи и нахождение своего места в социуме. В какой-то группе участники общались, в другой затеяли игру, в третьей началось совместное движение. Время двигательной части мастерской подходило к концу, и мы незаметным и очень естественным образом собрались в общий круг, завершившийся хороводом. Я не предполагала, что упражнение выльется в такую форму. Это произошло спонтанно, как будто сам процесс вел к такому завершению, что глубоко тронуло меня и каждого из участников.

Анализируя этот эпилог, я не могу не вспомнить о том, что круговые танцы — коллективное аутентичное движение. Архетипическое, знакомое каждому человеку на интуитивном уровне. Спонтанное создание этой двигательной мандалы словно стало ясным символическим ответом на главную тему конференции «Индивидуальное и коллективное». Можно по-разному интерпретировать хоровод, которым завершилась встреча. Но наблюдая спонтанный круговой танец в группе, невозможно не думать о самоорганизующей функции Самости, о связи движения и формы, символического и архетипического. О большей силе, которая живет в каждом из нас, проявляясь тогда, когда мы в этом нуждаемся.

Это был сильный опыт для меня, как для ведущей. И я невероятно благодарна участникам за их смелость идти (буквально и символически) в неизвестное и за их честность в этом движении.

Список литературы

1. Ходоров Джоан «Танцевальная терапия и глубинная психология: Движущее воображение»
2. Чодороу Джоан «Тело как символ: танец и движение в анализе»
3. К. Г. Юнг «Феномен самости»

Спирина Анна Николаевна

*Магистр психологии
Аналитический психолог
Член ААП
Участник ГПР ААП
г. Минск*

Часть и целое

Аннотация

Статья посвящена вопросу соотношения понятий «часть» и «целое». В ней рассматриваются свойства целого, которыми не обладают его части по отдельности. На примерах из различных областей общечеловеческого знания иллюстрируются такие проявления систем, как способность к выживанию, сила, сложность, способность к расширению и изменению спектра различных возможностей. Понятия «часть» и «целое» приводятся в качестве амплификации понятий «индивидуальное» и «коллективное». Доклад адресован в первую очередь аналитически ориентированным психологам, так как перемещение фокуса внимания с части на целое соответствует переходу от каузального подхода к синтетическому.

Ключевые слова

Часть, целое, коллективное, индивидуальное, К. Г. Юнг, система, анализ, синтез.

Название конференции «Личное и коллективное» вызвали лично у меня много ассоциаций из коллективного поля, и я, с позволения организаторов конференции, хотела бы ими поделиться. Ассоциации пошли в сторону один - много, единица - множество, элемент - система и, наконец, часть - целое. Последняя пара «часть-целое» показалась мне самой многообещающей, ее я и выбрала в качестве заголовка.

Часть и целое — это философские категории.

Рассмотрим их качества и соотношения на примерах. Примеры будут взяты из очень разных областей и будут иллюстрировать разные характеристики этой пары. Это сделано, в частности, для того, чтобы почувствовать, что «мир единый» содержит очень разные вещи, и при этом остается единым.

Первая группа примеров связана со словами.

Начать хочется со слова «счастье». Оно содержит как большой позитивный смысл для каждого человека, так и слово «часть». Приставка «с» имеет значение либо «свой», либо «хороший». Объединяя эту информацию, получаем, что «счастье» — это иметь свою часть в чем-то большем. Это переживание настолько объемное, что затрагивает не одну потребность.

Возможность иметь свой гарантированный кусок в общем пироге — это и утоление чувства голода, и гарантия выживания, и чувство безопасности. Но также оно удовлетворяет потребность в принадлежности к общности, в принятии, в обнаружении себе подобных, в одобрении и признании. А если пирог испечен с любовью — то еще и в любви.

Эмерджентность

На примере слова «счастье», можно продемонстрировать основную характеристику, возникающую при переходе от отдельных частей к объединенному целому. Это эмерджентность — появление у совокупности новых свойств, не присущих элементам в их разобщенности.

Каждая буква сама по себе значит не более чем букву, в то время как в связке они образуют слово с кардинально большим, новым значением. Слова же, объединенные в предложения, создают речь и смыслы, намного превосходящие по масштабу любые отдельные слова.

Высшим пилотажем являются речевые конструкции, несущие не один, а несколько смыслов, более сложные, которые смутными очертаниями выплывают из более простых. Для меня таковым открытием однажды послужило известное стихотворение Бориса Пастернака «Зимняя ночь». Напомню его только одной строфой:

*И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

В зависимости от настроек наблюдателя, в стихотворении можно разглядеть:

- буквы, слова, свечу, башмачки, метель, кружки и стрелы на стекле;
- жар соблазна и его периодичность («и то и дело»);
- любовь двоих людей, объединяющая их, несмотря на слезы воска, капающие с ночника;
- жизнь, которая теплится среди мглы и пурги под крыльями ангела и крестообразно скрещенных на потолке теней. Жизнь, которая продолжается в непростое время. Стихотворение написано в 1946 году.

Не исключаю, что есть и незамеченные мной смыслы. Но и обнаруженной иерархии хватает, чтобы понять значение слова «эмерджентность».

Далее мне хотелось привести в пример слово «Семья», состоящее из семи Я. И обратить ваше внимание на то, что именно число семь, с его богатейшей символикой, фигурирует в звучании этого, максимально ценного для цивилизации образования. Этот факт наполнял бы семью более высоким смыслом, чем ведение домашнего хозяйства и воспитание потомства. Но филологи, к сожалению, настаивают на другом происхождении этого слова.

В любом случае, появление чего-то нового в процессе объединения иллюстрируют следующие слова:

1. Сознание — совместное знание;
2. Совесть — совместное ведание;
3. Сотрудничество — совместный труд.

Перейдем к рассмотрению непосредственно тех свойств, которые могут появляться у целого и при этом отсутствуют у отдельных его частей.

Выживание

Классический пример эмерджентности в природе — это муравейник и его обитатели. Почему муравейник?

- Муравьи произошли примерно 110-130 млн лет назад. А живут, практически не видоизменяясь, 90 млн. лет.
- В мире известно более 14 000 видов муравьев, их общий вес составляет около 20 % земной биомассы наземных животных. Это чуть больше, чем масса всех людей.

Их много, и они очень живучи. Соответственно, качество, которое муравьям дает их объединение в колонии, это — способность к выживанию вида, в том числе и в экстремальных условиях.

Что касается их индивидуальной живучести, то примечательно, что лесной рыжий муравей способен обходиться без головы целых двадцать четыре дня. Однако в одиночку, вне колонии муравей жить не может — хоть с головой, хоть без.

Таким образом, свойство, которым элементы не обладают, но обладает их объединение, является — способность к выживанию.

Остановлюсь на некоторых особенностях их социального взаимодействия, с учетом темы конференции, а также того факта, что социальное поведение муравьев — самое сложное после людей. Начну с цитаты американского исследователя Льюиса Томаса:

«Муравьи так сильно похожи на нас, людей, что даже как-то неловко. Они выращивают грибы, разводят тлей в качестве дойных коров, отправляют на войну армии солдат, распыляют химикаты, чтобы напугать

и сбить с толку противника, берут в плен невольников, эксплуатируют детский труд и беспрерывно обмениваются информацией. Короче, делают все — разве что телевизор не смотрят» [14].

Далее я буду ссылаться на труды Жанны Резниковой, Новосибирского биолога, доктора биологических наук, одного из самых известных у нас в стране специалистов по поведению муравьев и прочих животных.

Разделение труда

Слаженная деятельность огромных конгломератов основана на четкой поведенческой специализации рабочих особей. Иначе — на разделении труда.

В муравейнике есть несколько профессий:

- охранники,
- охотники,
- доильщики тли (они ее щекочут, чтобы та выделяла падь),
- курьеры (доставляют падь до муравейника),
- разведчики (ищут новые источники пищи).

Ученые проводили исследования природы разделения на профессии. В первую очередь они исследовали такие качества, как агрессивность и интеллект. Для этого они доставали муравьев из муравейника, придумывала им всякие испытания, имитировали атаку синицы, оставляли наедине с жужелицей и много чего другого. Один из выводов, к которым пришли ученые, звучит так: *«Все указывает на то, что у муравьев способности к обучению связаны с низким уровнем агрессивности и склонностью избегать опасности. На основе этих устойчивых различий в поведении может происходить профессиональная ориентация рабочих особей в семье» [13].*

Один из самых интересных экспериментов касался муравьев-разведчиков. Он, к сожалению, не попал в академическую публикацию из-за недостаточности выборки. Но обсуждался на страницах научно-популярных журналов.

Главное качество для муравья, который ищет новые источники пищи — это ум. Недаром же английское слово *intelligence* означает и разведку, и интеллект. Животные должны хорошо ориентироваться, помнить дорогу, уметь передавать информацию другим муравьям, которые потом пойдут эту пищу собирать. Это интеллектуальная элита муравьиного сообщества.

Итак, разведчиков отселили из лабораторного гнезда на отдельную арену. Привожу слова Ж. Резниковой:

«Интеллектуальная элита муравьев покинула родину и стала объектом исследований, которые устраивает интеллектуальная элита людей. Один эксперимент, второй, третий... Мы так увлеклись экспериментом, что не обращали особого внимания на базовое гнездо, откуда взяли разведчиков.

Конечно, мы их кормили, поддерживали влажность, но тщательно не следили», — признается Резникова [13].

«И вдруг выяснилось, что, оставшись без интеллектуалов, муравьи забаррикадировались в своем гнезде и отказываются принимать пищу. Сначала некоторые еще выходили за едой и подкармливали остальных (в каком-то смысле у муравьев коллективный желудок). Но потом наступил тотальный бойкот. Насекомые начали вымирать. Прежде чем ученые спохватились и досрочно прекратили эксперимент, погибла чуть ли не половина муравейника. При этом в контрольном гнезде, откуда не забирали интеллектуалов, все было нормально.

— Знаете, что забавно, — размышляет Резникова, — относительная численность муравьев-разведчиков сравнима с долей выпускников Новосибирского государственного университета, если рассматривать Новосибирск как муравейник...» [14].

Можно применить эту идею не только к элите общества, интеллектуальной, культурной, но и к отдельному человеку, встречу с которым мы переживаем в кабинете. Целостность для него будет достигаться в установлении связи со своим бессознательным. Самость — она же психическая целостность, и контакт с ней может потребовать развития функций, которые развиты слабо. А развитие, как известно, происходит при максимальном напряжении имеющихся возможностей. Я имею в виду контакт на грани понимания со сложными ситуациями, сюжетами, художественными произведениями, стихами, музыкой, которые влияют на человека целиком, заставляют задумываться, оставляют послевкусие и смутные сомнения. В зависимости от точки зрения, такой процесс можно назвать расширением сознания, а можно работой в зоне ближайшего развития, но происходит процесс благодаря вовлечению интеллектуальной элиты.

Но разделение по профессиям — не единственное разделение в муравьином социуме.

Многие муравьи кипучую деятельность лишь изображают, бегая туда-сюда в качестве резерва, который возможно никогда и не понадобится. Могут пробегать так всю жизнь.

Другие же — до 70% населения! — просто стоят во внутренних камерах, покачиваясь в нирване. А ведь причина такого повального сна не лень вовсе, а отсутствие необходимости в их труде. Старшие «авторитеты», которые уже отвоевали себе право выполнять определенные функции в строго отведенных для этого точках пространства, не просто их оттесняют, а могут свернуть в «позу чемоданчика» и отнести обратно в гнездо — спи, мол, знай свое место! Тут уместно вспомнить словосочетание «право на труд» с одной стороны, и явление, получившее в Японии название Хикикомори.

Хикикомори — «нахождение в уединении». Термин, обозначающий людей, отказывающихся от социальной жизни и зачастую стремящихся к

крайней степени социальной изоляции и уединения вследствие разных личных и социальных факторов. Такие люди часто не имеют работы и живут на иждивении родственников.

Пример муравьев наталкивает на размышления, что причиной такого поведения может являться не лень «хикки», а что-то другое.

Передача умений. Культура

Возвращаясь к вопросу выбора профессии муравьями, вот что выясняется. Муравей вовсе не рождается в готовой роли. А для его будущего имеют значение такие факторы:

- физиологическое созревание,
- соотношение реакций избегания опасности, проявлений агрессивного и исследовательского поведения,
- способность накапливать опыт,
- социальное обучение.

Чтобы какая-то сложная поведенческая форма распространилась, нужно совсем немного особей — носителей целостного стереотипа. Допустим, несколько муравьев умеют охотиться на ногохвостку, и, если вокруг много этой добычи, они обучат данной технологии всех остальных.

Это можно было бы объяснить так. У муравьев (как и у людей) есть особо продвинутые особи, которые первыми осваивают какую-то новую практику (охотятся на ногохвостку, пользуются интернетом, оплачивают ЖКХ через мобильный телефон). Остальные на них смотрят, видят, что это выгодно, и начинают копировать поведенческую модель. Таким образом, у муравьев появляется культура, которая проявляется в передаче знаний от поколения к поколению. Но тут важно еще одно условие: остальные члены сообщества должны все-таки обладать неполными генетическими программами, запускающими эти стереотипы поведения. Наличие таких «спящих» фрагментов создает предрасположенность к определенной последовательности действий. То есть продвинутые особи не обучают остальных с нуля, а просто облегчают пробуждение существующих программ.

«Речь идет о полных поведенческих программах и их фрагментах, распределенных между членами популяции, — поясняет Ж. Резникова, — Это пример разумной экономики: животным вовсе не обязательно изначально владеть сложными навыками на все случаи жизни — достаточно обладать отдельными «заготовками» и способностью к социальному обучению» [14].

Но эта же идея показывает ценность тех отдельных индивидов, обладающих навыками и компетенциями, или, в переводе на «человечий» язык, носителей культуры. Их сохранение необходимо, чтобы эти навыки могли быть переданы дальше.

Сила

Следующий дар системы — это сила.

Сила в физике — это основная мера воздействия одних тел или полей на другие. В психологии под силой понимают способность человека к каким-либо действиям. Частный случай силы — сила воли, как способность двигаться к намеченной цели.

Самый простой пример роли сил в природе — это, пожалуй, силы всемирного тяготения. Они играют первостепенную роль в существовании и движении планет и планетарных систем. Без сил тяготения невозможной была бы жизнь и само существование Вселенной. Мы притягиваемся к Земле, Земля притягивается к Солнцу, и эти факты лежат в основе материального мира.

При всем при этом бытовое понимание того, сколько и какие силы на самом деле действуют в окружающем нас пространстве похоже на следующее суждение о земном притяжении одной школьницы: *«Если бы Земля вдруг перестала притягивать, то все, живущие на ней внизу и сбоку, обязательно упали бы»*.

То, что сила является интегративным свойством, возникающим в системе, можно пронаблюдать на простых примерах.

1. Линза.

Линза фокусирует разные лучи в одной точке. Точка называется фокусом, а в переводе с латыни focus — очаг, огонь. Солнечные лучи, собранные линзой, действительно способны не только зажечь пламя, но и расплавить металл.

В преддверии чемпионата мира по футболу, который в 2018 году проходил в России, была выпущена минеральная вода в круглых бутылках в виде футбольного мяча. Сначала покупатели выяснили, потом журналисты проверили, что с ее помощью, если светит солнце, можно запросто что-нибудь зажечь, как с помощью линзы или лупы. В интернете есть видео, где загорается спичечный коробок и дымится ботинок. Примечательно, что вода носит название «Святой источник», а огонь все-таки является символом сознания.

2. Резонанс.

В переводе с латинского слово «резонанс» буквально означает «откликаюсь» и представляет собой физическое явление, при котором собственные колебательные движения некоего объекта изменяются, увеличивают свою амплитуду, отвечая на воздействия окружающей среды.

Это синхронизация частот колебаний некой системы и воздействующей на нее внешней силы. То есть резонанс — это явление, когда несколько не очень сильных колебаний при определенных условиях могут сложиться в одно очень сильное.

Приведу два примера.

В школе на уроках физики рассказывали, почему при переходе через мост солдатам запрещают идти в ногу. Из-за резонанса частоты шагов с

собственной частотой раскачивания моста, мост начинает, как качели, раскачиваться все сильнее и сильнее до тех пор, пока не упадет. Из-за совпадения частот амплитуда колебаний резко возрастает. Эта наглядная иллюстрация в первую очередь коллективной мощи.

Но, если обратиться к символизму моста, как к переходу от жизни к смерти, то, как будто бы, даже смерть можно «победить» с помощью скоординированных коллективных усилий. Я, конечно, имею в виду культуру и ее влияние на эволюцию и прогресс. Визуализация такого рода моста — радуга, которая на самом деле имеет форму круга. В такой форме ее можно увидеть только с определенного ракурса, с самолета, например.

Еще один пример резонанса, куда более доступный нашему восприятию — это общественный резонанс, эмоциональный отклик общества на некоторое событие. О мощи некоторых откликов можно даже не говорить. Это средство влияния и на отдельных людей, и на органы власти, и на общественные организации.

Сложность

Когда я приводила в пример роту солдат, марширующих в ногу, которая способна разрушить мост, мне потребовалось немного потрудиться, чтобы найти некоторое позитивное видение этой истории. Мост, как символ связи, всегда ценен, и его разрушение — это потеря. И да, действительно, мощь коллектива, захваченного определенного рода энергиями, может быть страшной и неуправляемой. Я имею в виду толпу, охваченную, например, паническими настроениями.

Механизм возникновения массовой паники (от греч. *panikon* — «безотчетный ужас») интересовал среди прочих великих умов психиатра и физиолога Владимира Бехтерева, который писал:

«Кто переживал вместе с другими панику, тот знает, что это не есть простая трусость... Нет, это есть нечто такое, что охватывает, подобно острой заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение...» [2].

Но в истории есть примеры, когда нарастающую панику в толпе удавалось остановить. Один такой случай, произошедший во Франции, описан социальным психологом Дмитрием Ольшанским в книге «Психология масс». Он касается пожара в Гранд-Опера, когда толпа уже кинулась к выходу, но была остановлена необычным образом:

«Несколько отчаянных смельчаков, встав во весь рост в одной из лож второго яруса, начали орать (пения это было трудно назвать) национальный гимн. Через несколько секунд к ним стали присоединяться соседи» [10].

Когда прибыли пожарные, зал встретил их пением гимна. Людей вывели, пожар потушили. Любовь к отечеству спасла людей от пожара.

Тут как раз возникает момент, который является неким водоразделом между толпой, затеряться в которой (во всех смыслах этого слова) вряд ли кто-нибудь хочет, и, например, командой, быть частью которой многие сочтут для себя за честь. Ритмично произносимые звуки и уж тем более звуки гимна хоть как-то упорядочивали реальность. И зародившийся порядок, вместе с любовью, остановил панику.

Целостная структура возникает благодаря упорядочиванию. К этому понятию также можно подобрать много синонимов, в зависимости от контекста. Сложность. Организованность. Порядок. Структура. Иерархия. Роль этого понятия можно проиллюстрировать на примере дерева.

Простым и одновременно красивым символом работающей структуры может служить дерево. В нем нет мотора, который поднимал бы жидкость вверх, но благодаря его устройству это происходит как бы само по себе. И этот процесс является необходимым условием еще более сложного процесса — фотосинтеза. Идея поднятия жидкости вверх, превращения ее в газообразное состояние, участие в обогащении воздуха кислородом, тоже весьма символична. Дерево можно рассматривать как символ и человека, и мира целиком, всепроникающую воду — как символ эмоций, а обогащение воздуха кислородом — как то лучшее, что человек или все человечество способны произвести. Но для этого нужна структура. Испаряющаяся из лужи вода такого эффекта не произведет.

Идея циркуляции чего-то жизненно важного лежит в основе многих систем. Кровоснабжение в теле живого существа. Деньги в экономике. Информация в информационном поле. Если верить китайцам, то энергия Ци, которая непрерывно течет, напитывает и делает живым все сущее. И тогда, возвращаясь к идее структуры, особую роль начинают играть механизмы, обеспечивающие это движение. Это опять отсылает нас к понятию культуры и ее носителей.

Максимально сложная система

А самым выдающимся примером максимально сложной системы является человеческий мозг. Он весьма удачен для рассмотрения, так как представляет собой одновременно и индивида, и сложную систему. Его пример, как никакой другой, иллюстрирует идею, что эволюция — это увеличение сложности. И с помощью этого самого мозга рассмотрим несколько идей, касающихся соотношения индивидуального и коллективного (см. рисунок 1).

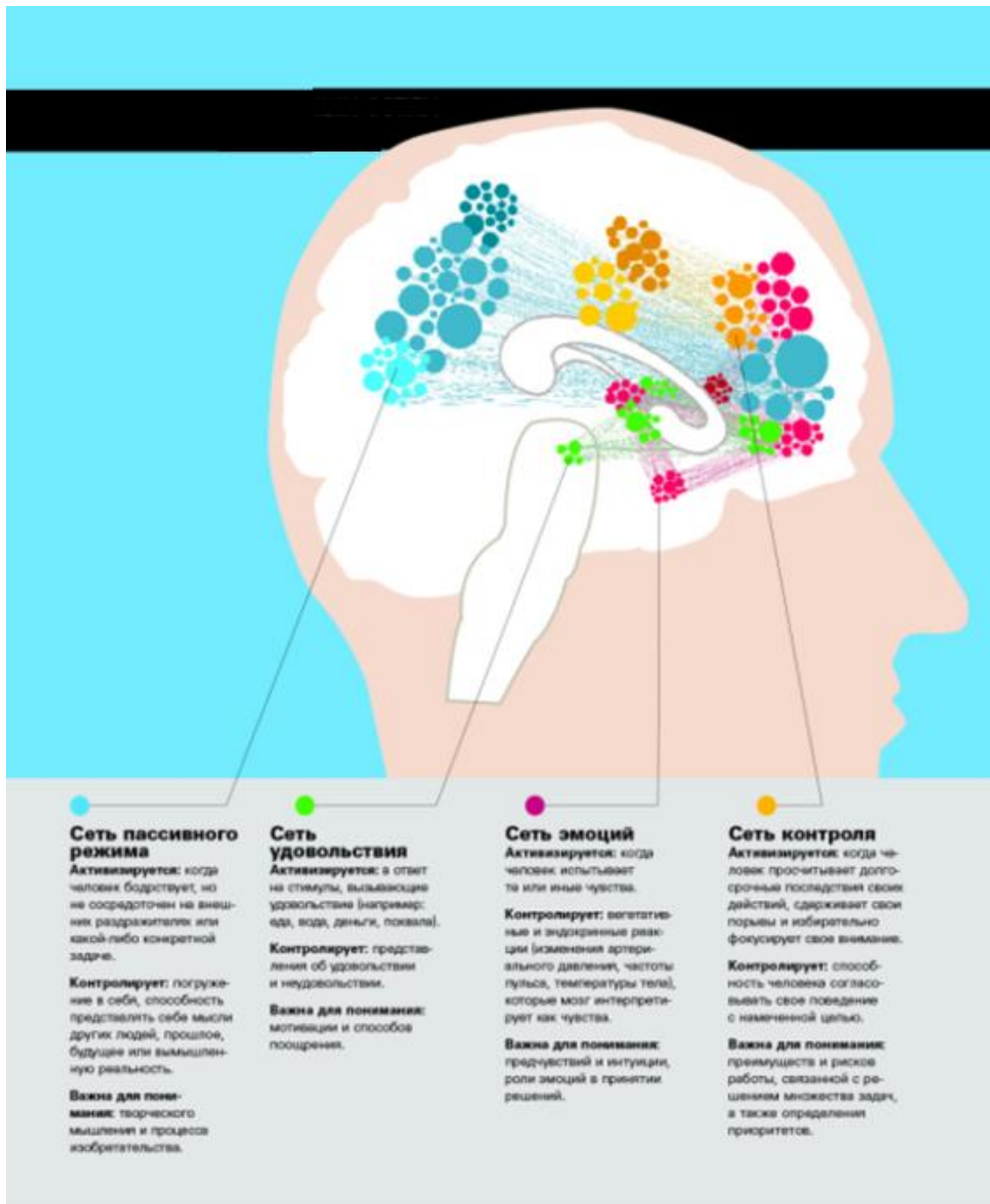

Рисунок 1. Виды нейронных сетей головного мозга

Мозг — это нейроны, соединенные в сеть. Качество его работы зависит не столько от количества нейронов, сколько от количества и качества связей между ними. Считается, что именно сеть является источником сложности.

Был период, когда нейробиологи пытались соотнести участки мозга с определенными конкретными функциями. Но позже такие исследования в большинстве своем не подтвердились и были названы современной френологией.

Сейчас же ученые переходят от изучения активации областей мозга к изучению того, как параллельно активизируются сети областей мозга.

На данный момент нейробиологам известны 15 нейронных сетей головного мозга. Расскажу о трех из них.

Выход за пределы

Одно из самых ярких нейробиологических открытий последнего десятилетия заключается в следующем: мозг никогда не находится в состоянии полного покоя. В периоды бодрствования, когда человек не сосредоточен на конкретных мыслях («витает в облаках» или полностью «отключился»), особая сеть участков мозга находится во включенном состоянии. Ее называют сетью пассивного режима. Уже само ее обнаружение произвело переворот в науке: теперь мы знаем, что мозг обрабатывает не только новую информацию, поступающую от пяти органов чувств, но и из внутреннего мира.

Вот только некоторые функции, которые приписываются этой сети:

- обеспечивает гибкость мышления;
- устанавливает глубокие связи с внутренним «я» и окружающим миром, обеспечивает главный доступ к автобиографической памяти;
- личностные черты и самовосприятие сводятся цепями расфокуса в одну точку;
- активизирует цепи «социальных связей»;
- объединяет прошлое, настоящее и будущее;
- помогает творческому самовыражению, обеспечивает спонтанность и непосредственность;
- способствует более четкому проявлению смутных воспоминаний, помогает задействовать память, лежащую за пределами границы внимания, и извлечь из нее информацию, не извлекаемую другими способами.

Кроме того, сеть пассивного режима отвечает за одну из самых важных наших способностей — трансцендентальность, или «выход за пределы» — к познанию умозрительных, независимых от опыта явлений. Представлять себе, что может происходить в другом месте, в другое время, в голове у другого человека или вообще в совершенно ином мире, могут только люди — и именно благодаря активности сети пассивного режима. «Выходя за пределы», человеческий мозг «отвлекается» от внешних условий, а значит перестает реагировать на внешние раздражители.

Связывая эту информацию с понятиями аналитической психологии, логично можно предположить, что именно в таком состоянии, при активации этой сети, происходит сонстройка с коллективным бессознательным и

открывается доступ к недостижимым ранее ресурсам. Очень похожее описание с вышеприведенным приводит Марк Уинборн в книге «Интерпретация в юнгианском анализе», когда говорит о состоянии реверии. Он приводит такие характеристики как безвременье, сновидность, состояние потока, спокойная восприимчивость и считает его абсолютно необходимым для проведения анализа.

Это немного противоречит идее, что максимальный контакт с бессознательным происходит во время активного творческого процесса. Но только на первый взгляд. Например, можно предположить, что во время «отдыха» сеть пассивного режима развивает способность получать информацию, а во время творческого акта мозг эту информацию обрабатывает и оформляет.

Некоторые фирмы предоставляют своим работникам в течение рабочего дня свободное время, позволяя им расслабляться и витать в облаках. И это делается намеренно, ради развития их творческого потенциала. При этом нельзя не отметить растущую последнее время опасность. Оказавшись в свободном парении, человек сейчас, в телефонный век, слишком склонен тут же занять мозг легкой доступной информацией, а вовсе не позволять сети пассивного режима устанавливать глубокие связи.

Сеть удовольствия

Следующая сеть, роль которой недооценить просто невозможно — сеть удовольствия. Она активизируется, когда человек испытывает удовольствие, и выключается, когда что-нибудь этому удовольствию мешает. Не вдаваясь в хорошо известные вещи, типа шоколада, пива, секса, денег и власти, остановлюсь на более изощренных.

Удалось обнаружить один достаточно неожиданный стимул — справедливость. Сеть реагирует активацией, когда обнаруживает справедливое, например, разделение ресурсов, и угнетается при обнаружении несправедливости. Предполагаю, что идея справедливого мира отсылает к представлениям о добром, разумном и справедливом Боге, наличие которого является гарантией безопасности.

Соприкосновение с этой проблемой отражено в труде К. Г. Юнга «Ответ Иову». Думаю, что в общих чертах все с ней знакомы. Скажу только, что на рисунке 2 представлена последняя, завершающая всю серию Уильяма Блейка к книге Иова, иллюстрация, которая носит условное название «Возвращение и процветание семьи Иова». Даже как художественное произведение эта история не оставляет читателей равнодушными, а уж при личном столкновении с похожими проявлениями реальности, в ее многогранности и непредсказуемости, чувства могут возникать самые противоречивые.

Иов вынужден был соприкоснуться с непредсказуемостью и несправедливостью Яхве. Для него эта история закончилась благополучно.

Тут будет уместно сравнить каузальный и телеологический подход для анализа этой ситуации. В первом случае (каузального подхода) логично ожидать, что действия вызывают предсказуемые последствия, и дано тебе будет по делам твоим. Это есть аналог справедливости, примененной к событиям своей жизни, который является фактором, чрезвычайно успокаивающим и даже радующим. Нарушение же этой последовательности огорчает, если не сказать больше.

Но история выглядит по-другому, если смотреть на нее с точки зрения подхода телеологического. Событие может не вытекать из совершенных человеком действий, а быть обусловленным некоей целью в будущем, целью, на данный момент совершенно не понятной человеку. Но можно сказать, что цель не понятна для части, но понятна для целого.

Рисунок 2. «Возвращение и процветание семьи Иова»

Приведу в пример реальную известную мне историю. Это не клиентский случай. Так однажды один маленький мальчик, лет 7-8, играл с другими мальчиками, и кто-то, возможно постарше его, толкнул его в канаву. Он очень испугался, начал тонуть и кричать. Другие мальчики его вытащили, но долго над ним смеялись — был он грязным и перепуганным. И мама дома его

отругала и наказала. И история эта была для него весьма обидная и несправедливая. Мальчик сильно расстроился, но когда через несколько дней в школу пришел тренер по плаванию и стал приглашать в секцию (так бывало когда-то!), то он согласился сразу же. Мало ли... И не зря. Года через два он снова свалился, но не в канаву, а в котлован. Тропинка обвалилась. Рядом никого не было. Выбирался он долго. Но не утонул, выбрался, потому что к тому моменту уже умел плавать.

С точки зрения его обучения плаванию, а то и спасения жизни, первое, позорное падение в канаву было весьма целесообразным. И при этом, в каком-то смысле, совершенно несправедливым.

На стыке каузального и телеологического подхода есть место для случайностей. Случайность не вызвана конкретными причинами и не имеет гарантированной цели. Это может быть просто случайное малозаметное событие, а может быть событие масштаба «черный лебедь». В механистической картине мира таковым места не было. Но в современной, естественно-научной картине мира, опирающейся на теорию относительности, случайность завоевала себе прочное место. Так, например, относительно новое междисциплинарное направление науки, объясняющее процессы самоорганизации в сложных системах — синергетика. Слово «синергетика», кстати, происходит от греческих слов «совместность» и «деятельность». И фундаментальным принципом самоорганизации, возникновения нового порядка и усложнения системы синергетика объявляет флуктуацию (то есть случайное отклонение) в состоянии ее элементов и подсистем. Это было известно и до появления синергетики в школьном курсе биологии: мутации имеют случайную природу и являются причиной разнообразия генетического материала и индивидуальной изменчивости, что служит предпосылкой эволюционного процесса.

И завершу тему непредсказуемости упоминанием повести «Метель» А. С. Пушкина. Соотношение случайности и предопределенности в жизни человека не раз находило отражение в его творчестве. Собственная жизнь также давала ему повод задуматься о том, от каких странных обстоятельств зависит судьба.

Так в повести «Метель» автор выводит подчеркнута обычных людей и показывает, как причудливо может сложиться их жизнь, если вмешается необъяснимая и непредвиденная сила. Герои «Метели» — уездная мечтательная и сентиментальная барышня и бедный прапорщик, находящийся в отпуске. Они влюблены друг в друга, родители против их отношений. И вот Маша и Владимир, по канонам жанра, решают бежать и тайно обвенчаться. Все спланировано и рассчитано, верные слуги готовы помочь, друзья жениха соглашаются стать свидетелями и даже «жизнь за него отдать», батюшка согласился венчать... И ничего не получилось!

Поднялась метель, закружила в поле жениха, и он опоздал на собственную свадьбу. Но эта же метель привела к деревенской церкви

проезжего офицера Бурмина, который и оказался под венцом с незнакомой барышней, находящейся на тот момент, вследствие долгого ожидания и волнения, почти без сознания. Ему это казалось шуткой, проказой, обвенчавшись он тут же сбежал, и только потом он осознал, что шутка вышла роковой. Два незнакомых друг другу человека оказались соединенными узами брака, но не могут надеяться на любовь и супружескую жизнь. Они не могут даже найти друг друга. Но судьба вмешалась еще раз, дав возможность героям встретиться по-настоящему. Этот невероятный союз, который начался свадьбой, а продолжился через несколько лет знакомством, может быть счастливым, по мнению Пушкина.

Рассматривать это произведение можно со всех сторон. Не отходя от русла причинно-следственных связей, можно предположить, что молодые люди были наказаны за неповиновение родителям, и за шутку, сыгранную в том месте, где шутить нельзя. Можно также предположить, что у события была «цель», что брак Маши и Владимира был бы неудачным, и обстоятельства вывели их судьбы на новый уровень. Либо, возможно, Маша и Бурмин были созданы друг для друга, но шли к этому союзу столь необычным образом. Но и для простой случайности повесть тоже оставляет место. Метель вполне может быть случайным событием, как взмах крыла бабочки, которое оказало столь существенное влияние на судьбы минимум трех людей. Но даже в этом случае, встреча незадачливых мужа и жены через несколько лет уже случайной не выглядит. Уж очень они этой встрече обрадовались, уж очень роднила их одинаковая тайная история.

Как дальше сложатся обстоятельства — точно неизвестно, но есть вероятность, что вновь обретенные супруги будут ценить друг друга более, чем при обычных обстоятельствах.

Еще один активатор сети удовольствия — предвкушение от познания нового. Оказалось, что любознательность — сама по себе награда, в буквальном смысле. В ходе одного эксперимента, добровольцы читали вопросы викторины и оценивали, насколько им интересно получить ответ. Чем сильнее им хотелось узнать в чем дело, тем сильнее активизировалась их сеть удовольствия.

И, наконец, сеть удовольствия реагирует на цели. Цель должна быть привлекательной, но не сильно конкретно сформулированной, чтобы стимулировать любознательность и гибкость мышления.

Нельзя не отметить этимологическую связь слова «целое» со словом «цель» (греч. телос — свершение, завершение; окончание, высшая точка, предел, цель; телеиос — законченный, полный, свершившийся, окончательный, совершенный). Можно рассматривать целостность как высшую цель жизни человека и на этом ограничиться, а можно поискать дополнительные идеи.

Как известно, «большому кораблю большое плавание», и чем сильнее и масштабнее система, тем более грандиозные цели перед собой она может

ставить. И происходит так, что эти грандиозные цели воспринимаются как свои частями системы. Говорят, что радостью можно поделиться, и ее меньше не станет. Также и с целями. У маленьких частей появляется чувство причастности к большему, которое активирует их сеть удовольствия. Пример из моего детства. Многие мечтали, когда вырастут, стать космонавтами. Потому что мы росли в великой космической державе. И это вдохновляло.

Сеть контроля

Существует хорошо известное противоречие между сиюминутными порывами и долгосрочными целями.

Можно сказать, что задача сети контроля — приглядывать за всеми остальными сетями мозга. Подавляя сеть пассивного режима, она не дает нам постоянно витать в облаках. Сдерживая сеть удовольствия, она помогает нам не поддаваться соблазнам и не потакать своим слабостям, не действовать импульсивно и отказываться от сиюминутных потребностей ради более важных, долгосрочных. Регулируя сеть эмоций, она обуздывает наши эмоциональные реакции, чтобы наши поступки не были продиктованы исключительно чувствами. Кроме того, эта сеть помогает нам ориентироваться во множестве обрушивающихся на нас дел. Когда вокруг без конца звякают смс или сообщения о поступивших электронных письмах, жужжат виброрезонансы телефонов и кто-нибудь претендует на наше время, нам надо уметь выделять главное и не отвлекаться на остальное.

Это контролирующий орган в психике, которому мы обязаны за многие достижения. Отчасти его можно соотнести с целеустремленностью, и наличие таковых качеств внутри себя — несомненно, повод для гордости. Но, ситуация меняется, как только мы оказываемся частью системы, в которой действует система ограничений и ограничения эти действуют как бы снаружи и не позволяют творить все, что взбрет в голову. В эволюционной биологии этот принцип формулируется примерно так:

«Каждый элемент системы может изменяться лишь в той степени и в таком направлении, которое не приведет к существенной потере устойчивости в системе как целостности. Этим обусловлены эволюционные ограничения. Они приводят к необходимости находить эволюционные компромиссы» [6].

И вот эта идея эволюционных компромиссов весьма перспективна. Не скатывание в крайности, а поиск компромиссного решения как ничто развивает, если не трансцендентную функцию, то мыслительную. А может быть и фантазию, и чувство юмора, и философский взгляд на действительность.

Цензура

Одно из всем нам хорошо известных ограничений — это цензура. Вот что по этому поводу говорил М. Жванецкий:

«В условиях цензуры, в условиях тоталитаризма голова работает лучше.... Юмор в условиях тоталитаризма был очень хорош» [5].

Примером удачного маневрирования сквозь ограничения является режиссер Л. И. Гайдай и его незабвенные комедии. Многие эпизоды, к сожалению, вырезались. Например, в одной из сцен Ивана Васильевича, который меняет профессию, там, где Бунша задает вопрос: «*За чей счет этот банкет?*», ответ должен был звучать следующим образом: «*Народ, батюшка, народ!*». Худсовет же решительно заменил реплику на: «*Во всяком случае, не мы!*».

По поводу «Бриллиантовой руки» Л. И. Гайдай и вовсе получил 40 замечаний. После этого к нему на съемочную площадку направили контролера из КГБ, который должен был вовремя тормозить режиссера и докладывать наверх. Так, например, фраза «*Я не удивлюсь, если завтра выяснится, что ваш муж тайно посещает любовницу*» первоначально звучала как: «*Я не удивлюсь, если завтра выяснится, что ваш муж тайно посещает синагогу*».

Фильм мог вообще не выйти, если бы не хитрость режиссера. В начале фильма он вставил кадр из документального фильма о ядерной войне, требуя, чтобы удалили любую сцену, но только не этот кусок. Из-за обостренной международной обстановки Госкино поступило с точностью наоборот, как и хотел Л. И. Гайдай: этот момент вырезали, оставив все остальные сцены.

В идеальном варианте цензуру можно рассматривать как неотъемлемое условие существования всякой культуры. Культивирование — отбор, прополка, создание условий для развития одного и не развития другого. Цензура — это фактор естественного отбора, действующий не на картофельном, а на культурном поле.

Завершу цитатой из книги В. Гейзенберга «Часть и целое»:

«Эта взаимная игра — если угодно — эта борьба между выражением и содержанием и ограниченностью выразительных средств есть, как мне кажется, необходимая предпосылка для возникновения настоящего искусства. Когда упраздняются все ограничения выразительных средств, когда, например, в музыке композитор получает право на создание любого звучания, то такой борьбы уже нет, напряжение художника уходит некоторым образом в пустоту. Поэтому я скептически отношусь ко всякой слишком большой свободе» [4].

Анализ и синтез

Подводя итоги, хочется вернуться ближе к аналитической психологии. Одна ниточка протягивается из книги Марка Уинборна «Интерпретация в юнгианском анализе». Он указывает на ключевое значение архетипов при объединении в целое. Они — и порождение, и причина жизни. Цитирую:

«Архетип — это эмерджентная структура, побочный продукт встречи между культурой и инстинктом, более высокий уровень сложности» [15].

Одна из метафор, которая помогает понять, что такое архетип, это идея магнитного поля, которое упорядочивает, например, металлические опилки. Взаимоотношения же маленького кусочка металла и поля, которое на него воздействует, иллюстрирует пару «часть – целое».

Но самый важный для нас пример — Самость — архетип целостности. Нельзя говорить о понятии целое, не упомянув архетип целостности.

С одной стороны, Самость рассматривается как трансцендентный центр психики, но при этом она же — основа целостности. Это упорядочивающий и объединяющий центр всеобщего психического начала. Тогда, Эго — часть этого единства.

Процесс индивидуации — отказ от идентификации с бессознательным, осознание себя, принятие реальности психики, намного превосходящей сознательную часть, выстраивание оси Эго-Самость — и есть процесс достижения целостности и полноты. О том, что это непростой процесс, требующий времени и усилий, говорит история самого К. Г. Юнга.

В 1912 году после разрыва с З. Фрейдом у К. Г. Юнга наступил период преднамеренного, осознанного сотрудничества с тем, что он ощущал, как сильнейшее давление своего бессознательного, хотя еще не думал тогда о нем, как о Самости. Кульминацией этого периода стал 1927 год, когда ему приснилось однажды, будто он с товарищем в Ливерпуле. К. Г. Юнг пишет:

«Мы вышли на широкую площадь, слабо освещенную уличными фонарями. К площади сходились много улиц, а городские кварталы были расположены вокруг нее по радиусам. В центре ее находился округлый пруд с маленьким островком посередине. В то время как все вокруг было смутно различимо из-за дождя, туманной дымки и плохого освещения, островок сиял в солнечном свете. На нем стояло одинокое дерево, магнолия, осыпанная розовыми цветами. Все выглядело так, будто дерево было освещено солнцем — и в то же время само служило источником света» [20].

К. Г. Юнг был чрезвычайно вдохновлен и приободрен этим сновидением. Он увидел в нем центр, объединяющий, придающий смысл

источник света. Этот момент он считает важным для собственного постижения истинного положения дел в психике.

Обращаясь же к теме конференции хочется добавить, что отношения с коллективами, в которые человек обязательно оказывается вовлеченным (семья, друзья, коллеги, садовое товарищество, родительский комитет в школе у ребенка, общество целиком) со всеми сопутствующими этим отношениям историями и перипетиями — это аналог, отражение, репетиция, обязательная часть взаимоотношений между частями психики. Посему, также могут рассматриваться как необходимый элемент индивидуации.

Холизм

Еще одна ниточка тянется от упомянутого разрыва между К. Г. Юнгом и З. Фрейдом. А именно — различие между аналитическим и синтетическим

подходом, и далее — между механистическим и холистическим мировоззрениями. Оно как раз и касается понимания взаимоотношения частей и целого. Напомню, что анализ означает отделение чего-либо с тем, чтобы понять его; синтез означает помещение чего-либо в

более обширный контекст целого. Шоком для науки XX века стал тот факт, что систему не всегда можно понять с помощью анализа.

Подытоживая вышесказанное:

- свойства частей не являются их внутренними свойствами, но могут быть осмыслены лишь в контексте более крупного целого;
- существенными свойствами организма являются свойства целого, которыми не обладает ни одна из его частей;
- одна из причин появления новых свойств — взаимодействия и взаимоотношения между частями. Еще одна — благодаря архетипам.

Это холическое мировоззрение, к которому научная мысль тоже приходит. В философию же термин «холизм», как философия целостности, был введен в 1926 году, что совсем рядом со временем, когда К. Г. Юнгу приснился сон о городе и объединяющем его центре. Такого рода явления подтверждают идею объединяющего целого, мира как некоего целого, нас — как частей целого, и подтверждают наличие удивительного количества неожиданных взаимосвязей между разными частями.

Список литературы

1. Блауберг И. В. «Часть и целое» // Философский энциклопедический словарь / И. В. Блауберг, Б. Г. Юдин; гл. редакция: П. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. — М.: Советская энциклопедия. 1983. — 578 с.
2. Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека. — 1997
3. Вейц А., Мейсон М. Как работает мозг. Новый подход к нейробиологии: что он означает для менеджмента? CHARVARD BUSINESS REVIEW — РОССИЯ. Сборник статей: Как работает мозг. Режим доступа: https://vk.com/wall-74058720_2031
4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое.
5. Жванецкий М. «В условиях цензуры и тоталитаризма голова работает лучше» // Интервью на телеканале «Дождь».
6. Лебедева Н.В. и др.. Биологическое разнообразие: Учеб, пособие для студ. ВУЗов. — М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС,2004. — 432 с.. 2004
7. Масальцева М. «Святой источник» выпустил к ЧМ-2018 бутылки в форме мяча. С их помощью можно устроить пожар. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/news/17354-svyatoy-istochnik-vypustil-k-chm-2018-kruglye-butylki-s-ih-pomoschyu-mozhno-ustroit-rozhar/>
8. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1988. - 511 с.
9. Поплавская Т.Н. Категории «целое» и «часть» в современной философии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». - Том 24 (65). - 2012. - № 4. - С. 382–390
10. Ольшанский Д. Психология масс.
11. Пушкин А.С. Метель.
12. Резникова Ж.И. Интеллект и язык животных и человека: Введение в когнитивную этологию. М.: Академкнига, 2005. Второе издание: Юрайт (Москва), 2016. Зоопсихология. Интеллект и язык животных и человека. В 2-х частях. Учебник для вузов
13. Резникова Ж.И. Муравьи и люди города Глупова. Статья в журнале "Кот Шредингера" (2018). Режим доступа: https://ology.sh/comprehend/muravi-i-liudi-goroda-glupova/?fbclid=IwAR1AR-UTwYObNqGvgH-kSjOFy4BfRxD_C7h0L92ubNx6BqIhZyA_st9piH8
14. Тарасевич Г. Разговоры с муравьями и людьми. Режим доступа: <https://www.sbras.info/articles/overview/razgovory-s-muravyami-i-lyudmi>
15. Уинборн М. Интерпретация в юнгианском анализе.

16. Хакен Г. Синергетика. — М.: Мир, 1980. — 406 с.
17. Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <https://vasmer.slovaronline.com/>
18. Эмерджентность // Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. — 2006.
19. Юнг К.Г. Ответ Иову.
20. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления.

Паротикова Наталья Васильевна

Аналитический психолог

Член ААП

Участник ГПП ААПР

г. Санкт-Петербург

«И бог всегда уходит. И мы должны идти». Anima mundi как цель и путь в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Аннотация

В название доклада вынесена последняя строка стихотворения К. Бальмонта, начало которого звучит так: «Еще необходимо любить и убивать...» Слова поэта задают поистине античный трагедийный размах маятника состояний — как человеческой души, так и всего мира, размах, который мы проживаем в исторических событиях и сегодня. Доклад посвящен исследованию этой динамики — коллективной и индивидуальной — через герметическое понятие Мировой души (anima mundi), в том числе на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — произведения, в котором сам великий русский классик хотел «высказаться весь», который писал, как свое завещание человечеству.

Осознание Мировой души как трансцендентной цели, а ее маятниковой динамики как «правильного пути» (Дао), воплощенное Достоевским в романе «Братья Карамазовы» и описанное К. Г. Юнгом как движение к Самости, становится важной духовной опорой для человека в моменты мировых исторических переломов.

Ключевые слова

К. Г. Юнг, Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», Мировая душа (anima mundi), трансцендентная цель, синхрония, мировые часы, акаузальная упорядоченность.

Этот доклад посвящен одному из ключевых произведений русской литературы — роману Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». Однако, свое сообщение я хочу начать с другого текста, гораздо

менее известного и совсем небольшого по объему, но, на мой взгляд, также совершенно гениального и пророческого.

Это стихотворение Константина Бальмонта, появившееся точно в момент перехода из «старого доброго» XIX в «ужасный» XX век, накануне самых страшных и самых важных исторических событий, на волне которых мы продолжаем жить и сегодня.

Стихотворение написано в первый год XX столетия, то есть в 1901 году — до начала Первой мировой войны и всех последующих глобальных мировых трансформаций остается чуть более 10 лет. Я вынесла в название своего доклада финальную строку стихотворения Бальмонта — «И бог всегда уходит. И мы должны идти». А начинает поэт с поистине античным — пугающим — трагедийным размахом. Тем размахом, который мы проживаем в исторических событиях прямо сейчас: «Еще необходимо любить и убивать...»

*Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внешним и жестоким, быть нежным без конца
И всех манить волненьем красивого лица.*

*Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы все стремимся к богу, мы тянемся к нему,
Но бог всегда уходит, всегда к себе маня,
И хочет тьмы – за светом, и после ночи – дня.*

*Всегда разнообразных, он хочет новых снов,
Хотя бы безобразных, мучительных миров,
Но только полных жизни, бросающих свой крик,
И гаснущих покорно, создавши новый миг.*

*И маятник всемирный, незримый для очей,
Ведет по лабиринту рассветов и ночей.
И сонмы звезд несутся по страшному пути.
И бог всегда уходит. И мы должны идти.*

Всякий раз, когда в сознании и событиях начинает проявляться какая-то тема (то есть архетип), это происходит каким-то особенным, неслучайным образом, во многих точках в окружающем пространстве и во времени. Так произошло и для меня — образ «всемирного» маятника, «незримого для очей», возник однажды спонтанно, когда я еще не была знакома с этим стихотворением Бальмонта. Это был момент, пожалуй, наибольшей в моей

жизни высоты нуминозного чувства — за два месяца до начала пандемии, в конце 2019 года, когда я стояла на Акрополе в Афинах перед входом в Парфенон. Присутствие божественного ощущалось явственно, и порыв к этому божественному в душе был так силен, как никогда до этого во всей жизни, но, одновременно (и это было горчайшим чувством), я ощущала как бы силовое поле, которое говорило: «Дальше нельзя». Именно из этого почти физического ощущения позже возник образ: я как будто находилась в точке наивысшего взлета маятника, в той точке, где движение на долю мгновения останавливается перед началом спуска. Сразу за этим жизнь развернулась, и внутреннее движение преобразилось во внешнее — так для меня началось вхождение в юнгианское поле.

Идея сегодняшнего доклада возникла у меня на последней, июньской встрече Дискуссионного клуба ААП, и это был новый такт синхронии. Мы говорили о маятнике как образе, описывающем движение психики, и так случилось, что встреча наша состоялась на следующий день после пригожинского мятежа (сейчас об этом уже даже странно вспоминать — так быстро сменяются события). А тогда наш разговор развернулся в сторону коллективного проживания качания психического маятника. И дальше у меня уже почти не оставалось выбора — настолько точно тема сегодняшней конференции «Индивидуальное и коллективное: противоречие и единство» ложилась в это общее смысловое маятниковое движение. Единственное, с чем нужно было определиться: на каком литературном материале его развернуть. Еще не зная, как глубоко в философском и даже хронологическом смысле это может повести, я остановила свой выбор на романе Достоевского «Братья Карамазовы» — произведении, в котором сам великий русский классик хотел «высказаться весь» и которое писал, как свое завещание человечеству.

И если Бальмонт в первый год нового века в своих стихах предчувствует приближающуюся катастрофу, и с ужасом и трепетом пророчесствует о наступающих «безобразных и мучительных мирах» и о разрушении старого миропорядка, то написанный двумя десятилетиями раньше роман-завещание Федора Михайловича ведет нас в несравнимо более отдаленное будущее. Думаю, что мы все временами, по мере наших сил, приближаем это будущее вместе с нашими анализантами в аналитических кабинетах и на онлайн-сессиях в те минуты, когда нам удастся быть достаточно искренними и глубокими.

Итак, в ноябре 1880 года Ф. М. Достоевский заканчивает свой последний роман «Братья Карамазовы». Жизнь Федора Михайловича обрывается спустя два месяца после публикации. Глубинным посылом этого романа-завещания, то есть главной или итоговой жизненной задачей Федора Михайловича стало передать читателям высшую драгоценность — весть о том, что *«нет другого, отдельного человека, а есть Единое, что течет сквозь каждого, и именно во встрече человека с человеком это Единое становится проявленным»*.

На юнгианском языке мы можем сформулировать это так: Самость каждого человека уникальна, и вместе с этим парадоксально Самость другого и моя Самость есть одно, Единое. Для Ф. М. Достоевского — это будущее состояние человека в вечности. Вот фрагмент дневниковой записи, сделанной на следующий день после смерти первой жены писателя, Марии Дмитриевны Достоевской:

«Как воскреснет тогда каждое я — в общем Синтезе — трудно представить. [...] Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь [...] Все себя тогда почувствует и познает навечно. Но как это будет, в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно».

Весть о Едином, то есть о фундаментальном единстве человечества, явилась Достоевскому еще в юности в философии и поэзии Ф. Шиллера. Федор Михайлович пронес ее до конца жизни, и в «Братьях Карамазовых» она вновь звучит. Удивительно, что в одном из главных русских романов мысль эта воплощена через обращение к самому глубокому, античному корню нашей культуры — мотиву Элевсинских мистерий. Об этом пишет выдающийся исследователь Ф. М. Достоевского Татьяна Александровна Касаткина в статье «Шиллер у Достоевского: Элевсинские мистерии в “Братьях Карамазовых”».

Так, Федор Михайлович цитирует в романе шиллеровские «Оду к радости» и «Элевзинский праздник» в переводе В. А. Жуковского, причем он соединяет их в один текст: когда Митя Карамазов говорит Алеше, что хотел бы исповедаться перед ним и начать свою исповедь гимном к радости Ф. Шиллера, он вдруг задумывается, а затем начинает читать шиллеровский же «Элевзинский праздник».

Т. А. Касаткина пишет:

«Этим Достоевский подчеркивает, что главное движение «Элевзинского праздника», его истинная цель — привести читателя к Радости — настоящему мосту между мирами, [к радости], открывающей здесь то чувство себя и всего, которое знаменует и определяет наше там» [3].

Историк религий Андрей Зубов, ссылаясь на Плутарха, говорит о Великих мистериях:

«[...] люди входили в Телестерион, пели песни, приносили очистительные жертвы, но у них были еще человеческие, земные мысли, каждый думал о своем. [...] Как и в литургии в какой-то момент во время Херувимской песни поется: «всякое ныне житейское отложим попечение...». Так вот, они еще не отложили этих земных попечений. Но когда они видели

нечто в пламени, они все были настолько потрясены, что все как один замолкали навсегда в отношении этого таинства. Ни один человек не рассказал, что он там увидел, что именно там было. Что могло их так потрясти? Греки ведь были достаточно искушенными людьми, не дикарями, они знали, как устроены театральные представления. А тут вдруг происходит такое, что даже циничный Цицерон, который большую часть жизни вообще был неверующим, и только смерть дочери заставила его уверовать, написал в «Законах»: «Самые лучшие – те мистерии, благодаря которым мы, дикие жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности, мягкости, были допущены к таинствам и воистину познали основание жизни» [Цицерон. О законах. 2:14,36]. То есть в Телестерионе происходило что-то невероятное» [8].

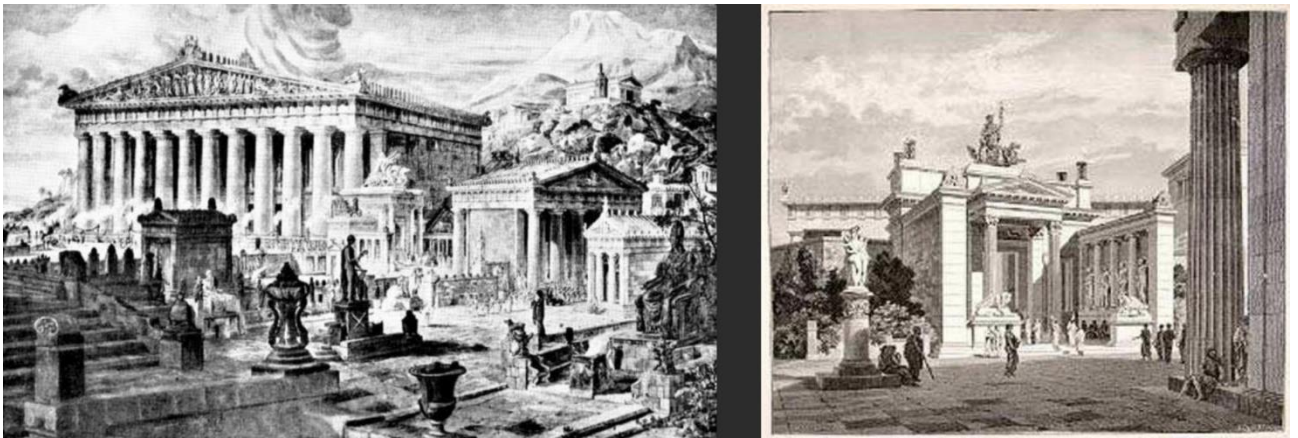

Рисунок 1. Телестерион и Пропилеи (реконструкция)

И вот еще один такт синхронии, сопровождающей тему этого доклада: когда я его дописывала неделю назад, с волнением и трепетом обнаружила, что, в отличие от Малых (февральских) мистерий Персефоны, которые только готовили мистов к посвящению, сами Великие мистерии, мистерии Деметры, проводились в Элевсине не раньше и не позже, а именно сейчас, в это время — в 20-х числах месяца Боэдромиона (что примерно соответствует нашему сентябрю), после сбора урожая. Думаю, что и сегодня, здесь, в Петергофе, на юнгианской конференции, мы тоже в какой-то степени можем ощутить эти энергии — энергии Элевсинских мистерий.

На исключительную важность элевсинской вести в романе указывает и эпитафия — альфа и омега всего опуса:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Евангелие от Иоанна 12:24].

Это единственное место в Евангелии, где Иисус говорит с пришедшими к Нему эллинами, и говорит с ними, используя язык и образы Элевсинских мистерий.

Вот более широкая цитата:

«Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины. Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп сказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» [Ин. 12:20-25].

Есть гипотеза о том, что в ключевую минуту мистерий иерофант показывал посвящаемым колос. А само посвящение в мистерии было кажущейся смертью, то есть становилось преобразованием, преодолением смерти. Это главные образы и смыслы Элевсинских мистерий, дошедшие до нас. Т. А. Касаткина пишет:

«Соединяя все это, нетрудно понять главную весть, сообщаемую Элевсиниями: человек рождается дважды: сюда, на землю — зерном; туда — в иную жизнь и другую мерность — колосом, скинувшим с себя оболочку зерна, которая есть наше «я», наша здешняя форма, наша отдельность. Человек раскрывается всему другому в мире, соединяется со всем другим в мире, его колос — это образовавшиеся прямые связи, в которых каждый «другой» есть тоже ты и ощутишь как ты; в которых каждый далекий мир дрожит в твоём сердце — и становится понятно, что заповеди Христовы о любви к Богу и ближнему — всего лишь упражнения в ощущениях жизни будущего века, и что во фразе «люби ближнего своего как самого себя» не нужна запятая, потому что тут нет сравнения — а есть констатация того, что вы — одно. Становится понятным и столь любимое В. М. Достоевским слово «всечеловек», и даже «общечеловек», если оно склонно трансформироваться в «общий человек». [...] О посвященных Элевсиний говорили, что для них не только меняется посмертие, но они обретают счастье и в этой жизни. И не удивительно — ведь новое чувство «себя» изменяет все наши цели и способы их достижения, уничтожает страхи, открывает путь к неведомой ранее истинной любви» [3].

Хочу подчеркнуть здесь слова «новое чувство себя» и соотнести это с идеей К. Г. Юнга о продолжающемся творении (creatio continua). В своей работе «Синхронистичность: акаузальный связующий принцип» К. Г. Юнг

определяет синхронистическое событие как акт созидания. Синхронистическое событие акаузально, именно поэтому можно сказать, что оно является актом созидания чего-то нового, не имеющего никакой причины. К. Г. Юнг пишет:

«[...] Мы должны рассматривать их [акаузальные события] как творческие акты, как непрерывное воспроизведение паттерна, который существует вечно, повторяется спорадически и не может быть выведен из каких-либо известных предшествующих событий».

В книге «Психэ и материя» Мария-Луиза фон Франц иллюстрирует эту идею так:

«На многочисленных средневековых изображениях, работах эпохи Возрождения и даже в недавнем фольклоре мы часто видим чудесную длань Божью, указывающую вниз с небес. Именно таким путем Бог вмешивается в Свое творение и поэтому с христианской точки зрения вселенная не просто механизм, обусловленный временем и пространством, ведь в ней всегда имеют место чудеса и сотворение нового» [4].

В романе это «новое чувство себя», рождающееся акаузально из глубины сердца человеческого, многократно звучит для многих — и главных, и второстепенных — героев: для Алеши, Мити, старца Зосимы, его умирающего брата, говорящего *«жизнь есть рай, и все мы в раю»*, наконец, для 12 мальчиков-гимназистов в самом финале.

Не случайно, что два наиболее важных эпизода этого нового чувства себя — преображения героев — возникают в сновидении. Сначала у Алеши: у гроба почившего старца Зосимы, источающего «тлетворный дух», в момент глубокого кризиса веры, почти духовной смерти, Алеше снится евангельский образ — свадьба в Кане Галилейской. Затем — у Мити во сне про «дите» и в словах и голосе Грушеньки: *«А и я с тобой, я теперь тебя не оставлю, на всю жизнь с тобой иду»*, во сне, который он видит в момент смерти социальной, после допроса о предполагаемом убийстве отца (которого Дмитрий Карамазов не совершал).

Показательно, что акт продолжающегося творения, то есть созидания нового чувства себя, сопровождается образами *coniunctio*, всегда предшествующего рождению (свадьба в Кане Галилейской для Алеши и признание Грушеньки в любви — для Мити). А за *coniunctio* следует рождение ребенка. И эти младенческие образы также присутствуют в обоих снах, но, как и полагается в вечности, в парадоксальном порядке. У Мити — дите плачет на руках матери из погорелой деревни, то есть рождение здесь предшествует союзу. А во сне Алеши мотив рождения — это смерть старца Зосимы, то есть «рождение в вечность» и встреча на свадебном пиру с Христом (еще одно, теперь всеобщее, *coniunctio*).

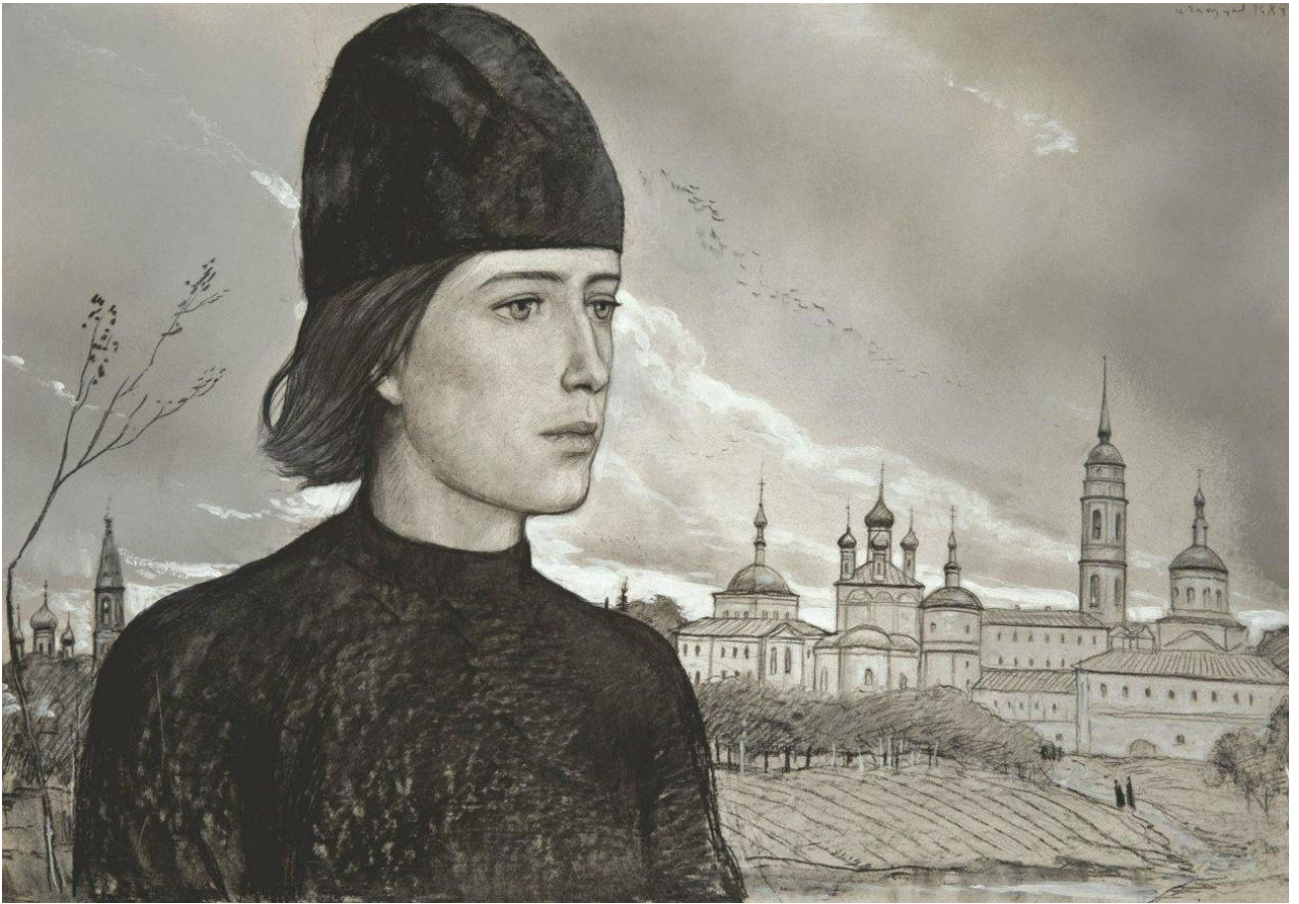

Рисунок 2. Алеша Карамазов, И. Глазунов (1982)

Я хочу привести сон Алеши о браке в Кане Галилейской, чтобы мы могли почувствовать это состояние творения нового:

«[...] Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ах да... ведь это брак, свадьба... да, конечно. Вот и гости, вот и молодые сидят, и веселая толпа и... где же премудрый архитриклин? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встает там из-за большого стола? Как... И он здесь? Да ведь он во гробе... Но он и здесь... встал, увидал меня, идет сюда... Господи!..

Да, к нему, к нему подошел он, сухенький старичок, с мелкими морщинками на лице, радостный и тихо смеющийся. Гроба уж нет, и он в той же одежде, как и вчера сидел с ними, когда собрались к нему гости. Лицо все открытое, глаза сияют. Как же это, он, стало быть, тоже на пире, тоже званный на брак в Кане Галилейской...

Тож же, милый, то же зван, зван и призван, раздается над ним тихий голос. Зачем сюда схоронился, что не видать тебя... пойдём и ты к нам.

Голос его, голос старца Зосимы... Да и как же не он, коль зовет? Старец приподнял Алешу рукой, тот поднялся с колен.

Веселимся, продолжает сухенький старичок, пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? [...] А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его? Боюсь... не смею глядеть... прошептал Алеша.

Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...

Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его... Он простер руки, вскрикнул и проснулся...» [2].

Сон Алеши, созданный гением Ф. М. Достоевского, удивительно похож на реальное событие — видение К. Г. Юнга о свадьбе Малхут и Тиферет, описанные им в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях»:

«Все окружающее тоже казалось мне зачарованным. Именно в это время сиделка готовила для меня какую-то еду, потому что только в эти минуты я мог есть и ел с аппетитом. Поначалу она казалась мне старой еврейкой — много старше, чем была на самом деле, и что она готовит мне ритуальные кошерные блюда, что голова ее повязана голубым платком. Сам же я находился — так мне чудилось — в Пардес-Римоним, в гранатовом саду, где происходила свадьба Тиферет и Малхут. Еще я представлял себя Раби Шимоном бен Иохаи, чей мистический брак праздновали сейчас. Это выглядело именно так, как изображали каббалисты. Невозможно передать, как это было удивительно. Я только твердил себе: «Это гранатовый сад! И здесь, сейчас празднуют соединение Малхут и Тиферет!» Какова была моя роль, я точно не знаю, но я испытывал чувство, будто я сам и есть это празднество, и замирал от блаженства» [6].

Видение продолжается «Свадьбой Агнца» в Иерусалиме посреди «ангелов и света». «Я сам», — говорит К. Г. Юнг, — «был *Agnus Dei*». К. Г. Юнг утверждает, что «видения и переживания были совершенно реальны; в них не было ничего субъективного» [6].

Акты созидания нового составляют процесс постоянного обновления, происходящего внутри Самости, как К. Г. Юнг обрисовал это в «Эоне» в схеме или цикле из 4 кватернионов. Этот процесс носит круговой или, скорее, спиральный характер, будучи связан с постепенным осознанием человеком Самости — процесс, подобный углеродно-азотному циклу на Солнце, где постоянное обновление атома — эквивалент самообновления архетипа. Самость, понимаемая таким образом, выступает как динамический процесс самопроявления и самообновления. Можно сказать, что сотворение мира происходит здесь и сейчас, в каждое мгновение через сознание человека (и в

аналитических кабинетах тоже, что очень вдохновляет, или лучше сказать — самообновляет).

Далее К. Г. Юнг вводит более общее понятие акаузальной упорядоченности, для которой синхронистичные события — это спорадические ее проявления. Следствием акаузальной упорядоченности будет также особое состояние психики, которое можно описать как всеведение. К. Г. Юнг говорит о нем, как о «бессубъектном знании, составленном из образов. Оно прекоцептуально и больше похоже на «облако знаний», нежели на точное знание, производимое нашим Эго-сознанием. К. Г. Юнг также использовал для описания этого всеведения слово «люминозность», то есть «рассеянное знание», которое мало или вообще никак не связано с Эго-сознанием. В повседневном опыте оно проявляется таким образом, что наше бессознательное «как-то» знает все, но тем не менее не знает ничего точно.

Умберто Эко, говоря о средневековом сознании, выражает это чувство всеведения так:

«Не существует большей истины, которую дух Средневековья усвоил бы тверже, чем та истина, что заключена в словах Послания к Коринфянам (апостола Павла): «Videmus nunc per speculum in aenigmate, tunc autem facie ad faciem» – «Видим ныне как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» (1 Кор. 13, 12). [...] Подобное безотчетное знание присуще также и нам, и оно просыпается в такие мгновения, когда шум дождя в листве деревьев или свет настольной лампы проникают вдруг до таких глубин восприятия, до каких не доходят ощущения, вызываемые практическими мыслями и поступками».

На мой взгляд, «Братья Карамазовы» — это гениальное художественное воплощение юнговской идеи акаузальной упорядоченности, которой подчинено все в романе. Один из кульминационных моментов сюжета, где звучит чувство всеведения, направляющей силы и внутреннего центра — это сцена, в которой Алеша выходит во двор, под звезды, после своего Евангельского сна, и вдруг падает, и обнимает, и целует землю:

«Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал, и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», — говорил он потом с твердою верой в слова свои... Через три дня он вышел из монастыря, что согласовалось и со словом покойного старца его, повелевшего ему «пребывать в миру»» [2].

Вообще, когда читаешь про Алешу Карамазова (а именно его Ф. М. Достоевский называет главным героем романа и «деятелем», который *«пожалуй и носит в себе иной раз сердцевину целого»*), невольно ловишь себя на мысли, что Федор Михайлович в его фигуре предвосхитил и то, что составляет сердцевину аналитической психологии, и что именно таким, как Алеша, и должен быть аналитик. Точнее, такой, как у Алеши, должна быть главная установка в юнгианском анализе: «люби ближнего своего как самого себя» без запятой перед «как», потому что мы — одно.

Можно сказать, что «горячая ванна», в которую садятся оба — и аналитик, и анализант (по образному выражению К. Г. Юнга) — есть не что иное, как они сами в той своей части, где их души — единая душа и часть души мировой. Тогда роман Ф. М. Достоевского — это та же мистерия, потому что, сопереживая, позволяя проникнуть слову автора, чувству героя глубоко в себя, мы сами становимся ими всеми — Митей, Иваном, Алешей, Грушенькой, Катериной, и Смердяковым, и Федором Павловичем тоже... Точно так же, как и аналитик становится своим анализантом, позволяя слову и чувству сидящего напротив человека проникать глубоко в себя.

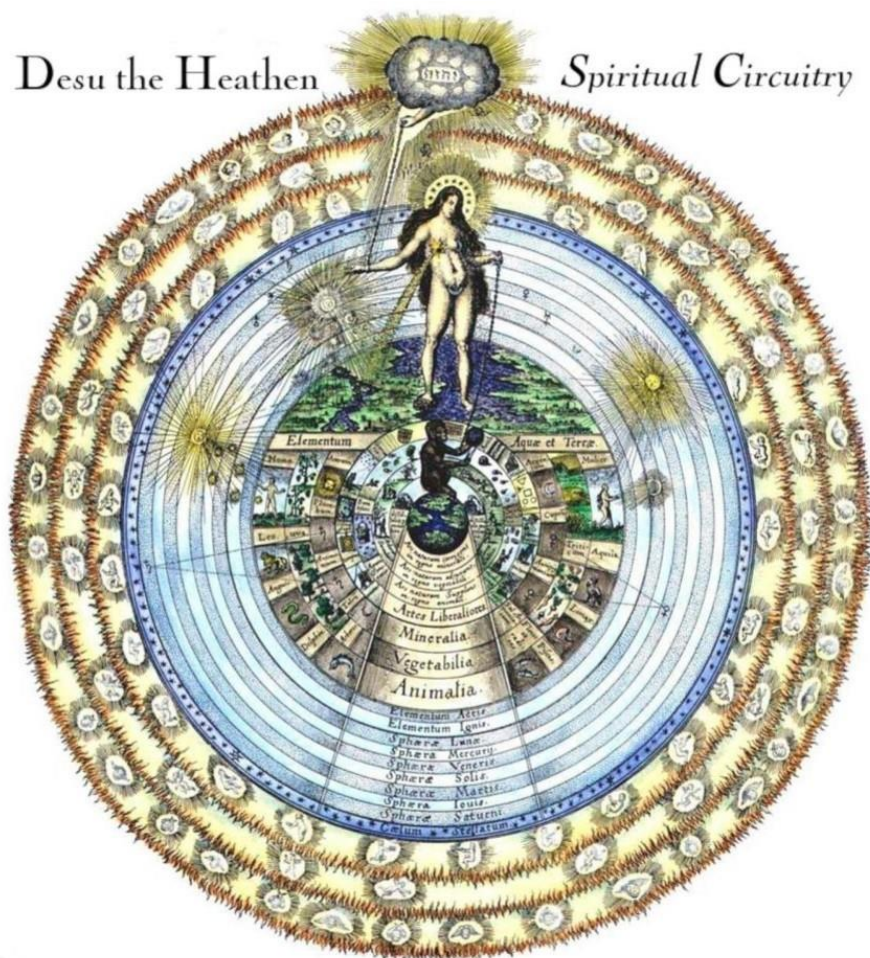

Рисунок 8. Anima Mundi.
Илл. к «Utriusque Cosmi Historia» Роберта Фладда, 1617

Мировая душа (греческое *psychè kósmou*, латинское *anima mundi*), звучащая в каждом герое романа Ф. М. Достоевского, есть образ внутренней связи между всеми живыми существами. В аналитическом процессе, таким образом, задача состоит в том, чтобы найти тот фрагмент общего узора Мировой души, *anima mundi*, который предназначен душе индивидуальной — таким образом решается проблема соотношения коллективного и личного. Как механический будильник не может работать, если не вращается даже самая маленькая шестеренка, так и Мировая душа состоит из душ индивидуальных и требует от каждой из них найти свое место в общем целом, поскольку Мировая душа, так же, как и индивидуальные души, находится в состоянии постоянного становления и обновления (*creatio continua*). Мы можем сказать, что *anima mundi* есть и конечная цель, и, одновременно, через включение в ее коллективную динамику — путь к этой цели. По словам Марии-Луизы фон Франц в аналитическом процессе исцеление состоит по большей части из развития определенной ориентации на «люминозность» (то есть всеведение) Мировой души в психике пациента — говоря метафорически, для каждой маленькой шестеренки необходимо найти свою ось.

Впервые появляясь у Платона, концепция Мировой души далее прослеживается в неоплатонизме, гностицизме, герметизме и других религиозно-философских системах, кроме того, аналогичные идеи можно найти (помимо уже упомянутого Ф. Шиллера) у европейских философов (Г. Лейбница, И. Канта, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля и др.), а также в еврейском мистицизме (Хокма), в индуизме (Брахман) и даосизме (ци).

В «Психологических типах» К. Г. Юнг пишет о мировом порядке (*ritam*) и правильном пути (Дао), присущих соответственно Брахману, и ци, как индийскому и китайскому аналогам понятия Мировой души:

«Понятие Брахмана включает в себе и понятие ritam (правильного хода), понятие мирового порядка. В Брахмане в качестве творческой мировой сущности и мировой основы — вещи вступают на правильный путь...» [5].

Через понятие *ritam* мы приходим к понятию Дао у Лао-Цзы. *«Дао есть правильный путь, царство закона, срединный путь между противоположностями, освобожденный от них и в то же время объединяющий их в себе»*. То есть динамика Мировой души (в качестве Дао) описана (например, в И-Цзин) через игру противоположностей (инь - ян, материя - дух, локальность - нелокальность, время - вечность), и, возвращаясь к началу нашего рассуждения и стихотворению Константина Бальмонта, может быть представлена образом маятника:

*И маятник всемирный, незримый для очей,
Ведет по лабиринту рассветов и ночей.
И сонмы звезд несутся по страшному пути.
И бог всегда уходит. И мы должны идти.*

Можно сказать, что жизнь души — и индивидуальной, и Мировой — это качание маятника, или осцилляция вокруг таинственной центральной точки. Возможно, скорость колебаний или переключений полюсов, то есть частота, а также связанная с ней интенсивность, или энергия — это именно тот параметр, от которого зависит форма существования психики: либо в живом теле, либо в посмертии. Об этом пишет в книге «О снах и о смерти» Мария-Луиза фон Франц:

«Может быть психэ следует понимать как непротяженную интенсивность, а не тело, движущееся во времени. Можно предполагать, что психэ постепенно восходит от минимальной протяженности до бесконечной интенсивности, превосходя, например, скорость света, и таким образом дематериализуя тело. [...] В свете этих взглядов мозг может быть преобразующей станцией, в которой относительное бесконечное напряжение интенсивности психэ трансформируется в воспринимаемые частоты или «протяженности». [...] Психэ — это высшая интенсивность в малейшем пространстве».

Мы знаем, что вся материя организована как колебательное либо вращательное движение (что математически — одно и то же) вокруг центральной точки. Именно интенсивностью этого движения, возможно, и определяется скачкообразный переход между линейным временем и вечностью (в которых и существуют материя и дух как два полюса психики соответственно). Как пишет М.-Л. фон Франц:

«[...] В частности, К. Г. Юнг обнаружил, что в пространстве бессознательного время становится тем относительнее, чем глубже мы погружаемся в удаленные слои психики, и что в определенных слоях оно исчезает вообще. [...] Сон как таковой, будучи «трещиной» во времени, в каком-то смысле также протекает вне времени, поскольку часто мы можем вспомнить только некий «пучок» почти одновременных событий, которые нужно расставить по хронологической шкале, когда мы пытаемся записать или рассказать сон. Я постоянно слышу от своих пациентов во время анализа сна: «Там происходило что-то еще, но было ли это до или после, я не знаю»».

Интересно, что в ключевом видении Вольфганга Паули, описанном К. Г. Юнгом в книге «Психология и алхимия» — в видении Мировых часов — есть элемент, никак не прокомментированный им, — это маятники в руках у маленьких человечков на горизонтальном круге часов. Приведу начало видения:

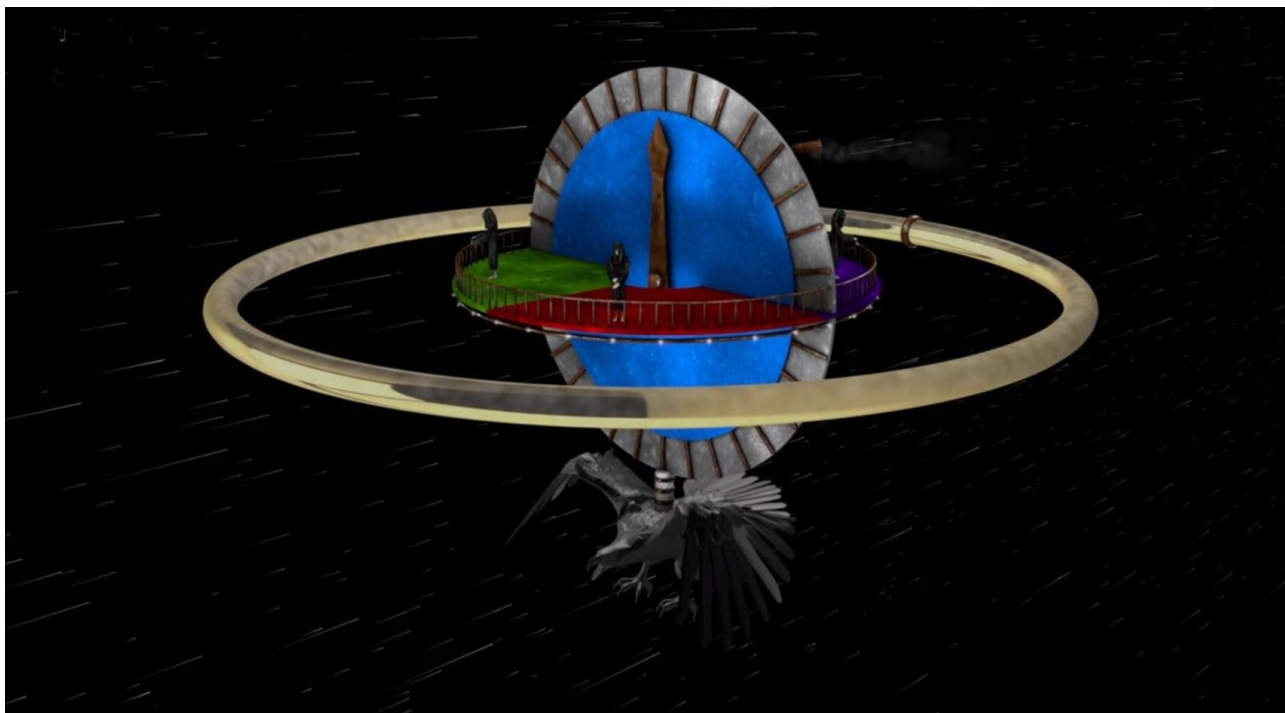

Рисунок 9 - Мировые часы (видение Вольфганга Паули)

«Существуют вертикальный и горизонтальный круги, имеющие общий центр. Это мировые часы. Их поддерживает черная птица. Вертикальный круг представляет собой синий диск с белой каймой, разделенный на $4 \times 8 = 32$ части. Стрелка вращается на нем. Горизонтальный круг состоит из четырех цветов. На нем стоят четыре маленьких человечка с маятниками, а вокруг него — кольцо, которое когда-то было темным, а теперь стало золотым (раньше его носили дети)» [7].

К. Г. Юнг пишет:

«Это замечательное видение произвело на сновидца глубокое и неизгладимое впечатление, впечатление «самой возвышенной гармонии», как он сам выразился. Мировые часы вполне могут быть «суровым образом», идентичным кабирам, то есть четверем детям или четверем маленьким человечкам с маятниками. Это трехмерная мандала — мандала в физической форме, означающая реализацию. Что бы ни делал человек, в действительности он становится самим собой» [7].

Очень интересно, что К. Г. Юнг приравнивает образ мировых часов к кабирам (творческим импульсам бессознательного):

«Мировые часы вполне могут быть «суровым образом», идентичным кабирам, то есть четверем детям или четверем маленьким человечкам с маятниками» [7].

Маятники здесь, разумеется, могут выражать идею времени, но эта метафора ощущается слишком плоской. Однако, если время зависит от интенсивности психического напряжения, а маленькие человечки (кабиры или дети) — это символическое выражение рождения нового, то есть актов созидания в моменты синхронии, тогда становится понятно, почему в их руках маятники — маятник, вернее частота его колебания, символизирует возрастание интенсивности в психике. Чем выше взлетает маятник или чем интенсивнее энергия осцилляции вокруг центра, то есть выше энергия души, тем ближе Эго-сознание оказывается к божественному. Это и есть *coniunctio* эго и Самости и акты созидания нового в продолжающемся творении (*creatio continua*).

Хочу закончить свою мысль и этот доклад еще одной синхронией или смысловой рифмой, и вновь вернуться к стихотворению К. Д. Бальмонта о всемирном маятнике, с которого все и началось. У К. Д. Бальмонта в 1901 году на пороге катастрофического слома старого мира, *«сонмы звезд несутся по страшному пути»*. И это какой-то очень знакомый образ, не правда ли? Да, это не что иное, как точное отражение финального образа Божественной комедии Данте. И если у К. Д. Бальмонта темный и пугающий полюс этого образа — *«страшный путь»*, по которому несутся сонмы звезд, то есть и другой — райский полюс — к которому восходят и Данте, и Ф. М. Достоевский, и К. Г. Юнг. Это — *«Любовь, что движет солнце и светила»*. Она и есть цель и путь.

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 томах. – М.: Терра, 2010
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – М.: АСТ, 2021 – 992 с.
3. Касаткина Т. А. Мы будем – лица... Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. – М: ИМЛИ РАН, 2023 – 432 с.
4. фон Франц М.-Л. Психэ и материя. – Изд. Касталия, 2013 – 324 с.
5. Юнг К. Г. Психологические типы. – М.: Харвест, 2021 г. – 528 с.
6. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – М.: АСТ-ЛТД, 1998 – 493 с.
7. Юнг К. Г. Психология и алхимия. – М: Рефл-Бук, 2003 – 424 с.
8. Зубов А. Б. Мистерии Эллады. Тайна Элевсина (аудиолекция) Режим доступа: [https://abzubov.com/new_course/lecture_078]